

ДЕМОГРАФИЯ:
Д.К. ШЕЛЕСТОВ
**История
и современность**

DEMOGRAPHIE

Д. К. ШЕЛЕСТОВ

ДЕМОГРАФИЯ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОСКВА
«ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА»
1983

Шелестов Д. К.
Ш 42 Демография: История и современность. — М.:
Финансы и статистика, 1983. — 271 с.

В пер.: 2 р. 10 к.

В книге на обширном историческом материале показано зарождение демографии, дана характеристика основных этапов ее развития, становления, исследуются роль и место демографической науки среди других общественных наук, взаимосвязь ее с важнейшими современными социально-экономическими процессами. Анализируются методологические проблемы взаимодействия демографической и исторической наук, критикуются буржуазные концепции истории демографии и исторической демографии.

Для демографов, историков, социологов, экономистов.

Ш 0703000000—010
010(01)—83 44—83

ББК 60.7
312

© Издательство «Финансы и статистика», 1983

Современность и история (вместо предисловия)

Современность и история... Для демографической науки эти понятия имеют свое внутреннее единство. Несколько лет назад В. В. Покшишевский подметил, что «через демографические процессы настоящее осязаемо смыкается с будущим»¹. Но разве эта мысль не будет справедлива, если ее, так сказать, повернуть в обратном направлении? Еще в середине 40-х годов французский демограф А. Ландри (1874—1951) в обобщающем труде «Трактат о демографии», определяя изучение фактов как первую задачу демографических исследований, писал, что в решении этой задачи «демография выступает как история»². Ученый имел в виду, разумеется, не тождество демографии и истории, а исторически непрерывное течение демографических процессов, тот непреложный факт, что успешное изучение последних невозможно только на «сиюминутном» материале и практически всегда требует их исследования в более или менее значительной исторической ретроспективе. Больше того, потребность в постоянном и систематическом изучении этой ретроспективы как в целом, так и в отдельных ее звеньях определила формирование специальной области научных знаний — исторической демографии.

Однако это не единственная область демографии, где современность соприкасается с историей. День сегодняшний и день завтрашний демографической науки неразрывно связаны с ее предшествующим развитием, что настоятельно требует осмысления этого развития, т. е. изучения истории демографии. «История демографии — одна из самых интересных, — говорится в упомянутом

¹ Демографическая политика. М., 1974, с. 4.

² Landry A. Traité de démographie. P., 1945, p. 10.

«Трактате», — и заслуживает более тщательного изучения, чем это делается на практике. Сами демографы очень часто имеют о ней недостаточное представление»¹. Схожее суждение одновременно высказал и советский выдающийся ученый М. В. Птуха (1884—1961). Отметив отсутствие полной истории отечественной демографии, он вместе с тем подчеркнул, что она представляет значительный интерес².

Проблемы истории демографической науки, а также развития исторической демографии — таков в наиболее общем определении предмет рассмотрения предлагаемой работы.

В документах XXVI съезда КПСС поставлена задача изучения теоретических вопросов марксистско-ленинской демографической науки³. В решение этой задачи входит также и разработка методологических проблем самой науки или ее отдельных разделов, в том числе истории демографии и исторической демографии. Они, несомненно, представляют собой два различных по содержанию научных раздела, но в данном случае второй из них рассматривается только в историографическом аспекте, иначе говоря, в плане истории науки. Это и определяет тематическое единство настоящего исследования: в нем наряду с раскрытием основных периодов зарождения и развития демографической науки в целом характеризуется возникновение и формирование ее раздела — исторической демографии, которая одновременно является научной дисциплиной исторической науки. В связи с этим в работе рассматриваются также проблемы взаимодействия истории и демографии.

В работе впервые прослеживается вся история демографической науки от ранних ее предпосылок до современности и рассматривается весь путь, пройденный исторической демографией. Такая широкая постановка темы предопределила необходимость *строгого ограничения* в изложении материалов. Каждый из рассматриваемых периодов демографической науки, включая и современный, характеризуется лишь *в общих чертах*, постольку, поскольку это необходимо для раскрытия всего процесса движения демографических и историко-

демографических знаний, анализу которого *в целом* и посвящена работа.

Этот подход неразрывно связан с современными задачами разработки данной области науки. Подъем в последние десятилетия марксистско-ленинского изучения народонаселения сказался и на освещении ряда проблем истории демографии. Если раньше работы по ее тематике насчитывались единицами, то в 60—70-е годы наметился определенный сдвиг. В первую очередь были поставлены наиболее насущные проблемы, связанные с историей развития марксистско-ленинской теории народонаселения¹. Одновременно получило новое развитие критическое изучение процессов формирования буржуазных демографических концепций (работы Б. Я. Смулевича (1894—1981), Э. А. Араб-Оглы, Д. И. Валентея, Г. М. Коростелева, А. Я. Попова, Я. И. Рубина, А. П. Судоплатова и др.). Наконец, были продолжены, начатые М. В. Птухой, исследования по истории демографической статистики, что нашло выражение в трудах А. И. Гозулова (1892—1981), Н. К. Дружинина, Б. Ц. Урланиса (1906—1981) и других ученых.

Высоко оценивая эти работы, приходится тем не менее признать, что марксистско-ленинская история демографической науки остается одним из наименее изученных ее разделов. В настоящее время можно говорить о разработке лишь первых фрагментов такой истории, к тому же, к сожалению, не свободной в некоторых случаях от неправильных представлений. Между тем потребность глубокого марксистско-ленинского осмысления истории демографической науки, перехода от фрагментарного ее рассмотрения к выработке целостной научной концепции истории изучения народонаселения — сегодня налицо.

Впервые в нашей современной научной литературе этот вопрос был поставлен в коллективном труде «Система знаний о народонаселении». В его разделе «История демографии» справедливо отмечалось, что «в демографии остро стоит вопрос о преемственности»², и было показано, что изучение научного наследия прошлого развивается прежде всего потребностями современного развития марксистско-ленинской демографии, ее даль-

¹ Landry A. Op. cit, p. 12.

² См.: Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945, с. 14.

³ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 145.

¹ См.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974, введение; Основы теории народонаселения. М., 1977, гл. 1.

² Система знаний о народонаселении. М., 1976, с. 211.

нейшего поступательного движения, резким возрастанием практической значимости исследований народонаселения.

Итак, потребности внутреннего развития науки — один из основных факторов, определяющих выдвижение изучения истории демографии в число первоочередных проблем. Но есть еще, условно говоря, и внешние факторы. На современном этапе, особенно в связи с реализацией указаний XXVI съезда КПСС, демография призвана стать стержнем, ядром марксистско-ленинской разработки проблем народонаселения, целым комплексом общественных и ряда естественных наук. Занятие ею такого лидирующего положения неразрывно связано с раскрытием всей истории изучения народонаселения. Особо следует подчеркнуть, что это диктуется *задачами современности*. Не «уход в прошлое», а *современность и история* — такова генеральная линия марксистско-ленинского изучения зарождения, становления и развития демографической науки.

Советская наука, утверждая совместно с учеными социалистических стран и прогрессивными учеными мира диалектико-материалистическое изучение народонаселения, призвана в числе своих первоочередных задач разработать научную концепцию истории демографии, раскрыть исторические причины и неизбежность кризиса буржуазной науки о народонаселении.

Одним из выражений этого кризиса явился ее переход примерно с 50-х годов от почти исключительного применения методов «чистой» (формальной) демографии в изучении народонаселения к рассмотрению «детерминантов и последствий демографических тенденций». Переход буржуазных ученых к исследованию взаимодействия демографических и социально-экономических процессов отразился и в их современных концепциях истории демографической науки.

Интерес к ней впервые проявился в последней трети XIX в. То была пора оформления буржуазной демографии, и именно это определило потребность в изучении процесса ее возникновения. Однако недialeктический подход к анализу этого процесса повлек за собой искаженные представления о нем. Достигнув некоторых успехов в изучении отдельных деталей (например, деятельности некоторых ученых прошлого), буржуазная наука оказалась неспособной раскрыть и объяснить об-

щую картину развития научных знаний о народонаселении. Дифференциация общественных наук, вполне определившаяся только в XIX в., была механически перенесена в предшествующие столетия, вместо изучения развития науки и ее предпосылок начались поиски «основоположников» статистики, а затем и демографии, в XVII—XVIII вв. и даже в XVI в. (Д. Ботеро). С таких субъективистских позиций буржуазная наука начала разработку своей концепции истории изучения народонаселения.

Она проходила и идет под влиянием целого ряда философских и социологических течений, породивших различные оттенки, через которые тем не менее отчетливо проступают два основных подхода к освещению истории изучения народонаселения: либо оно сводится к истории развития методов обработки данных о населении, а точнее, к разрозненной характеристике деятельности отдельных ученых, работавших в этом направлении¹, либо подменяется историей общих концепций народонаселения, которые излагаются в отрыве от конкретного изучения последнего, как некая «филиация идей», происходящая «до и после Мальтуса»².

В общем такие подходы бытуют в буржуазной науке и в наше время. Вместе с тем предпринимаются попытки их модернизировать. Одна из наиболее значительных попыток была сделана американским демографом Ф. Лоримером (1894—1976), очерк истории демографии которого широко известен в зарубежной литературе³. Это, пожалуй, единственная работа, в которой последовательно излагаются некоторые фрагменты истории изучения народонаселения за период со второй половины XVII в. до середины XX в.

Хотя очерк открывается характеристикой работ «политических арифметиков», его автор не склонен считать, что только они определили все последующее развитие демографии и тем более ее возникновение. «Если и существует некоторая «апостольская последователь-

¹ Willcox W. Biographical Sketches: John Graunt, Lemuel Shattuck, John Shaw Billings. — In: Studies in American Demography. Ithaca: Cornell University Press, 1940.

² Gonnard R. Histoire des doctrines de la population. P., 1923; Smith K. The Malthusian Controversy. L., 1951.

³ Lorimer F. The development of demography. — In: The Study of Population. An Inventory and Appraisal. Ed. by P. Hauser and O. Dunkan. Chicago, 1959.

ность», начиная с Д. Граунта и кончая демографами наших дней, — замечает он, — то она полностью исчерпывается анализом смертности и построением таблиц продолжительности жизни»¹. Это положение прямо связано с выводом, который резюмирует всю работу: «Концепция «чистой демографии», если это не касается «скелета» самой науки, является просто иллюзией. Важность демографии заключается в ее междисциплинарности»². Так Ф. Лоример понимает проблему взаимосвязанного изучения демографических и социально-экономических факторов общественного развития и с этих позиций дает общую характеристику истории демографии. Добавим, что в очерке явно видно стремление низвести демографию, которую Ф. Лоример уклончиво называет «научной дисциплиной», до уровня одного из разделов буржуазной социологии, что свойственно для части современных американских авторов.

Со времени публикации статьи Ф. Лоримера минуло более трети века, по существу, не принеся ничего нового в трактовку буржуазной наукой истории демографии. Единичные работы, специально посвященные ей, по-прежнему в основном рассматривают только деятельность «основоположников» демографии³. Несмотря на то что ряд западных ученых начинает относить возникновение демографической науки к XIX в.⁴, исследования по этому периоду, а также по истории демографии конца XIX — XX вв. отсутствуют.

Общие итоги изучения этой проблематики в известной мере подведены в сводной работе «Детерминанты и последствия демографических тенденций»⁵, подготовленной западными экспертами ООН. В ее третьей главе — «Теория народонаселения» — характеризуется развитие знаний о народонаселении с древнейших времен до наших дней. Уже сама по себе такая попытка могла бы представлять определенный интерес, тем более что при этом значительное внимание уделяется демографической науке. Однако изложение материалов поддержа-

но в духе уже отмеченных выше представлений буржуазной истории демографии. Увязать ее со всем процессом формирования знаний о народонаселении составители указанной работы не смогли. И не случайно. Постановка проблемы взаимосвязи развития демографии и всего изучения народонаселения возможна только с позиций диалектико-материалистической истории науки.

Эта проблема является одной из центральных при разработке истории демографии. На наш взгляд, исходным критерием такой разработки должно быть рассмотрение истории демографии, как части истории изучения народонаселения в целом. Еще в конце XIX в. сложился односторонний подход, сводящий все многообразие факторов, определивших формирование демографии, только к одному — количественному изучению массовых общественных явлений («статистики»). Такой подход стал традиционным и, хотя в последнее время он порой подвергается сомнению¹, в общем сохраняет широкое распространение, в том числе в силу ряда причин в нашей литературе.

Анализ данной проблемы в свете современного марксистско-ленинского изучения народонаселения показывает, что необходим принципиально иной подход к рассмотрению истории демографии. Она не могла развиться как общественная наука, ставящая своей задачей исследование воспроизводства населения в его социально-исторической обусловленности, только «из статистики». Формирование ее — результат всего процесса развития в новое время знаний о народонаселении, в том числе и его количественного изучения.

Если брать в масштабах всей истории, то можно выделить три наиболее крупных периода развития знаний о народонаселении. Первый из них охватывает время от глубокой древности до XVI в. и характеризуется медленным накоплением первичных разрозненных представлений об отдельных сторонах жизнедеятельности народонаселения. Его научное изучение зарождается и развивается в условиях становления капиталистического общества в XVI—XIX вв., на которые приходится

¹ Lorimer F. Op. cit., p. 157.

² Ibidem, p. 165.

³ Vilquin E. La naissance de la démographie. — Population et Famille, 1976, № 3.

⁴ Glass D. V. Introduction. — In: Population in History. L., 1965, p. 1.

⁵ См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I, ч. I. ООН, Нью-Йорк, 1973, гл. 3.

¹ Так, западногерманский демограф Г. Шубнелл, возражая против «выведения» демографии из статистики населения, пишет: «На самом же деле исследования населения, хотя и были тесно взаимосвязаны со статистикой, развивались параллельно ей» (см.: Изучение мнений о величине семьи. М., 1971, с. 104).

второй из названных периодов. Третий период (примерно со второй половины XIX в.) ознаменован началом подлинно научного изучения народонаселения, основу которого заложил марксизм-ленинизм.

Выделение этих периодов не только позволяет осмыслить формирование демографической науки во всем контексте развития знаний о народонаселении, но и увязать его с процессом общественно-исторического развития, выявить классовый характер изучения народонаселения и его неотъемлемой части — демографии. Рассматриваемая с таких позиций история изучения народонаселения предстает как часть истории борьбы в науке материализма и идеализма, утверждения и торжества диалектического материализма. Этот основополагающий тезис опровергает деление истории изучения народонаселения на «до и после Мальтуса».

Действительный рубеж в изучении народонаселения был определен революционно-творческой деятельностью К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, их разработкой диалектико-материалистической философии, последовательным применением исторического материализма к анализу общественных явлений, в том числе и к народонаселению. Разработка и утверждение диалектико-материалистического подхода к раскрытию закономерностей развития народонаселения в борьбе с антинаучными концепциями — таков основной критерий изучения всей истории зарубежной и отечественной демографической науки.

Содержание этого изучения многообразно¹ и может быть раскрыто только в ходе многочисленных специальных исследований. Вот почему представляется необходимым наращивание коллективных усилий в данном направлении, изучение отдельных тем и вопросов и вместе с тем рассмотрение общих проблем поступательного движения демографической науки.

Предлагаемая работа является лишь одной из первых попыток поставить и по возможности осветить некоторые из этих общих проблем. При этом следует подчеркнуть, что она ни в какой мере не претендует на исчерпывающее их раскрытие, которое возможно только в ходе широкого марксистско-ленинского иссле-

¹ См. подробнее: Шелестов Д. К. История и современность (Об изучении истории демографической науки). — В кн.: Прошлое и настоящее демографии (Народонаселение; Вып. 32). М., 1980.

дования истории демографии и всего изучения народонаселения.

Одним из важных предварительных условий развертывания такого изучения является выработка общей концепции основных периодов истории демографической науки от возникновения ее предпосылок до современного состояния. В настоящей работе предпринята попытка сформулировать и обосновать такую концепцию. В основу ее положена гипотеза о главных периодах зарождения и развития научного изучения народонаселения. Отсчет ведется от XVI в., т. е. от времени начала складывания современной науки в целом. Почти три столетия (от XVI до половины XIX в.) рассматриваются как период зарождения научного изучения народонаселения, формирования предпосылок возникновения демографической науки. В истории буржуазной демографической науки выделяются три основных периода: первый — становление демографии с середины XIX в., второй — ее развитие в конце XIX — первой половине XX в., третий (примерно с 50-х годов до наших дней) — современный.

Возникновение марксистско-ленинского учения оказало решающее воздействие на разработку проблем народонаселения, весь ход их изучения. Такое воздействие значительно усилилось с утверждением диалектического материализма как единственной методологии советской науки. До 1917 г. отечественная история изучения народонаселения развивалась в основном в том же русле, что и за рубежом. Перелом начался после победы Великой Октябрьской социалистической революции, и в последующие более чем 60 лет это изучение прошло через три основных периода (включая современный). Первый из них охватывает время с 1917 г. примерно до середины 30-х годов, когда вместе со становлением всей советской науки шел процесс становления и советской демографии. Второй период приходится на время с середины 30-х до конца 50-х годов. Третий период начался с первой половины 60-х годов и характеризуется широким развертыванием марксистско-ленинских исследований народонаселения, утверждением советской демографии как самостоятельной общественной науки.

На основании изложенной периодизации истории изучения народонаселения исследуется и другая основная тема данной работы — возникновение и развитие

исторической демографии и взаимодействия исторической и демографической наук. Зачатки изучения истории народонаселения относятся еще к XVI—XVII вв., но только со становлением демографической науки началось ее взаимодействие с исторической наукой, в результате чего сформировалась историческая демография, периоды развития которой в основном соответствуют периодам истории демографии.

Выделение этих периодов определило структуру работы. В ее первых двух главах рассматривается формирование предпосылок демографической науки в XVI—начале XIX в., становление и развитие буржуазной демографии в XIX—первой половине XX в., а также начало взаимодействия истории и демографии. Эти главы образуют ту часть работы, которую можно назвать «история». Другую часть — «современность» — составляют третья и четвертая главы, в которых характеризуются современные рубежи развития демографической науки, а также ее взаимодействие через историческую демографию с историей.

Таким образом, структура работы, как и указано в ее названии, отражает нерасторжимую связь современности и истории, выражающуюся как в логике развития науки, так и в исторической обусловленности демографических процессов, которые она изучает. Эта связь современности и истории определяется и партийным подходом к анализу указанных выше проблем, стремлением рассмотреть их с единственно научных диалектико-материалистических позиций.

Автор благодарен своим коллегам из Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ, которые в ходе обсуждений его докладов и сообщений высказали немало важных замечаний по рассматриваемой проблематике. Большое значение имела также работа в студенческой аудитории. Чтение курса историографии отечественной истории, спецкурса о взаимодействии исторической и демографической наук и др. предопределило возможность создания настоящей работы. В ходе подготовки ее к печати ценные замечания сделали А. В. Адо, Д. И. Валентей, И. С. Даниленко, В. З. Дробижев, С. Ф. Иванов, А. Я. Кваша, А. В. Муравьев, А. П. Судоплатов, за что автор выражает им глубокую благодарность.

Глава первая У ИСТОКОВ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

К какому времени относится возникновение демографической науки?

Вопрос поставлен не случайно. Неискушенный читатель, обратившийся за ответом на него к современной литературе, встретит различные датировки, хронологический диапазон которых колеблется в пределах более чем трехсотлетней амплитуды — от XVII в. до наших дней. Самой распространенной среди них является датировка возникновения демографической науки «от Граунта», т. е. от выхода в 1662 г. в Лондоне небольшой книги «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» галантерейного купца Д. Граунта, ординарного, по замечанию историка науки Д. Бонара¹, человека, который совершил экстраординарное: на основе изучения бюллетеней смертности установил (очевидно, при том или ином участии родоначальника буржуазной политической экономии В. Петти) наличие некоторых закономерностей в смертности жителей английской столицы, их рождаемости и некоторых других процессах.

Наиболее тщательно работа Д. Граунта была проанализирована М. В. Птухой. Его оценка этой работы имеет некоторые оттенки. В конце 30-х годов ученый представил III Международному конгрессу по народонаселению (Париж) доклад, в котором Д. Граунт назван основателем демографии². В вышедшей через несколько лет книге такая категоричность была несколько

¹ Bonar J. Theories of population from Raleigh to Artur Yunge. N. Y., 1931, p. 68.

² Ptouk'ia M. John Graunt, fondateur de la démographie. — In: Congrès International de population. P., 1937; Démographie historique. P., 1938.

смягчена, в ней М. В. Птуха писал уже о трех (Д. Граунт, В. Петти, Э. Галлей) «основоположниках статистики XVII в.»¹. Заметим также, что эта книга — один из самых (не только в отечественной, но и в зарубежной литературе) обстоятельных очерков деятельности ученых XVII—XVIII вв., являвшихся зачинателями количественного изучения населения, и всем своим фактическим содержанием показывает сложность и длительность формирования этой области знаний о народонаселении.

Но как бы то ни было, отсчет в ней ведется «от Граунта», и не случайно Б. Ц. Урланис, который в начале 60-х годов дал законченное изложение концепции единовременного возникновения демографической науки, поставил эту книгу первой в списке использованной им литературы. В его статье, приуроченной к юбилею выхода книги Д. Граунта, утверждается, что в отличие от других наук, возникновение которых «окутано туманом в веках прошлого», для демографии «время ее рождения может быть установлено вполне точно» — «в январе 1962 г. был выдающийся юбилей: 300-летие существования демографической науки»². В соответствии с этой посылкой статья завершается выводом об исторической роли Д. Граунта в «открытой им науке»³ (курсив наш. — Д. Ш.).

В статье, таким образом, книга Д. Граунта рассматривается не просто как важная веха (возможно, даже одна из важнейших) на пути становления научного изучения народонаселения, но ей придается исключительное значение и при этом формулируется положение о «разовом открытии» в XVII в. демографической науки, дальнейшую судьбу которой автор, впрочем, не показывает.

За два десятилетия, прошедшие после публикации этой статьи, появились новые суждения по поводу датировки возникновения демографической науки⁴. Однако

концепция ее единовременного «открытия» в XVII в. не только не получила критической оценки, но и по-прежнему имеет широкое хождение в литературе, в том числе и в учебной¹.

Между тем она, по нашему мнению, не соответствует реальному ходу возникновения и становления научного изучения народонаселения. Ее сторонники фактически игнорируют сложность и многообразие *длительного* процесса формирования *предпосылок* демографической науки, искусственно выделяют из него отдельное звено и на этой основе конструируют точную «дату рождения» науки.

В действительности во второй половине XVII в. до «рождения» демографической науки, как впрочем и других современных общественных наук, было далеко: в это время еще шло накопление научных знаний, которое столетие спустя привело к вычленению политической экономии, правоведения, исторической науки; оформление же ряда других наук (в том числе социологии, статистики, демографии) произошло еще позже — в XIX столетии.

Предпосылки возникновения каждой из них не «окутаны туманом в веках прошлого», с большей или меньшей полнотой они раскрыты и изучаются. Выявление таких предпосылок составляет первоочередную задачу и в научном исследовании истории демографии. Последняя не «родилась» внезапно, а сформировалась на определенном этапе развития научных знаний о народонаселении. Ее возникновение связано, таким образом, со всем процессом становления изучения народонаселения в новое время, является органической его частью и одним из важных результатов. Этот тезис представляется *основным* при раскрытии предпосылок демографической науки, которые постепенно складывались к середине XIX в.

¹ Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, с. 21.

² Урланис Б. Ц. Трехсотлетие демографии. — Ученые записки по статистике, М., 1963, т. VII, с. 150.

³ Там же, с. 160.

⁴ Так, Д. И. Валентей относит оформление ее к середине XIX в. (см.: Система знаний о народонаселении, с. 213). Вместе с тем, по мнению А. Г. Вишневского, «демография как особая наука возникла только в нашем столетии» (Вишневский А. Г. Демографическая ре-

волюция. М., 1976, с. 4). Некоторые авторы склонны считать, что эта наука еще находится в процессе складывания (см.: Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976, с. 8; Медведева Т. Н. Экономические проблемы роста населения и использования трудовых ресурсов в СССР. М., 1978, с. 213).

¹ См., например: Рубин Я. И. Проблема народонаселения как объект идейно-политической борьбы. Минск, 1976, с. 78—79; Боярский А. Я., Валентей Д. И., Кваша А. Я. Основы демографии. М., 1980, с. 12.

Если мысленно идти от этого столетия в глубь веков и рассматривать процесс формирования предпосылок возникновения демографической науки в неразрывной связи со всем ходом изучения народонаселения, то можно выделить два крупных периода, неадекватных по своим хронологическим масштабам и содержанию. Один из них, непосредственно предшествующий становлению демографической науки, — XVI — начало XIX в., другой, более ранний период, охватывает время от глубокой древности до XVI в., когда в условиях почти полного отсутствия эмпирической базы спорадически накапливались первые знания о народонаселении, научная основа которых находилась в зачаточном состоянии.

Работы, рассматривающие начальные формы учета населения, характеризующие античные и средневековые взгляды на народонаселение, начали выходить еще в прошлом столетии¹. Новому анализу эти взгляды подверглись в современных исследованиях². Ограничившись отсылкой на имеющуюся литературу, мы не будем останавливаться на рассмотрении «донаучного» периода. Выскажем в связи с его изучением только одно общее соображение: несмотря на «донаучный» характер наблюдений над народонаселением, накопленных к XVI—XVII вв., многие из них не прошли бесследно, так или иначе были восприняты в последующий период, и это должно учитываться при изучении предистории формирования демографических знаний.

Сказанное, конечно, относится не только к взглядам на народонаселение, но и к открытиям (пусть разрозненным и подчас случайным) целого ряда закономерностей, таких, например, как вторичное соотношение полов³ или известная «таблица» римского юриста Д. Уль-

пиана (рубеж II—III вв.)¹. Она, как и составившая ее основу более древняя «таблица», — свидетельство того, что представления о возможности исчисления средней продолжительности жизни в зачаточной форме существовали издавна, по крайней мере в Древнем Риме; они не были тайной и в средневековье («Флорентийская таблица» 1526 г.²).

Тем не менее они не получили до XVI—XVIII вв. сколько-нибудь значительного развития, так как для этого отсутствовали необходимые условия: не было ни общественной потребности на эти знания, ни возможностей (источниковой основы) для их обоснования и изучения.

Зачатки первых знаний

Условия для возникновения демографических знаний стали постепенно складываться только в эпоху перехода от феодализма к капитализму, явившуюся также эпохой становления современной науки в целом. Более чем трехсотлетний период от XVI до начала XIX в. занимает особое место в истории изучения народонаселения. Это — время зарождения и развития первых научных знаний о нем, возникновения предпосылок современного изучения народонаселения, формировавшихся под воздействием потребностей поднимающегося буржуазного общества. Его утверждение определило основное содержание всей картины всемирной истории XVI—XVIII столетий, которые ознаменовались началом огромных социально-экономических сдвигов, приведших в движение массы населения.

С формированием капиталистических отношений миллионы людей вовлекались в сферу социального движения. На смену феодальному сословному обществу шло капиталистическое общество с его делением на два основных класса — капиталистов и наемных рабочих. Никогда до этого история не знала таких значительных

¹ См., например: Федорович Л. В. История и теория статистики. Одесса, 1894; Народонаселение и учение о народонаселении. М., М., 1897 и др.

² См.: Валентей Д. И. Теория и политика народонаселения. М., 1967, с. 24—38; Судоплатов А. П. Демографические концепции. М., 1974, с. 5—13; Коростелев Г. М., Краев В. С. Буржуазные концепции народонаселения: Критический анализ. М., 1981, с. 22—32; Делтерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I, ч. I, с. 88—93 и др.

³ См.: Кувшинова Л. П. Из истории исследования вторичного соотношения полов. — В кн.: Демографическое развитие семьи/Под ред. А. Г. Волкова. М., 1979.

¹ Seutemann K. Ulpianus als Statistiker. — In: Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich (Leipzig), 1907, Vol. 31, № 2, S. 247—258; Poccet Э. Продолжительность человеческой жизни. М., 1981, с. 96—97.

² Dupâquier J. Sur une table (prétendument) florentine d'espérance de vie. — In: Annales. E. S. C., No 4, juillet-août, 1973, p. 1066—1070.

и коренных социальных перемещений, которые начались в странах, втягивавшихся в орбиту капиталистического развития.

XVI—XVIII вв. явились вместе с тем эпохой все более нараставших миграций, главным образом, европейского населения, которые приобрели межконтинентальный характер. До конца XVIII в. миграционные потоки направлялись почти исключительно в Америку. О их масштабах отчасти свидетельствуют расчеты Бюро цензов США, согласно которым численность населения на территории, ныне занимаемой США, выросла с 210 тыс. человек в 1610 г. до 5,3 млн. человек в 1800 г.¹ Заселение (а чаще — захват и ограбление) «открытых» земель способствовало зарождению мирового рынка и положило начало колониализму.

Менее впечатляющими, внешне почти не заметными были изменения, медленно и исподволь накапливавшиеся в XVI—XVIII вв. в процессах воспроизводства населения. Специалисты почти единодушно придерживаются мнения, что оба основных демографических процесса — рождаемость и смертность — характеризовались в период средневековья в принципе высокими показателями. Такой уровень рождаемости был свойствен и XVI—XVIII вв. (за исключением Франции, где его снижение началось в конце XVIII в.). Что касается высокой смертности, то она сохранялась повсеместно по крайней мере до второй половины XVIII в., после чего ее уровень начал медленно понижаться². Таким образом, изменения в процессах воспроизводства населения стали едва обнаруживаться лишь к исходу XVIII в. и более или менее выявились только в XIX в., оставаясь совсем незамеченными в предшествующие столетия. Последнее обстоятельство наложило существенный отпечаток на характер изучения народонаселения в XVI—XVIII вв.

Становление этого изучения начиналось в XVI — первой половине XVII в. постепенно и исподволь. Отмеченные

¹ См.: Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978, с. 116.

² См.: Инама-Штернегг К. Народонаселение Европы в средние века и в новое время до конца XVIII в. — В кн.: Народонаселение и учение о народонаселении; Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941, с. 216—231; Вишневский А. Г. Демографическая история. — В кн.: Курс демографии /Под ред. А. Я. Боярского. М., 1974, с. 378—386.

примерно полтора столетия явились первым этапом в зарождении знаний о народонаселении, которое проходило в условиях формирующегося капиталистического уклада. На этом этапе еще не появилось ни одной работы, специально посвященной народонаселению, которое рассматривалось пока только в связи с теми или иными концепциями общественного развития либо характеризовалось наряду с другими «достопримечательностями» в страноведческих сборниках. Более того, в ту пору в европейских языках отсутствовало даже само слово «народонаселение» (population, die Bevölkerung), утвердившееся позже, о чем будет сказано далее.

Тем не менее этот начальный этап имел важное значение. В его рамках началось рассмотрение ряда общих вопросов народонаселения, что уже само по себе было ценно и, кроме того, способствовало привлечению внимания к его изучению. Немалую роль в изучении народонаселения сыграла и литература о странах, издаваемая с конца XVI и особенно с начала XVII в. Остановимся кратко на характеристике каждого из этих двух направлений, с которыми было связано возникновение зачатков научных знаний о народонаселении.

Трудно выделить какое-либо определенное сочинение XVI в., которое можно было бы назвать первым в трактовке проблем народонаселения в соответствии с новыми условиями исторического развития. Пожалуй, ближе всего к этому стояли итальянские авторы. На их родине ростки капитализма появились, как известно, уже в XIV—XV вв., но в силу отсутствия национальной основы для их развития итальянские города с конца XV в. вступили в экономический упадок.

Таковы были условия, в которых протекало творчество флорентийского политического мыслителя и историка Н. Макиавелли (1469—1527). Некоторые буржуазные историки считают, что он «является, по-видимому, первым, кто выразил мысли, отвечающие современным представлениям о народонаселении»¹. Представляется более правильной точка зрения, согласно которой взгляды Н. Макиавелли на значение народонаселения в политической и экономической жизни были противоречивы. Действительно, он полагал, что многочисленное население является желательным явлением и к этому надо

¹ Gonnard R. Op. cit., p.91.

стремиться как к одному из источников могущества государства. Вместе с тем в его сочинениях отмечается угроза перенаселения и его отрицательное последствие.

В этом смысле небезынтересно, что в книге «История Флоренции» Н. Макиавелли выступает как убежденный сторонник политики колонизации, которую он считает залогом процветания и сохранения социального мира метрополии. Колонии дают возможность метрополии иметь некоторый избыток населения, когда же такой возможности нет, то население начинает сокращаться в результате быстро распространяющихся эпидемий, голода и других бедствий. В противоречивости взглядов Н. Макиавелли в зародыше проявились те тенденции, которые впоследствии, разившись, будут свойственны буржуазным концепциям народонаселения.

Из авторов XVI в. назовем также Ж. Бодена (1530—1596), француза, эмигрировавшего в Англию, где в 1577 г. вышло его основное сочинение «Шесть книг республики». Это был политический писатель, оказавший влияние на развитие общественной мысли. Но в данном случае важно отметить другое: в одной из глав названного сочинения он подробно изложил и обосновал положение о необходимости для государства *исчисления его подданных* и их доходов.

Его современником был итальянский политический писатель Д. Ботеро (1540—1617), который отразил оба отмеченных выше направления, он был автором наиболее обстоятельного описания стран (1583 г.) и вместе с тем выпустил в 1588—1589 гг. два трактата, в которых наряду с другими проблемами рассмотрел некоторые вопросы народонаселения.

Его творчество то предавалось забвению, то начинало превозноситься сверх меры. «В свое время он был мыслителем, известным даже в России времени Петра I, — говорится о Д. Ботеро в советском энциклопедическом издании 20-х годов, — теперь он почти забыт, хотя мог бы считаться одним из родоначальников описательной социологии и статистики»¹. Автор статьи, очевидно, не знал, что в середине предшествующего столетия известный экономист и статистик И. В. Вернадский оценил Д. Ботеро как писателя, который «высказал впервые ис-

тинные начала движения народонаселения»¹. Десять лет спустя вышла книга, посвященная Д. Ботеро². В ней обосновывалась не лишенная, на наш взгляд, основания мысль, что возникновению статистики (государствоведения) во второй половине XVII в. предшествовала деятельность Д. Ботеро и его последователей.

Последний по времени «взлет» Д. Ботеро произошел недавно. В 50-е годы, в условиях активизации мальтузианства, его апологеты ринулись, в частности, в историю, фальсифицируя ее в своих интересах. Их усилиями Д. Ботеро вновь появился на авансцене. В 1952 г. вышла книга о нем, в которой утверждается: «до Мальтуса мы едва ли найдем автора, который так всесторонне, во всех аспектах, рассматривал бы теорию народонаселения, как это сделал Д. Ботеро; он истинный основатель теории народонаселения»³. Так состоялось еще одно «посвящение» в «родоначальники демографии»⁴.

Если отбросить все эти искусственные наслоения на творчество Д. Ботеро, то следует признать, что оно способствовало зарождению интереса к проблематике народонаселения. В своих теоретических представлениях о народонаселении Д. Ботеро исходил из широкой способности населения к размножению, сдерживаемой, по его мнению, периодическими катастрофическими препятствиями, такими, как эпидемии, войны, голод⁵. Подобно Н. Макиавелли, он придавал большое значение колониям, возможности оттока населения в них.

Конечно, его политические позиции (он был деятелем контрреформации) не могли не отразиться и на взглядах на народонаселение. Но в одном его деятельность, связанная с орденом иезуитов, принесла неожиданный результат. По предложению конгрегации пропаганды Д. Ботеро предпринял долговременные путешествия в разные

¹ Вернадский И. Очерк истории политической экономии. СПб., 1858, с. 28.

² См.: Вреден Э. Государствоведение Сансовино и всемирные регуляции Ботеро. СПб., 1866.

³ Fischer E. Giovanni Botero. Ein politischer und volkswirtschaftlicher Denker der Gegenreformation. Bern, 1952, S. 56.

Примечательно, что почти тогда же было переиздано одно из основных сочинений Д. Ботеро, см.: Botero G. The Reason of State. L., 1956.

⁴ См.: Рубин Я. И. Проблема народонаселения как объект идейно-политической борьбы, с. 83.

⁵ Gonnard R. Op. cit., p. 92—97.

¹ БСЭ, т. 7. М., 1927, с. 250.

страны и дважды, ездил в Америку. Эти поездки дали ему основной материал для получивших широкое распространение его описаний государств («всемирных реляций»), которые в конце XVI — начале XVII в. были изданы на итальянском языке, а затем переведены на латынь, немецкий, французский языки и приобрели (часто без указания автора) европейскую известность.

«Произведения подобного рода, — замечает Ю. Э. Янсон, — имели громадное распространение, выдерживая ряд изданий, переводов и переделок, и всюду принимались с живейшим интересом»¹. Это было не случайно. Великие географические открытия, развитие капиталистического уклада и международной торговли вызвали потребность в информации о странах мира и их населении. В этих условиях в Италии появились первые сборники Э. Пикколомини (XV в.), Ф. Сансовино (1562 г.), а затем и «реляции» Д. Ботеро.

В первой половине XVII в. подобные издания появляются во Франции (П. д'Авити, 1612 и 1625 гг.). В Нидерландах лейденские издатели в книгопродавцы Эльзевиры выпустили 60 небольших томов описаний стран, вошедших в историю под названием «эльзевирских республик» — первого в мире серийного, цельного по содержанию и оформлению издания². Большое распространение литература такого типа получила в Германии³, не даром именно здесь была начата со второй половины XVII в. систематизация сведений о странах и зародилась статистика (государствоведение).

Вся эта литература впоследствии вызвала (особенно у некоторых авторов XIX в.) немало нареканий за бессистемность, неточность и даже фантастичность сведений. Все это так. Но, во-первых, иными на том уровне знаний эти описания и не могли быть. Во-вторых, даже в таком виде они выполнили важную функцию. Описания «чужих» земель и раньше имели немаловажное значение. В определенной степени на их основе еще в эпоху античности возникли две такие древнейшие области знания, как история и география. Записки арабских, итальянских и других средневековых путешественников

также имели не просто познавательное значение. Интерес, который выявился в XVI—XVII вв. к «чужим» странам и народам, потребность в их описании (а затем и изучении) сыграли немалую роль в развитии географии, исторических знаний (еще не превратившихся в науку), в появлении той ветви науки, которую сегодня мы называем этнографией.

Определенное значение это имело и для зарождения изучения народонаселения. В сборнике Ф. Сансовино сведений о населении как таковом еще почти нет. В «реляциях» Д. Ботеро они уже появляются. Последующая литература выработала схему, по которой, кроме местности, описывались и населявшие ее люди. Все это, конечно, было далеко от того, что подразумевается под понятием «демография». Но это была, образно говоря, тропинка, которая в конечном итоге вела на дорогу к этому понятию.

Таковы самые основные моменты подступа к изучению народонаселения в XVI — первой половине XVII в. Конечно, изложенное может быть существенно дополнено. Так, проблем народонаселения касались меркантилисты, которые были сторонниками его роста и впервые затронули вопрос об экономических последствиях такого роста. Интересные соображения о народонаселении с позиций раннего утопического социализма высказал Т. Кампанелла (1568—1639). Были и другие авторы, писавшие о народонаселении. Но в данном случае важен не анализ их взглядов, а констатация того, что так или иначе проблемы народонаселения в XVI — первой половине XVII в. стали привлекать внимание, и хотя население еще не стало предметом специальных исследований, первые шаги в направлении к становлению его изучения были сделаны.

На пути к демографии

Следующий этап в развитии процесса этого становления приходится на время от Английской до Великой Французской буржуазных революций и формирования промышленного капитализма, т. е. хронологически охватывает примерно два столетия — со второй половины XVII в. до начала XIX в. Этот этап в его общих чертах знаменуется дальнейшим постепенным выявлением роли народонаселения в общественном развитии, а представления о

¹ Янсон Ю. Э. Теория статистики. Спб., 1907, с. 9.

² См.: Аронов В. Эльзевиры. М., 1975.

³ Популярность подобных изданий была настолько велика, что в 1619 г. в Марбурге вышла космография в стихах, объемом в 1200 страниц (см.: Вреден Э. Указ. соч., с. 125).

ряде идущих в нем процессов начинают приобретать характер более конкретного и организованного знания.

Оно стало оформляться в рамках двух совершенно разных по своему содержанию и значению направлений знаний второй половины XVII в. — «политической арифметики», непосредственно связанной с зарождающейся буржуазной политической экономией, и описательной статистики (государствоведения), примыкавшей к камеральным наукам позднефеодального общества.

М. В. Птуха считал «исторической случайностью»¹ почти одновременное возникновение указанных направлений. Представляется, что это не так. Их одновременное появление было обусловлено потребностями одной, но противоречивой эпохи, характеризовавшейся после революции в Англии развитием буржуазных отношений и вместе с тем стремлением вступившего в кризис феодализма к приспособлению уже отживающих социально-экономических порядков к новым условиям общественного развития. Эти противоречия эпохи и породили начало формирования на одном полюсе буржуазной политической экономии, а на противоположном — камеральных наук. Соответственно складывались связанные с ними «политическая арифметика» и описательная статистика (государствоведение), каждая из которых в разной степени оказала воздействие на становление изучения народонаселения.

Почти все очерки о возникновении во второй половине XVII в. той отрасли знания, которая в следующем столетии была названа статистикой (государствоведением), начинаются с указания на ее преемственность от литературы XV—XVI вв., посвященной, как было показано выше, описанию стран. Немецкий историк статистики А. Вагнер писал: «К начинаниям в области государствоописания итальянцев и голландцев во второй половине XVII столетия примыкают немцы и, с свойственным им духом систематики, возвышают это государствоописание на степень некоторого рода систематической описательной науки»². Это существенно меняло и описание населения, делало их более конкретными.

Подобно тому как Англия закономерно стала родной «политической арифметики», статистика (государствоведение) не случайно зародилась и укрепилась в феодально-раздробленной Германии. Ее теоретическое содержание, как хорошо показал Н. К. Дружинин, определялось всем направлением философской и государственно-правовой мысли Германии того времени¹.

Считается, что начало государствоведения как университетской дисциплины положили лекции немецкого ученого Г. Конринга (1606—1681), которые начали читаться с 1660 г. в университете в Гельмштедте (Брауншвейг). Вскоре они приобрели большую известность, их приезжали слушать даже из соседних Швейцарии и Франции. Но наибольшее значение для становления государствоведения имели две работы Г. Конринга, изданные посмертно. Ю. Э. Янсон, пользовавшийся ими в оригинале, отмечал, что они определили «содержание государствоведения в тех пределах, за которые оно потом не выходило: страна, люди, форма управления, государственное устройство, способы управления, цели и средства государства — вот его предмет»².

Этот предмет, справедливо отмечают Ю. Э. Янсон и другие авторы, оставался неизменным вплоть до XIX в. Изучение «достопримечательностей», влияющих на благосостояние государства, проповедовали «отец статистики» Г. Ахенваль (1719—1772), со времени которого утвердилось ее название (от итал. *stato*, позднелат. *status* — государство), его преемники — основатель сравнительной статистики А. Бюшинг (1724—1793), А.-Л. Шлецер (1735—1809), А. Ниман (1761—1832).

Но в данном случае важно отметить, что при всей изначальной схоластике формулы государствоописания, данной Г. Конрингом, она тем не менее была ориентирована на рассмотрение населения. «Крупной заслугой Конринга, — считал М. В. Птуха, — является то, что уже в XVII в. он смотрел на население как на важный предмет изучения; государство, по его мнению, прежде всего состоит из соединенных в общество людей»³. В силу этого в каноническом перечне государствоведческих «досто-

¹ Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. II. М., 1959, с. 13.

² Вагнер А. История статистики. — В кн.: История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе. Спб., 1897, с. 20.

¹ См.: Дружинин Н. К. Возникновение в России теории статистики. — В кн.: Очерки по истории статистики в СССР. Сб. 4. М., 1961.

² Янсон Ю. Э. Указ, соч., с. 9.

³ Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. II, с. 15.

примечательностей» описанию населения отводилось значительное место.

Немаловажно и то, что на работы статистиков-государствоведов оказывала большое влияние правовая мысль тогдашней Германии. Исходя из интересов абсолютистского государства ее представители выступали за многочисленное и деятельное население как основы могущества страны; из такого понимания значения населения вытекала необходимость его изучения. В этом плане интересны некоторые сочинения, переведенные в 70-е годы XVIII в. на русский язык. Первое из них принадлежит перу И. Юсти (1705—1771)¹, основателя немецкого административного права. Второе написано Я. Бильфельдом (1717—1770)², членом прусской Академии наук.

«Для доброго содержания общества, — считал он, — первое старание долженствует состоять в том, дабы умножить число составляющих оное людей. Истинная сила государства состоит во множестве жителей»³. Примечательно, что этот автор ставит вопрос о качестве населения: «Не должно думать, что многочисленность жителей одна делает государство страшным, ибо качество, а не количество подданных придает оному силу»⁴. Как и И. Юсти, Я. Бильфельд уделяет значительное внимание получению данных о жителях государства. На этом же акцентирует внимание автор переведенной позже двух названных работы — И. Зонненфельс (1733—1817)⁵, австрийский профессор полиции и камеральных наук. Он также исходил из того, что основой благосостояния является население и нужно прежде всего наладить учет его численности.

Но как бы ни были примечательны эти взгляды, нельзя забывать, что они излагались в связи с консервативной доктриной, были направлены на сохранение феодальной системы, служили ей. Хотя статистика (государствоведение) и осуществляла изучение народонасе-

ления, но шло это в ограниченных пределах описания, пусть важной, но лишь одной из «достопримечательностей».

Гораздо более плодотворной оказалась другая линия изучения народонаселения, связанная с «политической арифметикой». Поскольку выше говорилось о сочинении Я. Бильфельда, отметим факт, который сегодня забыт: впервые на русском языке о «политической арифметике» было упомянуто именно в этой переводной работе. Ее автор уважительно отзывается о Д. Граунте («изыскания его глубокомысленны и любопытны»), но особенно высоко оценивает деятельность В. Петти¹.

Если рассматривать в наиболее обобщенном виде вклад «политической арифметики» в становление научных знаний о народонаселении, то нужно прежде всего отметить два наиболее существенных момента.

Во-первых, была открыта новая область изучения народонаселения. Точнее, впервые обозначились контуры этой области, постепенно «осваивавшейся» в последующем, что стало одной из важнейших предпосылок возникновения демографической науки. Но вне зависимости от этого уточнения факт выявления ряда вопросов, связанных с изучением процессов, которые через два столетия будут в совокупности названы «естественным движением населения», был несомненен. Именно в первую очередь в этом состоит огромное значение работы Д. Граунта, которая, образно говоря, «отворила дверь» в еще не познанный мир демографии. Эта дверь с тех пор уже не закрывалась, хотя для того, чтобы войти в нее, потребовалось длительное время.

Во-вторых Д. Граунт (1620—1674), В. Петти (1623—1687), Э. Галлей (1656—1742), а также в определенной мере Г. Кинг (1648—1712) и Д. Давенант (1656—1714) положили начало новому, численному (или количественному) направлению в изучении народонаселения. Анализ этого направления привлекает наибольшее внимание историков науки. Однако при этом не всегда учитывается, что, хотя решающую роль в его возникновении сыграла «политическая арифметика», определенное значение имело и делавшее тогда первые шаги научное изучение народонаселения. Именно на «пересечении» его с «поли-

¹ См.: Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 2, с. 382—385.

¹ См.: Юсти И. Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. Ч. 1—4. Спб., 1772—1778.

² См.: Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 1—2. М., 1768—1775.

³ Там же, ч. 1, с. 74—75.

⁴ Там же, ч. 2, с. 115.

⁵ См.: Зонненфельс И. Начальные основания полиции или благочиния. М., 1787.

тической арифметикой» и были сделаны во второй половине XVII в. отмеченные впечатляющие открытия. «Политические арифметики», выражавшие стремление поднимавшейся буржуазии выявить при помощи «языка чисел, весов и мер» количественные закономерности массовых общественно-экономических явлений, вряд ли случайно «наткнулись» при этом на данные о народонаселении. Ко второй половине XVII в. некоторые первичные представления о нем уже были выработаны, что позволило применить к его рассмотрению и количественные методы.

В свою очередь обращение «политических арифметиков» к тематике народонаселения имело большое значение для дальнейшего углубления его изучения. Через «политическую арифметику» это изучение получило определенную связь с зарождающейся классической буржуазной политической экономией, а тот факт, что разработка количественных закономерностей массовых общественных явлений длительное время (XVII—начало XIX в.) могла вестись только на материалах народонаселения, немало способствовал привлечению к нему научного внимания.

Естественно, что в литературе о «политической арифметике» значительное место отведено рассмотрению работы Д. Граунта. При этом внимание многих западных специалистов привлекает вопрос об ее авторстве. Действительно, в обстоятельствах ее появления, личности Д. Граунта, а отчасти и в содержании книги есть неясности. Но, как видно из обзора американского демографа У. Уилкокса (1861—1964), рассмотревшего различные точки зрения на авторство книги¹, спор сводится только к определению того или иного «основоположника» статистики (или демографии).

На наш взгляд, самый глубокий анализ содержания работы Д. Граунта дал М. В. Птуха². Подчеркнув это, остановимся лишь на некоторых вопросах, связанных с этой работой. Отметим, что вместе с ней в изучение народонаселения пришло понятие источника. Работа написана на основе взятых за большой период лондонских бюллетеней смертности и в этом смысле она также яв-

ляется продуктом нового времени, ибо средневековые не знали таких документов.

Публиковавшиеся в английской столице с первой трети XVI в. бюллетени смертности возникли в связи с эпидемиями чумы. Постепенно в них были введены сведения о рождениях, о распределении умерших и крещенных по полу, о возрасте погребенных, о браках, о различных причинах смерти. Эти данные, тщательно обработанные и систематизированные Д. Граунтом, позволили ему не только обнаружить некоторые закономерности в движении лондонского населения, но и привлечь внимание, говоря современным языком, к документальной основе своего исследования.

Аналогичные бюллетени по Дублину через несколько лет использовал В. Петти, а затем К. Нейман прислал бюллетени по Бреславилю (Вроцлаву) Э. Галлею, который в 1693 г. составил на их основе таблицу смертности. Конечно, бюллетени, которыми пользовался Д. Граунт, были уникальны. Но введение их в оборот поставило саму проблему источника, побудило искать подобные документы (как это было, например, во Франции, где со второй трети XVIII в. стали использоваться данные церковной регистрации).

Не менее важной является и разработка методик изучения материалов, предложенная Д. Граунтом, который проделал «первый опыт приложения вычислений к социальным фактам»¹. Даже в наши дни вызывает удивление смелость его анализа, проведенного всего лишь на базе «лавочной арифметики». Можно представить, какой отклик это вызвало у его современников и более поздних последователей, владевших (как, например, Э. Галлей) высшей математикой.

Конечно, заманчиво предположить, что Д. Граунт исходил из каких-либо более ранних наблюдений² над процессами, идущими в населении, знал, скажем «таблицу» Д. Ульпиана. М. В. Птуха отвергает такое предположение, считая, что «самоучка Граунт не изучал произведений римских юристов» и поэтому ульпианова

¹ Willcox W. Introduction. — In: Graunt J. Natural and Political observations made upon the Bills of Mortality. Baltimore, 1939.

² См.: Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, с. 27—45.

¹ Янсон Ю. Э. Указ. соч., с. 16.

² Имеются сведения, что еще в 1609—1611 гг. швейцарский врач Ф. Платтер, изучая последствия эпидемии чумы в Базеле, производил некоторые расчеты, связанные с движением населения (см.: Lorimer F. Op. cit., p. 125). Не исключена возможность и других таких попыток.

«таблица» была ему неизвестна¹. Скорее всего, так это и было. Заметим только, что во многих не выясненных обстоятельствах создания работы Д. Граунта нельзя не учитывать, что близкий к ее автору В. Петти был разносторонне образованным человеком, к тому же входившим в кружок ученых, имена которых сегодня становятся известны со школьной скамьи (Р. Бойль, Р. Гук и др.). В этой среде могли знать и произведения римских юристов, кстати, не по вульгатам, а по незадолго до того изданному (в 1589 г). Д. Готофредом *Corpus juris civilis*.

Но главное, конечно, не в этом. Работа Д. Граунта, возникновение «политической арифметики» означали появление нового подхода к изучению народонаселения, начало исследования его половозрастных структур, отчасти рождаемости и особенно смертности.

Нужно подчеркнуть, что Д. Граунт, В. Петти и Э. Галлей не только положили начало численному изучению населения, но и касались связанных с населением некоторых общих вопросов.

Для В. Петти это было закономерно: он являлся крупнейшим теоретиком-экономистом. Что касается Д. Граунта, то обычно ограничиваются рассмотрением его конкретного анализа бюллетеней смертности и опускают вводный и заключительный разделы его работы. В тех же немногих случаях, когда обращаются к ним, нередко допускают произвольные толкования. Например, Я. И. Рубин усматривает у Д. Граунта «стремление изучать демографические процессы в единстве их биологической и социальной сторон»². Но мог ли Д. Граунт по условиям его времени сознательно ставить такую задачу? Не является ли это модернизацией?

Еще большую модернизацию представляет собой комментарий Ф. Лоримера к названию книги «Естественные и политические наблюдения...» Д. Граунта. «Слова «естественный» и «политический», — утверждает Ф. Лоример, — в названии научного произведения Гра-

¹ См.: Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, с. 37. Строго говоря, гениальная догадка Д. Граунта, связанная с составлением таблицы смертности, осталась не завершенной. М. В. Птуха считает, что попытка разработки такой таблицы была предпринята Д. Граунтом только с целью установления возрастного состава населения, а «до вычисления средней продолжительности жизни на основании своей таблицы он не додумался» (Там же).

² Рубин Я. И. Указ. соч., с. 79.

унта, по мнению самого Граунта, означают двойственную природу демографии, ее синтетический характер в качестве биологической и социальной одновременно научной дисциплины»¹. Однако внимательное прочтение заглавия книги и помещенных в начале ее в соответствии с традициями того времени обращений к лорду Д. Робертсу и сэру Р. Морею показывает, что «политические наблюдения» относятся к торговле и управлению, а «естественные наблюдения» касаются стран, времен года, рождаемости, здоровья, соотношения полов и возрастов человека и относятся к естественным наукам, базируются на арифметике. Где же здесь «двойственная природа демографии»?

Сочинение Д. Граунта не нуждается в подобных преувеличениях, оно и без них достаточно значительно по кругу впервые поставленных в нем вопросов. Сам автор, заключая свою работу, писал: «Теперь могут задать вопрос: к какой цели стремится это трудоемкое перемещение и группировка (данных бюллетеней смертности.— Д. Ш.)? Знать количество людей? Количество женщин и мужчин? Количество состоящих и не состоящих в браке? Какова доля смертности? В какие годы больше рождаемость и смертность и в каком интервале они следуют? Почему похороны в Лондоне превышают крещения, в то время как в деревне наблюдается обратное?». Д. Граунт подчеркивает, что изучение этих вопросов приводит к «глубоким и неожиданным выводам», которые имеют важное значение, так как «основа и неперменные части честной и безвредной политики состоят в том, чтобы знать землю и работников, ее населяющих, которым надобно управлять сообразно с их внутренними способностями и случайными различиями между ними»².

Любопытные и, возможно, характерные взгляды для буржуазного общества своего времени (рубеж XVII—XVIII вв.) высказал и Э. Галлей. «Рост и увеличение человечества, — считал он, — не столько сдерживаются чем-то лежащим в природе человека, сколько вследствие осторожности, проявляемой большинством населения при решении вступить в брак, исходя из перспективы иметь заботы и бремя по содержанию семьи». Тех, кто имеет детей, он предлагал «поддерживать и поощрять

¹ Lorimer F. Op. cit., p. 124.

² Graunt J. Op. cit., p. 77—79.

при помощи таких законов, как *jus trium liberorum*¹ римлян»².

«Встреча» зарождающихся научных знаний о народонаселении с «политической арифметикой» дала плодотворные результаты, которые явились важной вехой не только в развитии данной области знаний, но и во всем процессе формирования буржуазного обществоведения. Они стали одним из выражений этого процесса, ярко выжившегося в следующем, XVIII столетии.

Новое понятие — «народонаселение»

Характеризуя время после работ Д. Граунта, В. Петти, Э. Галлея и других английских «политических арифметиков», Ф. Лоример полагает: «Политическая арифметика обещала превратиться в научную дисциплину еще в конце XVII — начале XVIII в., однако ее исследования были поглощены другими течениями или просто незамечены. Произошел сдвиг в сторону сбора, упорядочения и публикации количественной информации официальными органами. Статистика постепенно возникла как новая дисциплина, причем ведущая роль в ней принадлежала теории вероятностей. Прежние методы оценки были дискредитированы. Исчез энтузиазм, возникавший при первом наблюдении «регулярностей» в демографических явлениях. Реальные исследования проблем и методов в основном были ограничены анализом смертности и построением таблиц продолжительности жизни»³.

Эта цитата, с содержанием которой далеко не во всем можно согласиться, приведена не случайно. Если считать, что демографическая наука возникла в 60-е годы XVII в., то, действительно, получается, что в следующем столетии она как бы «растворилась», исчезла. Хотя Ф. Лоример, как это видно из его работы, так не считал, нарисованная им картина неоправданно пессимистична и свидетельствует о том, что автор ее не

¹ Закон о трех детях, представлявший ряд преимуществ всем римским гражданам, имевшим трех и более детей. Являлся частью более широкого законодательства, так называемого Закона Юлия и Папия Поппея (3 г. до н. э. — 14 г. н. э.), рассчитанного на укрепление семьи и стимулирование рождаемости в условиях начавшегося кризиса римского общества.

² Цит. по: Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, с. 102—103.

³ Lorimer F. Op. cit., p. 157.

учитывал поступательного характера развития первоначальных научных знаний о народонаселении.

«Политическая арифметика» не была «поглощена» и не осталась «незамеченной» в XVIII в. Ее идеи были подхвачены и развиты В. Керсебумом (1691—1771), А. Депарсье (1706—1768), И. Зюссмильхом (1707—1767), Ж. Экспильи (1719—1793), Моо, Э. Дювильяром (1755—1832) и целым рядом других ученых европейского континента. Приложения теории вероятностей к изучению населения успешно разрабатывали А. де Муавр (1667—1754), Д. Бернулли (1700—1782), Л. Эйлер (1707 — 1783) и др. Усилиями всех этих ученых было не мало сделано для дальнейшего научного обоснования изучения народонаселения. Но вместе с тем нельзя и не видеть спорадического характера этого изучения, его одностороннюю направленность (главным образом, исчисления продолжительности жизни), определенную ограниченность.

Время науки о народонаселении еще не пришло. Источников для исследований было явно недостаточно. Они базировались на неполных и дефектных данных церковного (и отчасти муниципального) учета. Организация текущего учета населения и его переписей в Швеции являли хороший пример, но для большинства стран были только делом будущего, XIX столетия. «Социальный заказ» на изучение народонаселения уже оформлялся, но он пока почти не касался изучения воспроизводства населения. Медленно накапливавшиеся изменения в рождаемости и смертности, семейно-брачном поведении еще не привлекали большого внимания. Некоторый интерес стало вызывать только определение численности населения.

В этих условиях работы «политических арифметиков» получили практическое применение главным образом в страховом деле. Страхование жизни возникло одновременно с морским страхованием судов и грузов еще в XV в. Поскольку морское страхование жизни постепенно приобрело характер азартных пари, оно в XVI—XVII вв. в большинстве стран было запрещено. Но с конца XVII — начала XVIII в. все более широкое распространение получает общее страхование жизни, открываются частные предприятия и общества, в страховании принимает участие и государство (тонтинны во Франции).

Распространение страхования совпало по времени с первыми работами «политических арифметиков», и Э. Галлей, кстати, составил таблицу смертности применительно к задачам страхования жизни. Страхование дело сыграло в XVIII в. (да и позже) свою роль в развитии численного изучения народонаселения, особенно в исчислениях, связанных со смертностью и продолжительностью жизни. Однако только оно, конечно, не могло стимулировать возникновение науки.

Если воспроизводство населения почти не привлекало в то время общественное внимание, то общественный интерес к народонаселению как фактору социально-экономического развития неуклонно возрастал. В период, предшествовавший Великой Французской революции, это было вполне закономерно. Это же вытекало и из потребностей утверждающегося капиталистического общества, которое на том этапе еще обеспечивало возможность формирования прогрессивных общественных взглядов, в том числе и по вопросам народонаселения. Вместе с тем уже в то время зарождается и другая тенденция, которая впоследствии привела к оформлению реакционных теорий народонаселения.

Круг политических писателей XVIII в., так или иначе касавшихся вопросов народонаселения, широк. Отметим прежде всего, что к их числу относятся такие видные деятели Просвещения, как Ш. Монтескье (1689—1755), Ф. Вольтер (1694—1778), Ж. Руссо (1712—1778). При всех различиях (часто очень существенных) в их взглядах они выступали за поощрение развития народонаселения. Ш. Монтескье в книге «О духе законов» (1784) указывал, что законы должны способствовать размножению населения¹. Ф. Вольтер, ведя мысленный «диалог философа с генеральным контролером» (1751), доказывал, что «цель, обязанность мудрого правительства есть забота о населении и труде»². Наилучшим правительством, считал Ж. Руссо, является то, при котором число граждан постоянно увеличивается, наихудшим — при котором население убывает и погибает³.

Специальную работу о населении — «Наблюдения за

¹ См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955, с. 515.

² Цит. по: Нитти Ф. С. Народонаселение и общественный строй. СПб., 1898, с. 4.

³ См.: Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М., 1938, с. 72—73.

ростом численности людей, населяющих различные страны» — опубликовал в Бостоне в 1755 г. Б. Франклин (1706—1790). Это была первая книга, изданная в Америке, по данной тематике. Хотя современная оценка взглядов Б. Франклина противоречива, некоторые специалисты считают, что они отчасти предшествовали реакционным концепциям народонаселения, нельзя не отметить, что этот ученый сумел поставить ряд важных вопросов, в частности вопросы социальной обусловленности брачности.

Противоречивы суждения и относительно «Диссертации о численности человечества» англичанина Р. Уоллеса (1697—1771), увидевшей свет в 1753 г. А. П. Судоплатов характеризует ее автора как апологета существующего порядка, который считал, что никакие улучшения не приведут к народному благополучию¹. Я. И. Рубин, наоборот, полагает, что Р. Уоллес правильно оценивал значение для развития народонаселения социальной среды и ее изменения². Почти одновременно с работами Б. Франклина и Р. Уоллеса вышла книга «Опыт об обшей природе торговли» Р. Кантильона (1680—1734). В последние десятилетия она привлекла внимание ряда западных демографов и экономистов (А. Ландри, А. Сови и др.). Конечно, Р. Кантильон изучал прежде всего экономические проблемы, но через их призму он коснулся и ряда существенных сторон развития народонаселения³.

В тесной связи с экономикой рассматривали народонаселение и физиократы. Известный спор между В. Мирабо (1715—1789) и Ф. Кенэ (1694—1774) отразил выработку физиократами нового по сравнению с меркантилизмом понимания роли и места народонаселения в экономическом развитии. В то время как В. Мирабо, еще не порвавший с меркантилизмом, считал, что население составляет богатство страны, Ф. Кенэ доказывал, что богатство создает и вызывает рост населения. Он писал: «Увеличивая продукцию и потребляя ее, люди сами оказываются первым созидательным началом своих богатств... Поэтому состояние населения и использование труда людей представляют главный объект экономи-

¹ См.: Судоплатов А. П. Указ. соч., с. 13.

² См.: Рубин Я. И. Указ. соч., с. 84—85.

³ Landry A. Op. cit., p. 13.

ческой политики государства»¹. Эти взгляды Ф. Кенэ получили развитие в трудах выдающегося физиократа А. Тюрго (1727—1781), оптимистически считавшего, что возможности для заселения Земли далеко не исчерпаны².

На британских островах прогрессивные суждения о народонаселении высказали Д. Юм (1711—1776) и А. Смит (1723—1790). О Д. Юме речь еще будет ниже. Здесь же отметим, что, по его мнению, «большое количество народонаселения и его большая производительность выгодны для государства во всех отношениях — с точки зрения внутренней и внешней политики, частных и государственных интересов»³. Близка к этому и позиция А. Смита, согласно которой «самым бесспорным свидетельством процветания всякой страны служит возрастание численности ее населения»⁴. Другой английский буржуазный экономист — Д. Стюарт (1712—1780), будучи одним из последних представителей меркантилизма, с этих позиций рассматривал и связь экономики страны с ее населением. В буржуазном обществе, считал он, «земледелие увеличивает население лишь в той мере, в какой бедные получают возможность покупать свою пищу своим трудом»⁵.

В буржуазной Англии раньше, чем на континенте, стала обнаруживаться поляризация взглядов на народонаселение. В 1793 г. выступил со своим «Исследованием о политической справедливости» крупный политический мыслитель В. Годвин (1756—1836), доказывавший, что нищета народных масс вызывается социальным, буржуазным строем. Но здесь же и почти одновременно (в 1786 и 1791 гг.) появились сочинения англиканского священника Д. Таунсенда (1739—1816), считавшего, что «лишь голод в состоянии заставить бедных трудиться», его взгляды непосредственно предшествовали формированию реакционного «закона народонаселения», который медленно вырисовывался в XVIII в.⁶.

В целом же события этого века, «века революции»¹, оказали большое воздействие на развитие изучения народонаселения. XVIII столетие стало тем рубежом, на котором народонаселение впервые было осознано как важная категория социально-экономического развития. Это явилось одним из результатов подъема общественно-философской мысли, распространения просветительских идей о «гражданском (буржуазном) обществе». «Выражение «гражданское общество», — отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс, — возникло в XVIII веке, когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности»².

«Механическая» модель этого общества (противопоставленная средневековой «органической» модели, представлявшей общество как органическое целое, как общину) при всем своем несовершенстве и даже наивности открывала возможность вычленения из системы общества отдельных подсистем и осмысления таких явлений (категорий), которые ранее были вне поля зрения³. В их числе была и категория «народонаселения», об осознании которой именно в это время свидетельствует быстрое распространение со второй половины XVIII в. соответствующего ей понятия (в английском и французском языках — population).

«Понять, — писал В. И. Ленин, — значит выразить в форме понятий»⁴. История возникновения и распространения термина population (и его аналогов в других европейских языках) в известной мере повествует и об утверждении самого понятия, которое он выражает.

Считается, что впервые слово population (взятое из латинского языка) применил на рубеже XVI—XVII вв. в своих сочинениях родоначальник английского материализма Ф. Бэкон (1561—1626). Однако еще долгое время оно в Англии не употреблялось. Д. Грунт, В. Петти, Э. Галлей, а также ученые первой половины XVIII в. этим словом не пользовались.

Чтобы получить распространение, ему предстояло в томах сочинений Ф. Бэкона попасть во Францию. Но и здесь утверждение неологизма, прибывшего с другого

¹ Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М., 1960, с. 145.

² См.: Тюрго А. Избранные философские произведения. М., 1937.

³ Юм Д. Опыты, М., 1896, с. 21.

⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1950, с. 65.

⁵ Цит. по: Валентей Д. И. Теория и политика народонаселения, с. 57.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 630.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 598.

² Там же, т. 3, с. 35.

³ См.: История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979, с. 8—12.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 231.

берега Ла Манша, произошло не сразу. Первые переводчики Ф. Бэкона, как пишет итальянский демограф Ф. Нитти, «отступили перед новым словом»¹ и перевели его привычными терминами — «люди», «жители» и др. Дело было, конечно, не только в трудностях перевода. «Для того, чтобы слово *population*, — справедливо замечает А. Ландри, — приобрело тот смысл, которое оно сейчас имеет во Франции, пришлось всю первую половину XVIII в. обсуждать такие понятия, как страна, жители, народ, народы, люди»².

Добавим, что это обсуждение шло в условиях нарастающего революционного кризиса и новое понятие утвердилось в бурные десятилетия, когда Франция стремительно двигалась к революции. «Термин *population*, — по мнению А. Сови, — вошел во всеобщее употребление приблизительно в 1750 г.»³. Его начинают употреблять Ф. Вольтер, Д. Дидро, другие энциклопедисты и просветители, он появляется в заголовках книг⁴, наконец, перешагивает французскую границу, возвращается в Англию и постепенно распространяется в европейских странах. Но не во всех.

То, что это слово попало не во все европейские лексиконы, объясняется не только (а может быть, и не столько) лингвистическими причинами, но и социальными. В феодально-раздробленной Германии осознание понятия *population* происходило в рамках камералистики и статистики (государствоведения). Попахивавший пороховым дымом буржуазных революций новый термин пришелся здесь не ко двору (вернее — не ко дворам) и в ход было пущено собственное слово *die Bevölkerung*. Нет надобности выяснять когда и кем оно впервые было введено в оборот. Достаточно констатировать, что в середине XVIII в. им пользовался И. Зюсмильх, и, таким образом, в немецкой литературе второй половины XVIII в. оно уже имело хождение.

А как было в России? Здесь следует остановиться не на вопросе о термине, а на общей характеристике сос-

¹ Нитти Ф. Указ. соч., с. 3—4.

² Landry A. Op cit., p. 2.

³ Savvy A. Development and Perspectives of Demographic Research in France. — In: The Study of Population, p. 180.

⁴ В 1758 г. в Авиньоне вышла книга В. Мирабо «Друг людей или трактат о населении», с изданием которой, считает А. Ландри, «наступил настоящий триумф нового слова» (Landry A. Op. cit., p. 2).

тояния изучения населения в России в рассматриваемое время. Дореволюционная наука оказалась неспособной уяснить развитие отечественного изучения народонаселения. Даже такой крупный ученый, как Ю. Э. Янсон, был подвергнут за это критике¹. Подобная позиция была не случайна, она отражала нигилистически пренебрежительное отношение к развитию научных знаний в России. «Путь русской статистики», — писал Н. А. Каблуков, — был путем статистики западноевропейской. «Русская статистическая наука, — вторил ему К. Г. Воблый, — только отражала в себе течения западноевропейской мысли»².

Известно, что наука возникает и развивается не потому, что она «отражает мысли», а под воздействием конкретно-исторических условий, которые являются определяющими в ее движении. Разработка научных знаний о народонаселении в России проделала, как это было и во многих странах, сложный путь, имевший в силу конкретных условий социально-экономической действительности свои особенности, но вместе с тем неразрывно связанный со становлением таких знаний в других европейских странах и шедший в основном в том же направлении.

На протяжении всего рассматриваемого периода Россия оставалась феодально-монархическим государством. С XVII в. в ней начал складываться единый национальный рынок; следующее столетие характеризовалось определенным сдвигом в экономике; начавшимся разложением феодального хозяйства, возникновением в последней его трети зачатков капиталистического уклада. Затянувшееся господство феодальных отношений, гнет абсолютизма сказывались на всей жизни страны.

Отзвук этого гнета отчетливо проявился уже в ранних сочинениях, ставящих вопросы народонаселения. Они относятся к 60-м годам XVII в., т. е. ко времени Д. Граунта и В. Петти в Англии, Г. Конринга в Германии. Г. К. Котошихин (1630—1667), бежавший из Москвы, написал в 1666—1667 гг. в Стокгольме сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича», в котором отстаивал необходимость «вольностей», и выска-

¹ См.: Веселовский К. С. Доклад о сочинении проф. Янсона «Теория статистики». Спб., 1892, с. 4.

² Каблуков Н. А. Статистика. М., 1916, с. 286; Воблый К. Г. Статистика. [Б. м.], 1919, с. 15.

зывал мысль, что «московская неволя» мешает развитию страны», и, следовательно, росту населения¹. Более подробно вопросов такого роста коснулся Ю. Г. Крижанич (1617—1683), хорват, проведший значительную часть жизни в России. Он видел главную причину, содействующую росту населения, в процветании хозяйственной деятельности, а препятствие — в жестком управлении и произволе².

Основная масса работ по народонаселению в XVIII в. была выполнена главным образом в традициях статистики (государствоведения) и в значительно меньшей степени в духе «политической арифметики». Хотя идеи последней были не только известны в России, но восприняты (особенно в последней четверти XVIII в.) и использованы в ряде оригинальных сочинений (отчасти М. В. Ломоносова, а также Л. Ю. Крафта, И. Ф. Германа, А. К. Шторха), они не могли получить широкого распространения в условиях практически безраздельного господства феодализма и крепостного права. В России, кстати, не было тогда и страхового дела, которое в то время немало стимулировало занятия «политической арифметикой» в ряде западноевропейских стран.

То, что сдерживало применение «политической арифметики», оказалось благоприятствующим для внедрения статистики (государствоведения). Пожалуй, в России она получила наибольшее распространение после Германии. Однако было бы неправильно считать, что статистика (государствоведение) чисто механически была перенесена на русскую почву. Распространение ее доктрины в России началось во второй половине³ и даже последней трети XVIII в. Между тем еще задолго до этого времени расширение территории страны, рост ее населения выдвинули потребность изучения и описания внутренних и окраинных областей России.

В результате осуществлявшихся в связи с этим работ в России «постепенно создавалось самобытное направле-

ние государственного ведения, принципиально отличавшееся от немецкой описательной школы»¹. Это имеет прямое отношение и к изучению народонаселения. В трудах В. Н. Татищева (1686—1750), И. К. Кирилова (1689—1737), а также М. Д. Чулкова (1740—1793), С. Г. Зыбелина (1735—1802), И. Н. Болтина (1735—1792) и других были рассмотрены многие стороны, характеризующие народонаселение страны, его развитие.

Но особое значение имеет труд М. В. Ломоносова (1711—1765) «О сохранении и размножении российского народа». Написанный в 1761 г. в форме письма к И. И. Шувалову, он, к сожалению, не был опубликован в то время и увидел свет только в следующем столетии. Но это не снижает его значимости как свидетельства глубины исследования народонаселения в России рассматриваемого времени. Именно в «сохранении и размножении российского народа» М. В. Ломоносов видел «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей»².

Обратим внимание на тот факт, что работа М. В. Ломоносова написана до оформления статистико-государствоведческой доктрины и ее распространения в России. Она отражает внутренние потребности страны, развития ее населения и полностью самобытна и оригинальна. Это, действительно, первый в русской научной литературе труд, в котором поднят и раскрыт целый ряд проблем народонаселения.

Вместе с тем такая высокая оценка не дает оснований для искаженного представления о его месте в истории науки, да и искажения самой этой истории. В нашей литературе встречаются утверждения, что «произведение М. В. Ломоносова можно с полным основанием рассматривать как начало возникновения демографической науки в России»³. Это положение прямо связано с уже упоминавшейся концепцией единовременного «рождения» демографии. Не повторяя ее критику, стоит тем не менее задать несколько вопросов: каким образом столь абсолютно несхожие произведения как книга

¹ См.: О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Г. Котошихина. СПб., 1859.

² См.: Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в. М., 1859; Пичета В. И. Юрий Крижанич. Экономические и политические взгляды. СПб., 1914; Мордухович Л. Первый трактат о народонаселении в России. — Научные доклады высшей школы. — Экономические науки, 1962, № 3.

³ А. Бюшинг и А. Л. Шлецер работали в России в 1760-е гг.

¹ Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. I, с. 14.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1952, с. 384.

³ Урланис Б. Ц. 250-летие науки о народонаселении в Академии наук. — Вестник статистики, 1975, № 3; см. также: Чертова Г. И. У истоков отечественной демографии. — В кн.: Народонаселение СССР и некоторых зарубежных стран. М., 1975, с. 61.

Д. Граунта и труд М. В. Ломоносова могли вызвать «рождение» одной и той же науки и, кстати, сколько же было таких «рождений»? Куда делась демографическая наука в России после ее «возникновения» в 1761 г.? И наконец, как труд М. В. Ломоносова определил это «возникновение», если он стал известен только более чем через сто лет?

Выдающееся произведение М. В. Ломоносова было опубликовано в дореволюционные годы и тогда же появились первые работы о нем¹, но по-настоящему оно было изучено только советской наукой², которая с диалектико-материалистических позиций оценивает деятельность гениального русского ученого, в том числе и в области народонаселения.

Говоря об изучении народонаселения в России в XVIII в., нужно помнить, что «московская неволя», о которой писал в предшествующем столетии Г. К. Котшихин, хотя и сменилась «петербургской», но стала не только не легче, но и жестче, что сказывалось, конечно, и на научных знаниях. Несмотря на то, что в России проводились ревизии (учеты) податного населения, а также налаживались церковный, административно-полицейские и другие учеты населения, данные о жителях страны находились под запретом³. Екатерина II с большим подозрением относилась почти к любым занятиям в области «политических наук».

Сегодня даже среди специалистов мало кто знает, что само слово «статистика» находилось тогда под запретом. Когда во времена Екатерины II была высказана мысль о получении Академией наук статистических сведений официальным путем, ее «по духу времени при-

¹ См.: Русская старина, 1873, октябрь. Публикация П. П. Пекарского; Сухоплюев И. К. Взгляды Ломоносова на политику народонаселения. — В кн.: 1711—1911. Ломоносовский сборник. СПб., 1911.

² См. Птуха М. В. М. В. Ломоносов как экономист и статистик. — В кн.: М. В. Ломоносов. Л., 1948; Заблудовская Е. О. Рассуждения о размножении и сохранении российского народа М. В. Ломоносова. — Педиатрия, 1962, № 3; Поляков Л. Е. М. В. Ломоносов и его письмо «О сохранении и размножении российского народа», — Гигиена и санитария, 1962, № 3; Лыцов В. П. М. В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. Воронеж, 1969, гл. 5 и др.

³ М. В. Птуха считает это одно из важных причин, сдержавших развитие в России «политической арифметики» (см.: Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. I, с. 12).

няли за преступление и не хотели даже слышать имени статистика»¹. Впервые на русском языке это слово появилось в печати в 1795 г., когда была издана книга, в длинном заглавии которой значилось: «Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало». Век книги оказался кратчайшим — ее конфискованные экземпляры были свезены в подвал Академии наук, «дабы она» книгу «точнейшим образом просмотрела и ничего не оставила такого, противно самодержавному правлению»².

В начале XIX в. статистика (государствоведение) была, наконец, «разрешена» и не только разрешена, но и стала (вместе с историей и политэкономией) с 1804—1805 гг. официальной университетской и академической дисциплиной. Одновременно был открыт доступ к необходимым для занятий ею материалам³. Все это способствовало заметному оживлению изучения народонаселения. Конечно, оно по-прежнему велось в рамках статистики (государствования), и это не могло не сказаться на нем. Но вместе с тем общий подъем статистико-государствоведческой деятельности способствовал и усилению разработки народонаселения. Это наглядно проявилось в издании в 1806—1808 гг. «Статистического журнала». Он был первым русским научным гуманитарным журналом⁴ и издавался в Петербурге при Академии наук ее адъюнктом К. Ф. Германом (1767—1838).

Всего вышли четыре книжки журнала. В каждой из них публиковались материалы по народонаселению. Эти публикации открыла большая (она печаталась в двух первых книжках) статья однофамильца редактора журнала И. Ф. Германа (1755—1815) «О численности жителей в России»⁵. В ней обстоятельно рассматривался вопрос о так называемых «народных таблицах», т. е. учете населения России. М. В. Птуха считал, что автор создал свою «по тому времени замечательную систему

¹ — кь (А. А. Куник). Об ученых сборниках и периодических изданиях Академии наук с 1726 по 1852 г. — Ученые записки Академии наук по 1 и 3 отделениям. Т. I, вып. 1, СПб., 1852, с. LXXII.

² Сводный каталог русской книги XVIII века. Т. II. М., 1964, № 4556.

³ Герман К. Всеобщая теория статистики. СПб., 1809, с. 21.

⁴ Подробнее о нем см.: Шелестов Д. К. Первый русский научный гуманитарный журнал. — Вестник АН СССР, 1977, № 5.

⁵ Эта статья вышла затем в виде отдельной книжки: Герман И. О составлении народных таблиц. Екатеринбург, 1808.

статистики»¹. А по мнению А. А. Кауфмана, эта система в 1897 г. была воспроизведена в плане переписи населения².

Помимо этой статьи, журнал поместил материалы о населении ряда губерний. Любопытна и примечательна статья «Разделение и число жителей России в последних годах царствования Петра Великого», написанная адъюнктом Академии наук историком А.-Х. Лербергом (1770—1813)³. Он попытался определить число «жителей каждого уезда, в подушном окладе состоявших»⁴. Эта статья — первый зачаток в отечественной науке историко-демографического исследования.

Обратим внимание еще на одно примечательное событие, связанное со «Статистическим журналом». В первой книжке, вышедшей в 1806 г., впервые появилось слово «народонаселение». В русском языке, как и в других европейских языках (о чем говорилось выше), до определенного времени такого понятия, а значит, и слова не было. В XVIII в. говорили и писали — «жители», «народ» (вспомним название труда М. В. Ломоносова). Правда, тогда уже появилось речевое слово «население», но оно применялось очень ограниченно, главным образом для обозначения действия по глаголу «населять».

Как и в европейских языках, слово «народонаселение» появилось тогда, когда в нем возникла потребность, т. е. когда было осознано соответствующее понятие. Для словесного выражения этого понятия в английском и французском языках было взято латинское слово, а в русском языке — образовано новое. Оно возникло как книжное, т. е. не употреблявшееся в обычной разговорной речи; иначе говоря, оно не образовалось (как, например, слово «население»), а было образовано (возможно, путем инверсии встречающегося в начале XIX в. словосочетания «населенность народа»). Достоверно нельзя сказать, кем и одним ли человеком это было сделано, но несомненно, что слово «народонаселение»

¹ Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, с. 10.

² См.: Кауфман А. А. Статистическая наука в России. М., 1922, с. 7.

³ О нем см.: Вестник Европы, 1820, № 7 (статья М. Т. Качановского).

⁴ Статистический журнал. Т. I, ч. 2. СПб., 1806, с. 138—139.

было сразу (в отличие от пришедшего из обихода слова «население») образовано как научный термин.

За свою долгую жизнь слово «народонаселение» прочно утвердилось в языке, хотя рядом с ним укрепился синоним — «население», которое в наши дни вышло за рамки своего первоначального значения и применяется теперь и в естествознании¹.

«Статистическим журналом», конечно, не ограничивался круг публикаций о народонаселении. Как показывает изучение статистико-государствоведческой литературы начала XIX в., в то время «описания» народонаселения, если даже они входили в общие труды, стали принимать самодавлеющее значение. Нередко, в таких трудах им отводились специальные тома. Показательно в этом отношении объемистое сочинение К. Ф. Германа. Он задумал провести статистическое исследование России, но написал только первую его часть — «О народонаселении», посвятив ей отдельный том².

Эта работа является вполне законченной и самостоятельной. В ней рассматриваются вопросы о населенности России («государство достаточно населенное есть то, в котором большая часть жителей живет безбедно»), национальном и социальном составе ее жителей, о городском населении и др. В основе их рассмотрения лежат обширные материалы — автор книги был одним из инициаторов создания в 1811 г. и руководителем Статистического кабинета министерства полиции (затем — Статистического отделения МВД). В книге много таблиц, К. Ф. Герман впервые разработал таблицу смертности («табель жизненности») для православного населения России.

В отличие от К. Ф. Германа его ученик, выдающийся статистик первой половины XIX в. К. А. Арсеньев (1780—1865) составил статистико-государствоведческий

¹ Наличие двух слов для обозначения одного понятия является, по нашему мнению, одним из выражений богатства русского языка. Однако это не дает оснований для каких-либо внеязыковых построений, связанных с применением того или иного из этих двух слов, что пытаются делать отдельные современные авторы. См. подробнее: Шелестов Д. К. Народонаселение: история термина и современность. — В кн.: Население СССР сегодня (Народонаселение; Вып. 38). М., 1982.

² См.: Герман К. Статистическое исследование относительно Российской империи. Ч. I. О народонаселении. СПб., 1819.

очерк России в полном объеме¹. Но и у него том, посвященный населению, по существу, отдельная, самостоятельная работа.

Краткий обзор становления изучения народонаселения в России свидетельствует, что к началу XIX в. в этом направлении развернулась определенная деятельность. В общих чертах она была схожа с изучением народонаселения в других европейских странах, где еще окончательно не установились капиталистические отношения, и определялась конкретными условиями и потребностями России. Постепенно и в той мере, которая отвечала интересам абсолютизма, стал осуществляться учет населения; сведения о большей его части давали так называемые ревизии. Народонаселение, как и в западноевропейских странах, все более осознавалось в качестве категории жизнедеятельности общества. Один из самых значительных рубежей в движении к этому отразил, по нашему мнению, прозорливый труд М. В. Ломоносова. Вместе с тем он — убедительное свидетельство и того, что уже во второй половине XVIII в. изучение населения приобретало вполне конкретный характер. Феодализм сковывал развитие ростков этих знаний, но они упорно пробивались через каждую щель вынужденных «ослаблений».

В рассматриваемый период изучения народонаселения, не миновав тематику «политической арифметики»², шло главным образом по описательному направлению. После выхода в 1955—1959 гг. труда М. В. Птухи «Очерки по истории статистики в СССР» стали известны многие работы о народонаселении русских авторов XVII — начала XIX в. Н. К. Дружинин, осуществив исследование отечественной статистико-государствоведческой литературы начала XIX в.³, показал, что в эти десятилетия в ней впервые в европейской науке были поставлены и рассмотрены многие теоретико-статистические проблемы.

С начала XIX в. в теоретических трудах все чаще рас-

¹ См.: *Арсеньев К.* Начертание статистики Российского государства. Ч. 1. О состоянии народа. СПб., 1818; Ч. 2. О состоянии правительства. СПб., 1819.

² См.: *Собрание знаний о законах рождения и смертности в роде человеческого.* — В кн.: *Собрание сочинений, избранных из месящесловов на разные годы*, ч. II. СПб., 1787.

³ См.: *Дружинин Н. К.* Русские статистики первой половины XIX в. о содержании статистики как науки. — В кн.: *Очерки по истории статистики СССР*. Сб. 2. М., 1957.

сматриваются вопросы взаимоотношения различных общественных наук. Особенно это относится к статистико-государствоведческим работам. Надуманный предмет статистики (государствоведения), которую Г. Ахенваль, А.-Л. Шлецер, А. Ниман и другие тщетно пытались превратить в особую науку, включал в себя широкий диапазон разнородных «достопримечательностей» (от территории и населения до титулов и орденов), не мог размежеваться с предметами, тогда уже реально существовавшими науками — истории, географии, политэкономии и т. д. По К. Ф. Герману политэкономия («наука государственного хозяйства») это — «философия статистики», предмет последней — есть государство, а «предмет географии — земля»¹. «История, — писал А.-Л. Шлецер, — это статистика в движении, статистика это неподвижная история»².

Подобные афористические дефиниции никак не решали вопрос о взаимосвязи наук и лишь являются подтверждением, что в аспекте мертворожденной статистико-государствоведческой «науки» он и не мог быть решен. Поэтому, опуская данный аспект, остановимся на некоторых других направлениях формирования взаимодействия исторических знаний и зарождающихся знаний о народонаселении в XVI — начале XIX в.

Обращение к истории

Историческая наука старше демографической; превращение исторических знаний в науку произошло в основном во второй половине XVIII в.³, в последующие десятилетия начала XIX в. был завершен процесс становления буржуазной исторической науки. Однако формирование ее, как и демографии, а также других общественных наук, заняло значительный период. Начало его прослеживается примерно на том же хронологическом отрезке, на котором появляются и первые представления о народонаселении.

Н. Макиавелли, Ж. Боден — крупнейшие историки XVI в., представители гуманистической историографии —

¹ *Герман К.* Всеобщая теория статистики, с. 5—6, 50—51.

² Цит. по: *Лучинский Г.* Шлецер А.-Л. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 78. СПб., 1903.

³ См.: *Сахаров А. М.* Историография истории СССР. М., 1978, с. 44—71.

высказали также определенные взгляды и на народонаселение. Связь их исторических воззрений с другими воззрениями, в том числе и на народонаселение, несомненна.

На гораздо более низком историографическом уровне находились почти современные им страноведческие сборники конца XV — начала XVI в. Применительно к их содержанию термин «история» обретает свое первоначальное значение: повествование об узнанном. Но и в этих, подчас примитивных повествованиях, были элементы истории населения, соответствовавшие знаниям того времени.

Известно, что для передовых общественных теорий XVII в. были характерны рационализм и механицизм, т. е. перенесение принципов математики, астрономии и механики на изучение общества. «Социальная физика» XVII в. вообще пренебрежительно относилась к истории¹. Тем не менее именно «политические арифметики» открыли важнейшее условие для изучения движения населения: необходимость его анализа в ретроспективе, т. е. на историческом материале. Так, данные Д. Граунта о погребениях и крещениях в Лондоне охватывали 60 лет (с 1604 г.), а о погребениях по причинам смерти — за 1629—1636 гг. и 1647—1660 гг.² «Он, — считает английский специалист в области исторической демографии Т. Холлингсворт, — был первым, кто критически начал изучать исторические сведения о народонаселении»³.

Конечно, из этого нельзя делать вывод об осознанном установлении в то время взаимосвязи знаний о народонаселении и исторических знаний. Д. Граунт чисто эмпирически пришел к пониманию необходимости рассматривать процессы рождаемости и смертности на протяжении длительного периода, в их движении, т. е. исторически. Он, по существу, просто брал доступный ему хронологический период и анализировал материалы, не учитывая конкретное развитие общественно-исторического процесса. Но сам факт его обращения к исторической ретроспективе в зародыше намечал будущую «встречу» истории и демографии.

¹ См.: Спекторский Е. Проблемы социальной физики в XVII столетии. Т. 2. Киев, 1917.

² Graunt J. Op. cit. The Table of Casualties.

³ Hollingsworth T. H. Historical Demography. N. Y., 1969, p. 40.

Более явно контуры такой «встречи» проступили в развернувшемся в XVIII в. споре о численности населения в древнем мире и в новое время. Вопрос о численности населения на различных этапах исторического развития был первым, при рассмотрении которого исторические знания непосредственно соприкоснулись с накапливавшимися данными о народонаселении.

В 1661 г., т. е. почти в то же время, когда Г. Конринг поднялся на кафедру в Гельмштедте, а в Лондоне готовилась книга Д. Граунта, итальянский иезуит-астроном Д. Риччиоли (1598—1671) предпринял первую попытку рассчитать численность населения Европы (до этого существовали оценки лишь по отдельным странам). После него подобный расчет произвел в 1685 г. теолог И. Восснус (1618—1689), а затем в конце века — Г. Кинг. В следующем столетии только в 1740—1788 гг., т. е. в самый канун Великой Французской революции, был проведен, по данным Б. Ц. Урланиса¹, десяток таких расчетов (Н. Стрюк, И. Зюсмильх, Ж. Экспильи, Моо и др.).

При этом проводилась оценка численности не только населения Европы, но и всего мира, делались попытки прогнозов, что в свою очередь требовало выяснения численности населения в более ранние эпохи. Уже в XVII в. Д. Риччиоли, а позже И. Восснус и Г. Кинг (для Англии) попытались разработать оценки численности населения в древнее время. Такие попытки предпринимались и в XVIII в. С точки зрения современных представлений эти оценки несовершенны, чаще всего они резко завышены. Но в истории науки они очень важны и, в частности, показывают, как зарождалось изучение прошлого народонаселения, приведшее затем к возникновению историко-демографических исследований.

Несомненно, что оценочные подсчеты населения во второй половине XVII и в XVIII вв. вызывались реальными потребностями социально-экономического развития. Однако сами по себе они были недостаточны. Практически сразу возникла необходимость выяснения изменений численности населения в процессе исторического развития. Это нужно было как для понимания современных оценок («много — мало», «хорошо — плохо»), так и для перспективных исчислений. Таким образом, зарож-

¹ См.: Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе, с. 214.

дение изучения прошлого народонаселения в направлении определения его численности на ранних исторических этапах было вызвано не простой любознательностью, а имело под собой реальные основания и вытекало из реальной действительности XVIII в. Это должно быть особо подчеркнуто.

Обращает на себя внимание, что в споре о соотношении количества населения в древности и в новое время подчас даже не оперировали конкретным цифровым материалом, ограничиваясь общими оценками — население «убывает» или, наоборот, «возрастает». Такое положение объясняется тем, что данный спор не был просто спором о численности населения, а по-своему отражал идейные течения XVIII в., например отношение к историческому прогрессу, невосприятие просветителями принципа историзма и др.

Именно для аргументации своих общественно-политических позиций обратился к вопросу об изменении численности населения Ш. Монтескье. Он, в частности, утверждал: «Произведя подсчет с наибольшей точностью, которая только возможна в таких вопросах (самых подсчетов он не приводит. — Д. Ш.), я пришел к выводу, что теперь на Земле осталась едва десятая часть людей, живших на ней в древности. И удивительно то, что ее население уменьшается с каждым днем, если так будет продолжаться, через десять столетий она превратится в пустыню». Эта «самая ужасная катастрофа» вызывается, по его мнению, «внутренним пороком, тайным и скрытым ядом, медленной болезнью, подтачивающей человеческий род»¹. Нетрудно догадаться, что в последней фразе речь идет о феодальных порядках. Но, справедливо критикуя их. Ш. Монтескье приводит аргумент, проникнутый духом антиисторизма.

Подобных взглядов относительно численности населения придерживался и ряд других авторов (Ф. Вольтер, В. Мирабо, Р. Уоллес, Э. Гиббон, Ф. Кенэ и др.), каждый из которых использовал их для аргументации тех или иных позиций.

Любопытно, что такая точка зрения была изложена в 1762 г. и на русском языке в анонимной переводной работе («Примечание о числе как новых, так и древних

земных жителей»), опубликованной в одном из сборников, выходивших под редакцией профессора Московского университета И. Г. Рейхеля. Неизвестный автор считал, что население со времени Юлия Цезаря сократилось в десятки раз. «Сия перемена опаснейшая есть из всех приключившихся бедствий в свете, которую с превеликою трудностью могли мы приметить, ибо оная нечувствительным образом вошла, и через течение многих веков по степени возрастала»¹.

Вместе с тем существовало мнение, что численность населения Земли во все времена оставалась неизменной. Его, например, высказал в Энциклопедии Д. Дидро автор статьи «Народонаселение» (т. 34), историк-просветитель Э. Дамилавилье (1726—1768). Оригинальна аргументация этой точки зрения Я. Бильфельдом. Исходя из того, что количество материи на Земле неизменно, он писал: «Люди не взирая на гордость их, составляют только некоторую часть разных существ, из коих земной шар наш составлен. Они ползают на внешней коре оно-го, как многие другие одушевленные твари, и не имеют особенной привилегии, коя бы их исключала от последования всеобщим законам природы. Итак, мне кажется, из сего можно заключить, что они всегда почти равны были в числе, взяты будучи все вместе»².

С ярким историческим исследованием, направленным против всех этих взглядов, выступил в 1752 г. крупный английский буржуазный философ и историк Д. Юм. Он написал по этому вопросу специальную книгу, получившую широкую известность: она была переведена и в России³. Уже на первых ее страницах утверждения о значительной численности населения древности подвергаются критике. «Мы очень знаем, — пишет автор, — излишества Восия (И. Воссиуса. — Д. Ш.) по сему предмету. Да и другой писатель (Ф. Вольтер. — Д. Ш.), большего перед ним остроумия и разсмотрительности покусился утверждать, что по наилучшим исчислениям, ныне не имеется на поверхности земной и пятой части

¹ Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. Ч. II. М., 1762, с. 218—219.

² Наставления политические барона Бильфельда. Ч. 2, с. 411—412.

³ О населенности древних народов, каковою она является из писаний историков, мудрецов и стихотворцев тех времен. Г (осподина) Гюма. Спб., 1806.

народа, противу того, который обитал на ней во время Иулия Кесаря»¹.

Задача, которую поставил перед собой Д. Юм, — своеобразна. Он не стремится хоть как-то исчислить население древнего мира, а старается показать, что нет никаких документальных оснований, которые бы подтверждали, что «древние были многочисленнее новейших». Это определило и характер источников, которыми он оперирует: труды древних историков, политические документы, литературные произведения вплоть до стихов. Анализ этих материалов позволил автору доказать ошибочность преувеличенных оценок численности населения Древней Греции и Рима.

Историческое исследование Д. Юма с полным основанием может рассматриваться, как одна из ранних предпосылок возникновения исследований по истории народонаселения. Отметим еще одну примечательную сторону книги. Рост численности населения автор ставит в зависимость от состояния экономики. «Польша и Россия Европейская, — писал Д. Юм, — не имеют большой населенности; однако без сомнения населеннее древней Сарматии и Скифии, в которых ни о домоводстве, ни о хлебопашестве и не слыхивалось, а народы жили скотоводством одним»².

Позже французский просветитель, развивший концепцию исторического прогресса, Ж. Кондорсе (1743—1794) выразил эту сторону вопроса более определенно: «Население растет по мере того, как добывание средств существования становится менее опасным и менее зависящим от случая; земледелие, которое в состоянии прокормить большое число индивидов на одной и той же территории, замещает все другие источники существования; оно благоприятствует дальнейшему размножению людей, а это последнее в свою очередь ускоряет прогресс; приобретенные идеи сообщаются быстрее и вернее упрочиваются в обществе, ставшем более оседлым, более сближенным, более интимным»³.

Такие же мысли высказал еще до Ж. Кондорсе автор труда «Историческое описание Российской ком-

мерции» М. Д. Чулков (1740—1793). Он писал: «Земля, в которой нет ни мануфактур, ни фабрик, едва может иметь народа вполнину против такого государства, которое такие преимущества имеет. В такой земле, в которой нет ничего кроме земледелия и скотоводства, не требуется много народа, чтоб такую работу исправить». Добавим, что в связи с такой постановкой вопроса он сумел правильно взглянуть и на распределение собственности на землю: «Из сего также явствует, что плодотворная ли земля или нет, сие мало служит к умножению народа. Если земля плодотворна, то из сего больше ничего не следует, как только что хозяева будут получать больше доходов, и которые имеют великий недостаток, то содержать будут много служителей бесполезных, для одного только великолепия»¹.

Спор о том, были ли «древние многочисленнее новейших» принял, таким образом, не только, так сказать, количественное выражение, но и коснулся ряда существенных сторон социально-экономического развития, волновавших современников. К исходу столетия постепенно утвердилось представление, что численность населения все-таки растет, и спор сошел на нет. Однако поставленная в ходе его научная проблема относительно достоверного определения численности населения на предшествующих этапах истории, которая не могла быть решена в XVIII в., не потеряла своего значения и осталась в наследие следующему столетию.

Заканчивая рассмотрение становления изучения народонаселения в XVI — начале XIX в., следует подчеркнуть, что за этот период был пройден большой путь от зачаточных знаний о народонаселении до первых серьезных попыток научного осмысления отдельных сторон его развития. Если на раннем этапе (XVI — первая половина XVII в.) этого периода рассмотрение вопросов народонаселения едва начиналось и оставалось еще спорадическим, то со второй половины XVII в. идет неуклонное нарастание знаний о народонаселении, которые в XVIII — начале XIX в. приобретают все более углубленный и многообразный характер.

Указанное время получило наибольшее освещение в научной литературе, и именно в его хронологических

¹ О населении древних народов..., с. 10—11.

² Там же, с. 126.

³ Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936, с. 8.

¹ Цит. по: Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. I, с. 250.

пределах находится тематика, пожалуй, абсолютного большинства исследований по истории демографии и статистики. Однако при этом внимание сосредоточивается почти исключительно на работах «политических арифметиков» и их последователей. Конечно, не может быть никакого сомнения, что зарождение количественного изучения массовых общественных явлений на материалах народонаселения сыграло важную роль в формировании предпосылок возникновения в XIX в. не только демографии, но и некоторых других наук (прежде всего — статистической).

Отмечая это, следует вместе с тем подчеркнуть, что характеристика данного научного направления не должна заслонять все многообразие процессов накопления знаний о народонаселении и особенно постепенное и неуклонное выявление его места и роли в социально-экономическом развитии. «Век революции» — XVIII в. ознаменовался в этом аспекте важными достижениями, которые как бы сфокусировались в появлении понятия «народонаселение». На смену аморфным представлениям о «жителях», «людях» и т. д., свойственных всей предшествующей истории общества, пришло, пусть пока не четкое, но все же обладающее целостностью понимание народонаселения как определенной человеческой совокупности.

Значение выработки этого понимания трудно переоценить. Она свидетельствовала о значительном продвижении в накоплении научных знаний о народонаселении, создавала одну из основных предпосылок их развития. В этом плане осознание категории «народонаселение» имело важное значение; без выявления ее научное изучение народонаселения (в том числе и процессов его воспроизводства) не могло получить дальнейшее развитие.

Элементы этого развития стали проявляться уже в начале XIX в. Поэтому некоторые стороны изучения народонаселения в первые десятилетия XIX в., хотя они и относятся к характеризуемому периоду, рассматриваются в следующей главе в непосредственной связи с возникновением демографической науки, подготовленного всем ходом зарождения и развития знаний о народонаселении в XVI — начале XIX в.

Глава вторая СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Эту главу можно начать так же, как и предшествующую: с вопроса о времени возникновения демографической науки. Но если в предшествующей главе он был поставлен отчасти риторически, так как речь шла о предпосылках такого возникновения, то теперь его постановка имеет вполне реальное звучание. В настоящей главе в центре внимания — становление в XIX в. демографической науки и развитие ее до середины нашего столетия, а также начало взаимодействия истории и демографии.

Непосредственные предпосылки

Период от Великой Французской революции 1789—1794 гг. до франко-прусской войны 1870 г. В. И. Ленин назвал временем «подъема буржуазии, ее полной победы», это была «эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»¹. Победа буржуазии сопровождалась все большим обострением классовых противоречий капиталистического общества, ростом классовой борьбы. Революция 1848 г. ознаменовалась выходом на историческую арену промышленного пролетариата. «Манифест Коммунистической партии» возвестил начало рождения новой, подлинно революционной идеологии, развитие теории научного коммунизма, формирование диалектического материализма, что уже в XIX в. стало оказывать огромное воздействие на все стороны общественной жизни, в том числе и на науку.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

Промышленный переворот, начавшийся в Англии во второй половине XVIII в., втянул в XIX в. в свою орбиту США, Францию, Германию, Россию, Италию, Японию. В результате утвердился промышленный капитализм с его крупномашинной индустрией, означавшей гигантское развитие производительных сил по сравнению с тем, какое было в феодальном обществе. Огромные изменения, происходившие в мире по мере утверждения промышленного капитализма, постепенно сказывались и на демографических процессах, складывании новой демографической ситуации, в первую очередь в европейских странах, вставших на путь капиталистической индустриализации.

Демографическая ситуация в Европе на протяжении большей части XIX в. характеризовалась постепенным снижением смертности и высокой рождаемостью (кроме Франции). Вопрос о том, что первоначально вызвало рост численности населения — снижение смертности или некоторое увеличение рождаемости — остается дискуссионным¹. Во всяком случае, высокие темпы роста населения Европы были достигнуты в условиях как падения уровня смертности, так и высоких показателей рождаемости, сохранявшихся до последней четверти XIX в. В среднем годовой прирост населения в XIX в. был равен 0,77%, что в 7 раз превышало темпы роста населения феодальной Европы и в 3 раза — темпы эпохи первоначального накопления². В результате этого в течение XIX в. население Европы более чем удвоилось. По существующим оценкам в 1800 г. насчитывалось 193—208 млн. человек, а в 1900 г. — 423—430 млн. человек³, т. е. выросло в 2—2,2 раза.

Наиболее высокие темпы роста населения были в Англии. Ее население в XIX в. увеличилось почти в 3,5 раза — такой рост не был достигнут ни в одной стране. Во второй половине XIX в., и особенно в последней его четверти, стало быстро расти население Германии. Иной была картина во Франции. По данным французского демографа Ж. Буржуа-Пиша, коэффициент естественного прироста населения в середине века стал стре-

мительно падать и к концу его достиг примерно нуля¹. Франция в XIX в. не увеличила население даже наполовину.

Если брать рост численности населения мира в целом, то он, хотя и отстал от европейского масштаба, все же был значительным. За XIX в. население мира увеличилось примерно в 1,7 раза. В 1800 г. на Земле жили (по оценке) 978 млн. человек, в 1850 г. — 1,26 млрд. человек, в 1900 г. — 1,65 млрд. человек². Как видно из этих данных, в первой четверти XIX в. численность населения впервые достигла 1 млрд. и затем несоизмеримо более высокими темпами, чем за всю предшествующую историю, стала нарастать, все быстрее приближаясь к рубежу второго миллиарда.

Рост населения по континентам проходил в XIX в. очень неравномерно. Наиболее низкие показатели были в Африке и Азии, где население увеличилось соответственно только в 1,3 и в 1,5 раза. Примерно одинаковым (почти в 3 раза) был рост населения в Латинской Америке и в Океании. В 13,5 раза оно увеличилось в Северной Америке. Ясно, что такой рост, как и показатели роста населения Латинской Америки и Океании (включая Австралию), был достигнут за счет миграции населения в эти регионы.

На протяжении XIX в. из Европы выехали более 28 млн. человек. Из них почти половина приходилась на последние два десятилетия. О направлении основных потоков показывают данные о мигрантах, прибывавших в США. На первом месте по численности стояли выходцы из Англии (включая Ирландию); менее устойчивый, но все же значительный поток шел из Германии. Начиная с 90-х годов XIX в. основную массу мигрирующих в США стали составлять выходцы из Южной и Восточной Европы (в том числе России)³.

Кроме США и Канады значительный поток европейской миграции направлялся в британские колонии, в частности в Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку. Примерно с 1880 г. много иммигрантов стало прибывать в Латинскую Америку, где в XIX в. произо-

¹ См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I, ч. 1, с. 67.

² См.: Мирное демографическое положение в 1970 году. ООН. Нью-Йорк, 1972, с. 6.

³ См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I, ч. 4. ООН. Нью-Йорк, 1975, с. 635—638.

¹ См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I, ч. 1, с. 67.

² Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе, с. 239.

³ См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I, ч. 1, с. 56.

шли серьезные изменения — народы этого континента встали на путь самостоятельного государственного развития. В этом же столетии на всем американском континенте было, наконец, отменено рабство, имевшее серьезные демографические последствия не только для Америки, но и Африки. Негритянский историк У. Дюбуа считает, что в связи с невольничьим рынком для Западного полушария Африка потеряла свыше 60 млн. человек¹.

Даже самая общая характеристика демографической ситуации свидетельствует, что «демографический фон» научного изучения народонаселения в XIX в. был значительно более четким, нежели в предшествующие столетия. С каждым десятилетием, и особенно в последней трети века (что нужно особенно подчеркнуть), в развитии демографических процессов проявлялись значительные отклонения от их традиционного течения. Вряд ли эти отклонения могли быть сразу осознаны с достаточной глубиной и во всех аспектах. Но тем не менее, само их появление ставило задачу осмысления этих явлений.

Решение ее целиком совпадало со все более нараставшей общественной потребностью в изучении народонаселения, определявшейся объективным движением социально-экономических процессов. Эта общественная потребность постепенно расширялась и углублялась. Одним из наиболее важных проявлений ее явилось становление и развитие на протяжении всего XIX в. переписей населения² и его текущего учета. Появились принципиально новые данные о народонаселении, которых предшествующая история не знала. Это создавало одну из важнейших предпосылок формирования демографической науки.

Следует подчеркнуть, что на ее формирование оказывали воздействие противоречивые факторы. Становление капитализма породило устойчивую потребность в изучении в интересах последнего ряда сторон жизнедеятельности народонаселения (в том числе и организацию принципиально новых видов его учета), стимулировало

выработку определенных общих и конкретных знаний в данной области. Вместе с тем, будучи неспособным решить проблемы народонаселения, капитализм уже на рубеже XVIII—XIX вв. выступил с открыто реакционной трактовкой этих проблем, что определило утверждение в буржуазном общественном сознании внесоциального, чисто биологического подхода к рассмотрению народонаселения и наложило отпечаток на становление буржуазной демографии, все ее последующее развитие.

Эти факторы, отражавшие потребности материально-практической деятельности, запросы капиталистического производства, интересы классовой борьбы в области идеологии, в конечном итоге оказывали серьезное воздействие и на внутреннюю логику движения научных знаний о народонаселении. Их формирование к середине XIX в. получило дальнейшее развитие. Продолжалось уяснение сущности народонаселения, накапливались научные данные о нем, углублялись представления о идущих в нем процессах, в особенности о его воспроизводстве. «Многие ученые... собрали большое число драгоценных данных о населении, рождениях, браках и смертности»¹, — писал П. Лаплас (1749—1827), как бы подводя итог, с которым данная область знаний вступила в XIX столетие. Его труд «Опыт философии теории вероятностей» (1795—1814) появился в период развернувшейся дифференциации общественнознания. Примерно с 40—50-х годов XIX в. этот процесс охватывает и область научного изучения народонаселения.

Выше уже отмечалось, что в литературе, в том числе и советской, традиционным является утверждение, согласно которому демография «вычленилась» из статистики, «зародилась в ее недрах»². Так ли это? По нашему мнению, подобный подход не только дает неправильную трактовку возникновения демографии, но и не позволяет выявить действительную роль изучения в XVII — начале XIX в. народонаселения в становлении статистической науки.

Демографическая наука не «родилась» из статистики, а сформировалась, как уже подчеркивалось, в результате развития научных знаний о народонаселении.

¹ См.: *Фостер У.* Очерк политической истории Америки. М., 1955, с. 105.

² См.: *Гозулов А. И.* Переписи населения земного шара. М., 1970; *Григорьянц М. Г.* Переписи населения в капиталистических странах. М., 1976, с. 6.

¹ *Лаплас П.* Опыт философии теории вероятностей. М., 1908, с. 198—199.

² См., например: *Система знаний о народонаселении*, с. 214.

Это развитие явилось и одной из важнейших предпосылок возникновения статистической науки. «Статистика и демография в начальном периоде своего развития, — пишет польский демограф Э. Россет, — были «сиамскими близнецами». У этих двух научных дисциплин общая родословная, общее начало истории.. Мы принимаем концепцию, по которой демография на протяжении первых двухсот лет своего существования была объединена со статистикой, а со второй половины XIX в. начала представлять собою отдельную и вполне самостоятельную дисциплину»¹.

Э. Россет, таким образом, не «выводит» демографию из статистики, а указывает на их «общую родословную». Но характеристика этой «родословной», даваемая им, требует существенного уточнения. Суть его в том, что нельзя, по нашему мнению, переносить научные представления и соответствующие им понятия одной эпохи в другую, предшествующую², и утверждать, что «демография на протяжении первых двухсот лет (т. е. во второй половине XVII — первой половине XIX в. — Д. Ш.) своего существования была объединена со статистикой». В том-то и дело, что ни «статистики»³, ни

¹ Rosset E. Rodowód statystyki i demografii. — Wiadomości statystyczne, 1968, № 3, s. 4.

² Заметим, что распространенное в литературе применение терминов «статистика» и «демография» к знаниям XVI—XVIII вв. и даже античности и средневековья нередко влечет за собой путаницу и неверные суждения. Так, автор книги, изданной в ФРГ, П. Флазкемпер считает: «По отношению к сравнительно высоко развитому статистическому искусству римской древности статистическая деятельность средневековья означает регресс» (*Flaskämper P. Grundriss der sozialwissenschaftlichen Statistik. Teil I. Hamburg, 1959, S. 235*). Здесь современное понимание статистики перенесено на другие эпохи, когда существовали свои формы учета, соответствовавшие социально-экономическим системам каждой из данных эпох. Сравнить их, не принимая это во внимание, исторически неправомерно.

³ Слово «статистика» распространилось в западноевропейских языках примерно на рубеже XVIII—XIX вв. и приобрело в них отличный от «государствоведческого» смысл, первоначально означавший только «учет», «опись». Впервые официально в таком значении оно было применено, очевидно, во Франции, где созданный в 1800 г. орган государственного учета получил наименование *Bureau officiel de statistique générale*. «До этого, — отмечает П. Флазкемпер, — статистическая деятельность еще не носила такого наименования» (*Flaskämper P. Op. cit., s. 235*). Органы государственной (административной) статистики, созданные в первые десятилетия XIX в. в большинстве европейских стран, на первых порах занимались почти

«демографии» как наук в то время, о котором пишет Э. Россет, еще не было. В действительности тогда шел процесс постепенного накопления научных знаний о народонаселении, который тесно переплетался с развитием количественного изучения массовых общественных явлений, что заложило фундамент возникновения в XIX в. статистической науки и имело существенное значение для становления демографии.

В своем формировании эти две науки были, таким образом, взаимосвязаны общей исторической основой, у них был один общий исторический «корень». Чтобы не конструировать неологизм, можно воспользоваться термином «статистика народонаселения» — так Ю. Э. Янсон перевел в свое время понятие, которым А. Вагнер обозначал количественное изучение народонаселения в XVIII в.¹ Но при этом должно быть четко оговорено, что применение этого термина ни в коем случае не означает механическое перенесение современного нам понимания статистики населения в рассматриваемый исторический период.

Этот условно примененный к XVIII — началу XIX в. термин — «статистика народонаселения» — тем не менее полно отражает основное содержание зарождения в тот период количественного изучения массовых общественных явлений, которое вплоть до второй половины XIX в. велось практически только на материалах народонаселения. Действительно, оно начиналось с первых попыток исчисления населения, работ «политических арифметиков» и их последователей в XVIII в. Занятия В. Петти и Г. Кинга, говоря современным языком, эконометрией развития не получили. Одна из серьезных причин этого — отсутствие социально-экономических данных.

Сведения о населении до XIX в. также были очень скудны, но все же они давали некоторую возможность для ведения научных наблюдений. Подчеркнем, что не только это привлекало к изучению народонаселения, но и все более осознававшаяся его социальная значимость. Одним словом, так исторически сложилось, что именно «статистика народонаселения» стала к середине XIX в.

исключительно сбором и обработкой данных о народонаселении, что по-своему также способствовало утверждению представления о «вычленении» демографии из статистики.

¹ См.: Вагнер А. Указ соч., с. 35.

основной и наиболее важной линией изучения массовых явлений, и не случайно именно на ее материалах П. Лаплас разрабатывал общенаучные положения теории вероятностей.

При своем возникновении и первоначальном развитии статистическая наука была фактически только «статистикой народонаселения», на приложении опыта и методов которой создавались отрасли статистики, разрабатывалась ее общая теория¹. Но эта же «статистика народонаселения» имела важное значение и для формирования демографической науки. Именно такой подход, не «выводящий» одну науку из другой, а раскрывающий их общую историческую основу, позволяет, на наш взгляд, правильно понять возникновение в XIX в. статистики и демографии из единого «корня», что наложило отпечаток как на процесс их образования, так и на характер их последующих взаимосвязей.

В зарубежной литературе по истории статистики 30—40-е годы XIX в. называют иногда «эпохой энтузиазма», имея в виду резко возросший в это время интерес к изучению общественных явлений в их количественном выражении. Именно в это время наряду с действующими официальными статистическими органами начинают возникать статистические общества. Зачинателем их создания становится Англия, где в 30-е годы XIX в. возникают Манчестерское статистическое общество, аналогичное общество в Бристоле. В 1834 г. образуется Лондонское статистическое общество. Подобные общества стали действовать и в ряде других стран.

Хотя во Франции Статистическое общество оформилось только в 1860 г., в рассматриваемое время вышел ряд работ по «статистике народонаселения». В 1840 г. увидел свет двухтомный труд Л. Виллерме, представляющий собой сводку данных о положении рабочих. Он касался не только условий труда и быта, но и содержал материалы о рождаемости, числе детей в семьях рабочих, брачности в их среде. В плане социальной гигиены и социальной статистики были выполнены исследования А. Паран-Дюшатле. Новое понятие — моральная (нравственная) статистика ввел А. Герри; первоначально оно

¹ «Статистика населения, сформировавшаяся раньше других отраслей статистики, положила начало статистике как общественной науки» (Статистический словарь, т. II. М., 1963, с. 62).

относилось только к статистике преступлений, позже его пытались распространить и на изучение брачности, отчасти рождаемости¹.

Выдающийся вклад в становление статистики и демографии внес А. Кетле (1796—1874). Ученик и последователь П. Лапласа, крупный математик, астроном и климатолог, он вошел в историю науки как один из создателей научной статистики. Все его основные работы в области статистики были связаны с изучением народонаселения и сыграли в свою очередь важную роль в оформлении демографической науки. Наибольшее значение в этом имел его основной труд, вышедший в 1835 г. — «О человеке и развитии его способностей, или опыт социальной физики»².

А. Кетле удалось установить, что некоторые массовые общественные явления (рождаемость, смертность, преступность и др.) подчиняются определенным закономерностям. Но вскрыть подлинную природу этих закономерностей он в силу метафизического подхода к ним не смог. Его концепция «среднего человека» как средне-статистического показателя, характеризующего то или иное общество, была встречена сначала с большим интересом, но затем, еще при жизни ученого, подверглась серьезной критике. А Кетле стремился совершенствовать ее, однако все попытки оказались бесплодными. К. Маркс глубоко раскрыл эту ограниченность ученого. Назвав его первую книгу «превосходным научным трудом»³, он впоследствии писал: «В прошлом у него большая заслуга: он доказал, что даже кажущиеся случайности общественной жизни вследствие их периодической возобновляемости и периодических средних цифр обладают внутренней необходимостью. Но объяснение этой необходимости ему *никогда* не удавалось»⁴.

¹ Это было связано с пониманием процессов воспроизводства населения как чисто биологических и стремлением выделить из них такие, в которых человек должен рассматриваться «как сознательная и морально ответственная личность». Критику этих взглядов дал в начале нашего века М. В. Птуха (см.: Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960, с. 57—59).

² См.: Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. Спб., 1866; его же. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Т. 1—2. Киев, 1911—1913 (этот перевод был сделан с французского издания 1869 г.).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 531.

⁴ Там же, т. 32, с. 495—496.

И все же творчество А. Кетле стало важнейшим рубежом в развитии буржуазной наукой социальных исследований, включая проблемы народонаселения. Оно, во-первых, свидетельствовало, что длительный период зарождения научных знаний, характеризовавшийся простым количественным описанием народонаселения, других социальных явлений, в основном пройден и начался переход к сознательному использованию эмпирических количественных данных для установления закономерностей общественной жизни. Во-вторых, творчество А. Кетле свидетельствовало о том, что если раньше на этапах зарождения научных знаний о народонаселении методы его изучения вырабатывались интуитивно и разрозненно, то теперь и в этой области начался переход к систематической работе по унификации технических процедур, терминов и приемов статистического анализа¹.

Немаловажное значение имела и научно-организационная деятельность А. Кетле. Именно с ним историки науки связывают «эпоху энтузиазма», а Ю. Э. Янсон называет его «первым проповедником идеи международного общения в статистических работах»². Он был деятельным организатором и участником статистических обществ, обмена мнениями и информацией в данной области. Значительную поддержку в этом он получил от У. Фарра (1807—1883). Этот крупнейший специалист по статистике населения сорок лет проработал в Генеральном регистре Англии и Уэльса, опубликовал десятки отчетов о движении населения страны, его переписях³ и оказал заметное воздействие на становление демографической науки.

В 1851 г. А. Кетле выдвинул идею о созыве Международного статистического конгресса. Это предложение встретило поддержку у ученых ряда европейских стран и США. Конгресс было решено провести в следующем году, но международный кризис, приведший к Крымской войне 1853—1856 гг., заставил отложить его. Кстати, в связи с этой войной русские представители в работе первых конгрессов не участвовали.

Первый статистический конгресс проходил 19—22 сентября 1853 г. в Брюсселе. До 1876 г. включительно было проведено еще восемь сессий конгресса¹. Участие в них представителей формирующейся научной и административной статистики позволило широко обсуждать теоретические и практические проблемы. Особое место в работе всех конгрессов заняли вопросы улучшения переписей населения и сбора данных о его движении.

Уже в Брюсселе были выработаны в общих чертах необходимые основные правила переписи населения. На последующих конгрессах разрабатывались их отдельные детали, при этом большое внимание уделялось определению содержания переписей, т. е. составлению опросного листа. Преследовались две взаимосвязанные цели: максимально совершенствовать переписи и вместе с тем унифицировать их, добиться сопоставимости данных.

Важную роль в этом сыграла восьмая сессия конгресса, работавшая в Петербурге в 1872 г. Председательствовал на ней выдающийся географ и статистик, в то время директор Центрального статистического комитета МВД П. П. Семенов² (1827—1914), а в числе докладчиков был Ю. Э. Янсон (1835—1893). Конгресс принял «минимальные международные нормы» проведения переписей населения. В заключение его была создана Постоянная комиссия конгресса под председательством П. П. Семенова. Ее деятельность была относительно не продолжительной. Вскоре после будапештского конгресса, который оказался последним, комиссия в 1878 г. прекратила свое существование.

В нашей литературе деятельность Международных статистических конгрессов 1853—1876 гг. освещена в самом общем виде. Между тем она — реальный индикатор процесса становления в этот период статистической и демографической наук. Ясно, что конгрессы стали собираться и работали почти четверть века, не потому, что идея их созыва внезапно «осенила» А. Кетле и У. Фарра. Они были вызваны к жизни реальными потреб-

¹ См.: История буржуазной социологии XIX—начала XX века, с. 129.

² Янсон Ю. Э. Указ. соч., с. 210.

³ Benjamin B., Prothero R. Review of Population Studies. L., 1975, p. 13—14.

¹ Они состоялись: в Париже (1855 г.), Вене (1857 г.), Лондоне (1860 г.), Берлине (1863 г.), Флоренции (1867 г.), Гааге (1869 г.), Петербурге (1872 г.), Будапеште (1876 г.).

² Впоследствии (с 1906 г.) — Семенов-Тянь-Шанский.

ностями развития экономики, статистической практики, изучения народонаселения.

Не случайно прекратились и их созывы. А. Ландри считает, что причина прекращения их деятельности — в неудачных попытках «навязывать свои решения правительствам»¹. Но на это надо взглянуть с другой стороны. Капиталистическая Европа 70-х годов, только что пережившая франко-прусскую войну и начавшая гонку вооружений со всеми ее последствиями, включая шпионманию, не была лучшим местом для обмена статистической и демографической информацией. Между тем к тому времени окрепли и национальные статистические органы. Для международных обменов требовались новые формы, что и выразилось в создании в 1885 г. Международного статистического института.

Заключая рассмотрение вопроса о Международных статистических конгрессах, отметим, что, несмотря на значительную и может даже преобладающую долю в их работе тематики народонаселения, она не нашла отражения в названии конгрессов. Вместе с тем в их материалах употребляются термины «популяционистика» и «демография»². Первый из них получил хождение с 40-х годов XIX в., второй был введен в оборот в середине следующего десятилетия.

Возникновение демографии

Появление названия науки является внешним, но важным показателем процесса ее оформления. Первым названием науки о народонаселении было *популяционистика*.

¹ Landry A. Op. cit., p. 20.

² Отметим, что последний из них стал активно употребляться на сессиях конгресса уже с конца 60-х годов. На первых сессиях выявилось отсутствие у участников конгресса единого понимания содержания статистики. На сессии в Гааге (1869 г.) этому вопросу был посвящен специальный доклад директора Прусского статистического бюро Э. Энгеля, который (как и его соотечественники Г. Рюмелин и А. Вагнер) предложил различать статистику (метод) и демографию («науку о человеческих обществах») (см.: *Анучин Е.* Значение статистики как науки и международный статистический конгресс. СПб., 1872, с. 8, 12). Таким образом, эти ученые рассматривали указанные конгрессы, по существу, как конгрессы статистики и демографии.

Оно перешло в обращение из изданной в немецком университете городке Ульме в 1841 г. книги «Справочник популяционистики», написанной одним из представителей известной семьи швейцарских ученых¹ — Х. Бернулли (1782—1863), профессором Базельского университета. Его книга — одна из ранних попыток анализа данных первых европейских переписей населения. «Метод, которым Х. Бернулли излагал результаты переписей, — пишет современный западногерманский демограф Г. Шубнелл, — был заимствован почти всеми поздними учебниками в Германии и в своей основе все еще используется»².

В книге Х. Бернулли выделяются: статистика населения (сбор данных, их первичная систематизация и описание) и учение о народонаселении, или популяционистика. Этот термин, получив вначале распространение³, в общем не прижился. Но и не исчез окончательно. В конце столетия, как еще будет сказано, он применялся уже вопреки своему первоначальному смыслу для обозначения теории народонаселения, в том числе и как системы общественно-политических взглядов на него.

Трудной, но в конечном итоге удачливой оказалась судьба другого термина — «демография». Этот термин впервые употребил в книге «Элементы человеческой статистики, или сравнительная демография» (1855 г.) французский естествоиспытатель и математик А. Гийяр (1790—1876)⁴.

Следует признать, что понимание им изучения народонаселения было уже, чем у Х. Бернулли, сформулировавшего идею популяционистики. А. Гийяр определял демографию как «естественную и социальную историю человеческого рода» или в более узком смысле как «математическое познание человеческих популяций, их общего движения, их физического, гражданского, интеллек-

¹ См.: *Brunner Ю. Ф.* Семейство математиков Бернулли. М., 1875.

² *Schubnell H.* Demography in Germany.— *The Study of Population*, p. 205.

³ Между прочим, уже в начале 1840-х гг. он был известен в России (см.: *Рославский А.* Руководство к статистике. Харьков, 1844, с. IV).

⁴ *Guillard A.* *Eléments de statistique humaine ou démographie comparée*. P., 1855.

туального и морального состояния»¹. Демография, по его мнению, «описывает массы с помощью чисел»².

Образуя неологизм «демография», А. Гийяр не случайно ввел в него древнегреческое слово «графис» — писать, описывать. Это соответствовало его представлениям о возникающей науке, которую он, как это видно уже из заглавия его книги, в определенной степени отождествлял с количественным изучением массовых общественных явлений, условно названным выше «статистикой народонаселения».

В этой связи следует отметить малоизвестный факт, что такой подход вызвал серьезные возражения уже у современников А. Гийяра, которые были не согласны с тем, «что демография может быть приравнена к статистике населения»³. Выражая это, немецкий ученый Л. фон Штайн предпринял попытку ввести науку о населении как самостоятельную отрасль в систему политических и административных наук. Через три года после выхода книги А. Гийяра, в 1858 г. другой немецкий ученый Р. фон Моль предложил термин «наука о народонаселении» (*population science*) «как единственный термин, пригодный для трактовки этого предмета»⁴.

Несколько позже, в начале 70-х годов, Э. Энгель (1821—1896) — один из немногих немецких статистиков, признававших самостоятельность изучения народонаселения, попытался ввести наряду с понятием «демография» еще одно — «демология». Соотношение между ними он устанавливал аналогично соотношению этнография — этнология. Демография должна была «изображать» процессы народонаселения, а демология — «раскрывать» их. Возможно, что именно из-за этого искусственного расчленения единой науки предложение Э. Энгеля не получило распространения.

Что касается термина «демография», то первоначально, после издания книги А. Гийяра, казалось, что он тоже забыт. В вышедших в 1866—1874 гг. основных томах Большой энциклопедии Ларусса он даже не упоминался, а в статье «Народонаселение» (т. 12) назва-

¹ См.: Landry A. Op. cit., p. 2; Волков А. Г. Предисловие. — В кн.: Теоретические проблемы демографии. М., 1970, с. 7.

² Trebic V. Mica enciclopedia de demografie. București, 1975, p. 23.

³ Изучение мнений о величине семьи, с. 107.

⁴ Там же.

ние книги А. Гийяра было дано не полностью, его вторая половина («...или сравнительная демография») оказалась по неизвестным причинам сокращенной. Но затем положение изменилось. В вышедшем в 1877 г. дополнителном томе уже была, правда небольшая, статья «Демография»¹. Сам факт появления такой статьи в авторитетной энциклопедии служил убедительным свидетельством начинающегося, по крайней мере во Франции, признания демографии.

Еще до этого в 1874 г. в Париже вышла книга «Сравнительная демография Франции» медика и руководителя Статистического бюро Парижа Л. Бертильона (1821—1883). Как и А. Гийяр, он рассматривал в этой книге демографию в качестве самостоятельной науки. Со второй половины 70-х годов во Франции начал издаваться журнал «Анналы международной демографии».

А вскоре пришло и первое официальное международное признание демографии. Как отмечалось выше, в 1878 г. Постоянная комиссия Международного статистического конгресса прекратила свою деятельность. В этих условиях редактор журнала «Анналы международной демографии» А. Шервэн, поддержанный Л. Бертильоном, французским экономистом и историком П. Левассером (1829—1911) и учеными ряда других стран, предпринял меры, чтобы сохранить международное сотрудничество в области изучения народонаселения. Для этого был использован Международный конгресс гигиены, собравшийся в Париже в том же, 1878 г. В его работу и включили вопросы демографии, рассмотрение которых на следующем конгрессе (Женева, 1882 г.) было выделено в его специальную секцию (отдел)². В 1883 г. наименование Международный конгресс гигиены и демографии было официально закреплено выпуском под этим названием тома материалов конгресса. Данное направление деятельности конгрессов приобрело в конце XIX — начале XX в.³

¹ Larousse P. Grand Dictionnaire universel du XIX-e siècle. 16, p. 659.

² Willcox W. Statistics at International Congress on Hygiene and Demography. — In: Quarterly publications of the American Statistical Association, 1912, vol. 13, № 98, p. 182—185.

³ Конгрессы регулярно собирались вплоть до первой мировой войны; последний из них состоялся в Вашингтоне в 1912 г. См.: International Congresses and Conferences. 1840—1937. N. Y., 1938, p. 97—99.

такой широкий характер, что в литературе их иногда называют «демографическими конгрессами».

Появление, распространение и постепенное признание термина «демография» отразило возникновение обозначаемой им науки. Те немногие (а их малочисленность будет сохраняться еще долго) ученые, которые начали работать в данной области, рассматривали демографию как самостоятельную предметную науку, объектом изучения которой является народонаселение. Статистика же при этом должна выполнять роль поставщика методов. П. Левассер так формулировал эту точку зрения: «Демография представляет собой применение статистических методов к изучению населения или, в более общем плане, человеческих общностей»¹. Еще четче это выразил руководитель Статистического бюро Парижа Ж. Бертильон (1851—1922): «Демография является изучением человеческих общностей. Основным инструментом этого изучения служит статистика»². В этих лаконичных формулировках достаточно определенно выражено понимание демографии как самостоятельной науки.

Демография, как считал Ж. Бертильон, изучает население в его статике и динамике. Такое деление напоминает контовское деление социологии на социальную статику и социальную динамику. Однако у Ж. Бертильона содержание этих двух разделов иное. По существу, это разделение ему нужно, чтобы показать, что демография изучает народонаселение с двух основных точек зрения. Во-первых, она анализирует состав населения, это — демография статическая, раскрывающая как бы анатомию населения. Во-вторых, она изучает перемещения, происходящие в населении путем рождений и смертей, это — демография динамическая, представляющая собой как бы физиологию процессов населения.

Подобный подход получил распространение, он применялся, как будет показано ниже, и при изучении народонаселения в России. Условное выделение статике и динамики народонаселения способствовало на том этапе систематизации исследований в этой обла-

сти. Вместе с тем развивалось представление о движении населения не как о результате простого изменения его численности, а как итоге динамики основных демографических процессов — рождаемости и смертности.

Особенно важным было развертывание изучения проблематики рождаемости, которая до этого систематически не рассматривалась. Исследования Ж. Бертильоном населения округов Парижа, Берлина и Вены не только обнаружили резкое различие уровней рождаемости у богатых и бедных и способствовали формулированию французским социологом А. Дюмоном (1849—1909) концепции «социальной копилярности», согласно которой продвижение по социальной лестнице сопровождается сокращением рождаемости, но и открыли новый раздел демографии. Развертывавшееся изучение рождаемости имело тем более важное значение, что оно способствовало повышению уровня демографических исследований в целом, явилось одним из тех звеньев, с разработкой которых демография превращалась в науку о воспроизводстве населения.

Франция еще в XVIII и начале XIX в. была центром изучения народонаселения. Тогда это было связано с подготовкой и проведением коренных преобразований буржуазной революции. Теперь Франция играла ведущую роль в формировании буржуазной демографии в силу специфики складывавшейся в ней демографической ситуации. Как заметил А. Сови, на развитие здесь демографии «оказывала влияние сама история народонаселения или, точнее, опасения, которые возникали в связи с этой историей»¹. Непосредственный толчок для активизации научной демографической деятельности во Франции дали не только негативные демографические явления (например, снижение рождаемости), но и политические события, прежде всего ее поражение во франко-прусской войне 1870—1871 гг., которое впервые заставило серьезно задуматься над проблемами народонаселения, течением демографических процессов. С тех пор они с большей или меньшей степенью интереса привлекали внимание общественности страны, и в силу этого французская демография сохраняла одно из ведущих мест в буржуазной демографической науке.

¹ Trebici V. Op. cit., p. 30.

² Бертильон Ж. Статистика движения населения во Франции. Спб., 1889; его же. Курс административной статистики. Спб., 1897.

¹ Sauvy A. Op. cit., p. 181.

В принципе в общем русле изучения народонаселения буржуазным обществоведением, но со своими конкретными особенностями шел в рассматриваемое время процесс становления науки о народонаселении в Германии. Эти особенности определялись социально-экономическим состоянием страны, где только после революции 1848 г. стали активно развиваться капиталистические отношения. В этих условиях камералистика и статистика-государствоведение вплоть до середины XIX в., а отчасти и позже сохраняли свои позиции.

Продолжительное господство статистико-государствоведческих представлений наложило отпечаток на формирование целого ряда наук, и прежде всего собственно статистики. Сторонники кетлеанства (А. Вагнер, Э. Энгель и другие) выступали в основном за развитие современной статистики. Но вместе с тем концепции А. Кетле подвергались критике, подчас с реакционно-идеалистических позиций.

В такой обстановке становление статистики в Германии, осуществляемое к тому же при тесном участии бюрократии, означало не только рождение новой науки, но и трансформацию в нее статистико-государствоведческих представлений. Это сказывалось на дифференциации знаний, сдерживало ее, придавало ей искусственное выражение, что особенно проявилось в изучении народонаселения.

Конечно, процесс становления науки о народонаселении был объективным процессом, он шел и в Германии, где некоторые ученые оперировали и понятием «демография» (или чаще своим термином *die Bevölkerungslehre*). Но такая «демография» десятилетиями подстраивалась под статистику, была вынуждена развиваться в ее рамках. Одной из первых работ, в которой обосновывался изложенный подход, явилась книга И. Ваппеуса (1812—1879) «Всеобщая статистика народонаселения», вышедшая в 1859—1861 гг. и до конца столетия не раз переиздававшаяся.

В рассматриваемое время немецкие ученые — Г. Кнапп (1842—1926), К. Беккер (1823—1896), Г. Цейнер (1828—1907), Р. Бёк (1824—1907) и другие — немало сделали для развития методов построения таблиц смертности. Именно в это время и благодаря их исследованиям в полном объеме было осознано

значение работ «политических арифметиков», особенно Э. Галлея.

В 1884 г. Р. Бёк впервые сформулировал чистый коэффициент воспроизводства населения, что имело важное значение для последующей (уже в XX в.) работы в этом направлении. В 60—70-х годах Г. Кнапп, К. Беккер, Г. Цейнер начали разработку «демографической сетки», завершённую В. Лексисом (1837—1914)¹. Он же оставил после себя ряд теоретических трудов, отчасти переведенных на русский язык². Но, пожалуй, наиболее активно переводился Г. Майр (1841—1925)³, руководитель Баварского статистического бюро, последовательный сторонник и проводник идеи о необходимости изучения населения в рамках статистики.

Переводы Г. Майра в России были не случайны. В известной мере статистика населения здесь также претендовала на исключительное положение в изучении народонаселения. Но вместе с тем были обстоятельства, которые существенно отличали подобный подход в Германии и в России. Основное из них заключалось в том, что русская статистика-государствоведение не имела такого законченного доктринерского характера как немецкая, и она хотя также нелегко и непросто, но все же более последовательно уступала место современной статистике. В силу этого статистика в России была менее опутана статистико-государствоведческими предрассудками, нежели это было в Германии, что позволило ей не только воспринимать более прогрессивные идеи (например, французской демографии), но и вырабатывать свои пути в изучении народонаселения.

В значительной степени это было связано с передовыми взглядами на народонаселение целой плеяды

¹ См.: Лексис В. Статьи по теории статистики населения и теории нравственной статистики / Под ред. А. А. Чупрова. Спб., 1906, с. 6—7.

² См.: Лексис В. Общая теория движения народонаселения. — В кн.: Народонаселение и учение о народонаселении; его же. Статистика народонаселения. — Там же.

³ См.: Майр Г. Законосообразности в общественной жизни. Тамбов, 1884; его же. Закономерности в общественной жизни. М., 1899; его же. Статистика и обществоведение. Т. 2. Статистика населения. Спб., 1901.

выдающихся русских мыслителей, таких, как В. А. Милютин (1826—1855), революционные демократы и особенно Н. Г. Чернышевский (1828—1889), а также Л. И. Мечников (1838—1888), Д. И. Менделеев (1834—1907), Г. В. Плеханов (1856—1918) и др.¹ Революционно-освободительное движение перед отменой крепостного права, революционно-демократическая борьба последующих десятилетий постоянно оказывали влияние на изучение народонаселения.

Еще в предреволюционные годы С. А. Новосельский дал очерк истории таблиц смертности в России². Он не только проанализировал историю каждой из таблиц (Н. Е. Зернова, К. А. Андреева и др.), но и показал выдающийся вклад в их разработку В. Я. Буныковского (1804—1889), метод которого был совершеннее современных ему методик. В последнее время представления об изучении смертности в России дополнила статья Г. И. Чертовой³.

Не имея возможности охарактеризовать все работы отечественных ученых, остановимся на научном творчестве Ю. Э. Янсона, который в последней четверти XIX в. был одним из крупных русских специалистов в области статистики населения. Его основной труд «Теория статистики» (выдержал пять изданий за 1886—1913 гг.) пронизан материалами статистического изучения народонаселения. Кроме того, он опубликовал ряд работ по народонаселению (главным образом по итогам переписей в Петербурге в 1881—1890 гг.), а также книгу «Сравнительная статистика населения» (СПб., 1892). В ней автор выразил отношение к термину «демография». Он писал о «так называемой демографии, то есть той же сравнительной статистике населения». Таким образом, не вполне приемля этот

¹ Характеристику взглядов на народонаселение русских мыслителей см.: Валентей Д. И. Теория и политика народонаселения, с. 83—103; Критика мальтузианских и неомальтузианских взглядов. Россия XIX — начала XX в. /Под ред. Г. М. Коростелева. М., 1978.

² См.: Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни. Пг., 1916.

³ См.: Чертова Г. И. Смертность населения России в XIX в. по исследованиям современников — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР /Под ред. А. Г. Вишневого. М., 1977; см. также: Перковский А. Л. Дореволюционная демография на Украине. — В кн.: Прошлое и настоящее демографии (Народонаселение. Вып. 32).

термин, Ю. Я. Янсон тем не менее не видел разницы между статистикой населения и демографией¹.

Как и в современной ему демографии, он делит изучение населения на его статику и динамику. К статике населения по Ю. Э. Янсону относятся: численность, населенность и густота, размещение населения, состав (половой, возрастной, по семейному состоянию, по занятиям и хозяйственному положению), физические свойства (здоровье). В изучение динамики населения он включал: брачность, рождаемость, смертность, изменение коэффициентов движения населения во времени, миграцию в пределах Европы, эмиграцию из Европы.

Комментируя эту схему Ю. Э. Янсона, автор одной из первых русских статей о демографии А. Е. Яновский писал, что у него динамика населения означает движение, выражающееся: а) «в поступательной замене одних поколений другими, в силу естественных процессов вымирания и нарождения (главным социальным условием последнего является брачность)» (курсив наш. — Д. Ш.) и б) «в перемещении массы населения из одних местностей в другие»².

Отметим, во-первых, что здесь языком того времени выражено понятие воспроизводства населения, во-вторых, процессы его («вымирание и нарождение») рассматриваются как биологические и только «нарождение» отчасти социально обусловлено брачностью. Не случайно, что именно в это время утвердились термины «естественное движение населения» и «механическое движение населения». Их появление было прямым результатом недооценки социальной детерминированности демографических процессов, а также миграции.

Ю. Э. Янсон не был, конечно, единственным русским специалистом в рассматриваемой области. В ней успеш-

¹ Заметим, что двойное и даже тройное наименование изучения народонаселения сохранялось в русской литературе долгие годы. Например, известный статистик А. Ф. Фортунатов в 1907 г. писал о «демографии (популяционистике или статистике населения)» (Фортунатов А. Ф. О статистике. М., 1907, с. 38).

² А. Я. (А. Е. Яновский). Демография. — Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 19. СПб., 1893, с. 367. Кстати, это было первое упоминание термина «демография» в русских справочных изданиях. Что касается отечественной научной литературы, то он появился в ней в 70-е годы (см., например: Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. 1. СПб., 1878, с. 19).

но работали В. И. Покровский (1838—1915), Ф. Ф. Эрисман (1842—1915), В. И. Гребенщиков (1857—1906), В. И. Борткевич (1868—1931) и ряд других ученых. Следует обратить внимание на появление работ В. И. Покровского и В. И. Гребенщикова о рождаемости¹, это были первые русские научные очерки одного из основных демографических процессов.

Занимался проблематикой народонаселения такой крупный статистик, как А. И. Чупров (1842—1908). Хотя он не оставил оригинальных работ по демографии, но деятельно пропагандировал ее. Основанное им Статистическое отделение Московского юридического общества (1882—1899 гг.) так же, как и созданные значительно раньше Вольное экономическое общество и Русское географическое общество, уделяло немалое внимание статистике населения². В этом аспекте были выполнены и многие работы санитарно-гигиенического плана³.

Отметим, что на рубеже XIX—XX вв. в русской литературе наряду с понятием «статистика населения» появилось понятие «учение о народонаселении». Наиболее полно смысл его был изложен в статье «Население» Большой энциклопедии под ред. С. Н. Южакова (т. 13, Спб., 1903). В ней отмечалось, что «население является предметом *особой науки* — учения о населении». Эта наука делится на три раздела: 1) «*статистику населения*, которая занимается исследованием и сопоставлением фактов, относящихся к населению; составляет *главнейшую часть* статистики вообще»; 2) «*теорию населения* (Populationistik), которая делает выводы из статистических фактов и на основании их устанавливает общие законы и законосообразности»; 3) «*политику населения*, которая занимается решением задач, вытекающим для общественной жизни из этих фактов и их закономерности и в особенности относящихся к задаче государст-

¹ См.: Покровский В. И. Рождаемость.— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 52. Спб., 1899; Гребенщиков В. И. Рождаемость.— Реальная энциклопедия медицинских наук. Т. 2, доп. Спб., 1901. Термин «рождаемость» утвердился, очевидно, именно в пореформенные десятилетия. Во всяком случае, А. И. Чупров назвал его в 1886 г. «недавно созданным» (Чупров А. И. Курс статистики. М., 1886, с. 250).

² См.: Савицкая З. М. Московский университет и земская статистика.— В кн.: Очерки по истории статистики СССР. Сб. 2.

³ См.: Маркузон Ф. Д. Очерки по санитарной статистике в дореволюционной России и в СССР. М., 1961.

венного вмешательства в эту область» (курсив наш. — Д. III.).

Приведенный текст достаточно ясен, поэтому прокомментируем только самое основное. Прежде всего здесь речь идет об «особой», т. е. самостоятельной науке. Ее возникновение было обусловлено осознанием необходимости отказаться от ограничения изучения населения только его статистикой. В науке о населении оно значительно выходит за пределы последней; выделена область теории, опирающейся на эмпирические данные.

Примечательно, что политика населения рассматривается при этом как часть науки, которая, говоря современным языком, должна вырабатывать рекомендации для «государственного вмешательства в эту область». Что касается статистики населения, то она занимает важное, но соподчиненное положение наряду со всеми другими разделами науки о народонаселении, хотя и составляет «главнейшую часть статистики вообще». Последнее примечательно: статистика населения образовывала основу статистики в целом не только к середине XIX в., как отмечалось выше, но и в начале XX в.

В рассматриваемое время изучение населения активно велось и в других странах. В Англии в 1885 г. была издана фундаментальная работа У. Фарра по статистике населения¹. В конце столетия сложилась англо-саксонская математическая школа, что выразилось в развитии Ф. Гэлтоном (1822—1911) антропометрии (он же в 1883 г. ввел термин «евгеника»), а К. Пирсоном (1857—1936) — биометрии². В Италии вышли демографические работы Л. Бодио (1840—1920), Л. Бенини (1862—1956), Ф. Нитти (1868—1953) и др.³.

В Швеции Г. Сьондбарг, как считается, одним из первых построил возрастную пирамиду. Норвежцу А. Киэру (1838—1919) приписывается введение метода выборочных обследований, в связи с чем М. В. Птуха замечает, что они проводились во Франции значительно раньше⁴. Добавим, что практика земских обследований в России также предшествовала методу А. Киэра.

¹ Farr W. Vital Statistics. L., 1885.

² Grebenik E. The Development of Demography in Great Britain. — In: The Study of Population.

³ Costanzo A. Op. cit.

⁴ См.: Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, с. 273.

Специфика развития переписей населения и особенно налаживание учета его естественного движения определили своеобразие становления демографии в США. Деятельность ранних американских демографов — Л. Шеттука (1793—1859), Ф. Уокера (1840—1897), Д. Райта (1840—1909), Д. Биллингса (1838—1913) и других — имела почти исключительно практический характер. Постепенно их усилиями совершенствовались переписи населения, и в 1899 г. Бюро переписей реорганизовали в постоянное учреждение. Налаживание же текущего учета населения, который принадлежал компетенции штатов¹, затянулось до 1933 г. Много времени потребовала и организация очень важного в условиях США учета иммиграции.

Разработка демографии и преподавание ее в курсах статистики началось в ряде университетов США с 80-х годов. Одним из пионеров этого был социолог Р. Майо-Смит (1854—1901), который в 1880—1900 гг. читал курс статистики в Колумбийском университете (Нью-Йорк), изданный отдельной книгой². Из нее можно заключить, что демография занимала в этом курсе одно из центральных мест.

Изучение ее в Колумбийском университете усилилось с началом работы в нем известного в то время социолога Ф. Гиддингса (1855—1931). «Удивительно большое количество видных деятелей американской демографии, — констатирует Ф. Лоример, — пришли в науку после окончания аспирантуры при факультете социологии Колумбийского университета, руководимой Ф. Гиддингом. Первым среди них был У. Уилкокс, написавший диссертацию «Проблема развода — статистическое исследование» в 1891 г.»³.

Но характерно, что даже на факультете социологии изучение демографии фактически шло только в пределах

статистики населения. Буржуазная социология не могла научно обосновать происходящие демографические процессы.

Становление демографической науки проходило в период, когда революционность буржуазии была уже изжита. «Отныне, — писал К. Маркс о времени выхода на арену борьбы в качестве самостоятельного класса пролетариата, — дело шло уже не о том, правильна или не правильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна... Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак»¹. Это положение К. Маркса в полной мере относится не только к прошлому столетию, но и к современным буржуазным теориям народонаселения.

Проблематика народонаселения, как известно, привлекла с первой половины XIX в. внимание в связи со спором вокруг книги Т. Мальтуса (1766—1834) «Опыт о законе народонаселения». Подчеркнем, однако, что причины этого внимания в действительности имели объективный характер: утверждение капитализма повлекло за собой резкое обострение с начала XIX в. всех, и в первую очередь социально-экономических проблем народонаселения.

Именно в силу этого, а также по мере выявления роли и места народонаселения в общественном развитии внимание к его изучению нарастало, и идеологическая борьба по вопросам народонаселения выдвигалась на передний край. История мальтузианства и его реакционная сущность достаточно глубоко раскрыты в работах советских ученых (Б. Я. Смулевича, Д. И. Валентея, Я. Н. Гузеватого, Г. М. Коростелева, и др.²). Поэтому коснемся только одного момента — освещения в буржуазной литературе влияния мальтузианства на становление демографии.

Вопрос о «мальтузианском споре» буржуазные историки науки рассматривают главным образом только в связи с историей концепций народонаселения. Когда же речь идет о истории собственно демографической науки, то оценки того или иного значения для нее мальтузиан-

¹ Клерикальный учет населения в США почти отсутствовал ввиду многообразия церквей и религиозных сект. К тому же некоторые из последних (конгрегационалисты, баптисты и др.) вообще либо отвергают регистрацию новорожденных, либо не придают ей значения.

² См.: Майо-Смит Р. Статистика и социология. М., 1901.

³ Lorimer F. Op. cit., p. 162. Позже У. Уилкокс будет назван «первым (по времени. — Д. Ш.) демографом Америки» (Vance R. The Development and Status of American Demography. — In.: The Study of Population, p. 291).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17.

² Отметим, что в упомянутой коллективной работе «Критика мальтузианских и неомальтузианских взглядов. Россия XIX — начала XX в.» впервые последовательно и всесторонне раскрыты все основные этапы истории борьбы с мальтузианством в России.

ства становятся несколько иными. Кроме открыто апологетического навязывания истории демографии мальтузианства, можно выделить и другие подходы к освещению этой темы.

Один из них изложил французский историк науки Р. Гоннар. «В то время как различные экономисты и философы,— писал он,— обсуждали положения мальтузианства и делали попытки их толковать или же опровергать, другие исследователи упорно занимались, по-видимому, более полезным делом, анализируя цифры демографических данных и, наконец, создавая на совершенно серьезной основе статистику движения населения»¹. Р. Гоннар, таким образом, считает, что мальтузианство не коснулось демографической науки, понимаемой им как статистики населения, которая, как можно заключить из приведенного текста, развивалась вообще вне теории.

На первый взгляд схожую оценку — невосприятия мальтузианства демографией (точнее, демографической статистикой) — дал и Ф. Лоример, который писал, что «у тех демографов, которые занимались систематическими исследованиями в своей области, спекулятивные рассуждения Мальтуса не вызвали непосредственного ни интереса, ни энтузиазма». В то же время «из тех, кто принял участие в середине XIX в. в дискуссии по вопросу о теории народонаселения и его роста, только чрезвычайно немногие сделали сколько-нибудь заметный вклад в развитие демографии как научного направления»².

Но Ф. Лоример и позже английский демограф Д. Гласс (1911—1978) считают, что объективно мальтузианство «существенно затормозило развитие демографии». Эта оценка мальтузианства обосновывается на примере состояния изучения демографии во второй половине XIX в. в Англии, где «споры вокруг теории Т. Мальтуса носили наиболее ожесточенный характер». Так, Д. Гласс, отмечая, что У. Фарр мало интересовался изучением рождаемости, а также теоретическим анализом причин изменения численности населения, писал: «Отсутствие научного интереса к изучению рождаемости объясняется реакцией общественного мнения на теорети-

ческие построения Т. Мальтуса. Люди типа У. Фарра, того же творческого склада, постоянно ощущали, что они, по существу, борются не столько с научными утверждениями, сколько с влиянием самого Т. Мальтуса, а это требовало ненужных затрат внимания и усилий...»¹. Еще более резкую оценку отрицательных последствий для демографии «мальтузианского спора» дал Ф. Лоример, который писал о «запущенном состоянии демографии в Англии в то время»².

Конечно, приведенные оценки Р. Гоннара, Ф. Лоримера и Д. Гласса в известной мере отражают их субъективные взгляды, но примечательно, что в разное время и в разных странах эти ученые пришли к схожим выводам и, очевидно, эти выводы по-своему соответствуют тому положению, которое было в буржуазной демографии второй половины XIX в.

Становление этой науки шло в сложных условиях. Возникшая в середине XIX в. буржуазная социология, как отмечалось, оказалась неспособной дать научную разработку теоретических проблем народонаселения. Ее взаимодействие с развивающейся демографией, несмотря на признание последней некоторыми социологами в качестве науки³, не поднималось выше эмпирического уровня.

Позитивистская социология не смогла выработать правильное обоснование роли демографического фактора в общественном развитии. Целый ряд ее представителей преувеличивал значение этого фактора. В частности, такой буржуазный социолог, как Г. Спенсер (1820—1903), ставил социальный прогресс в зависимость от роста народонаселения, так как он, по его мнению, приводит к «борьбе за существование», в ходе которой побеждают наиболее приспособленные к жизни индивидуумы⁴.

¹ Glass D. Some Aspects of the Development of Demography. — *Journal of the Royal Society of Arts. CIV.* 1956, p. 654—668.

² Lorimer F. Op. cit., p. 141.

³ Так, французский социолог Р. Вормс (1869—1926), возглавлявший основанный в 1894 г. Международный институт социологии (его членом был и Ф. Гиддингс), писал: «Вопрос о народонаселении должен быть выделен в особую науку, содержание которой исключительно им и ограничивается. Такою наукою является демография». (Вормс Р. Социология и демография. — В кн.: Нитти Ф. С. Народонаселение и общественный строй, с. XXI, XXIX).

⁴ См.: Коростелев Г. М. Рост народонаселения и общественный прогресс. Свердловск, 1968, с. 98.

¹ Gonnard R. Op. cit., p. 333.

² Lorimer F. Op. cit., p. 140—141.

История формирования буржуазных концепций народонаселения требует специального рассмотрения. Отметим в этой связи выход книги Г. М. Коростелева и В. С. Краева¹, авторы которой впервые дали критико-аналитическую характеристику всего процесса формирования взглядов на народонаселение в буржуазной науке. «Буржуазные социологические учения о народонаселении,— пишут Г. М. Коростелев и В. С. Краев,— построенные на ненаучной базе, не могут дать объективно истинного знания о народонаселении, его соотношении с обществом, законах его функционирования и развития, роли демографических процессов в общественном развитии»².

Добавим, что буржуазные концепции были оторваны от практики конкретного изучения народонаселения, являлись умозрительными. Их спекулятивный характер привел к тому, что формирование буржуазной демографии шло в значительной мере в отрыве от теорий народонаселения, главным образом на базе эмпирических исследований. Отсюда происходит подмена теории и методологии науки методами и методиками обработки конкретных данных, а в конечном итоге — стремление подменить демографическую науку «формальной (чистой) демографией», статистикой населения.

Вот как Г. Шубнелл характеризовал этот процесс на материалах немецкой науки: «Руководства и учебники о народонаселении, которые появились во второй половине XIX в., были почти исключительно трактатами по статистической демографии. В то же время рассмотрение теории народонаселения и политики в области народонаселения отступало на задний план. Продолжительное влияние имели работы Г. Майра (80—90-е гг. XIX в.— Д. Ш.), который называл статистику народонаселения «точной теорией народонаселения»... Преобладание статистического аспекта исследования народонаселения на всем протяжении XIX в., и в особенности в работах Г. Майра, которые до недавнего времени (это было написано в середине нашего столетия.— Д. Ш.) оказывали влияние на статистику в Германии, привело к тому, что исследования населения все более отождествлялись со статистикой населения»³. Такая оценка бур-

жуазным ученым истории своей науки может быть с определенными оговорками вынесена и за пределы его страны.

Выше характеристика становления демографической науки была дана по ряду стран. Это связано не с какими-то их особенностями по национальному признаку (наличием «национальных» школ, как иногда не вполне точно пишут), а с определенными общественно-историческими условиями их развития, с конкретной социально-демографической обстановкой.

Вместе с тем можно говорить о становлении во второй половине XIX в. буржуазной демографической науки в целом, которая, несмотря на своеобразные черты (иногда очень существенные) ее формирования в реальных условиях тех или иных стран, сложилась в ходе объективного процесса развития научных знаний о народонаселении в единую науку. Завершился длительный и сложный период первоначального научного осмысления проблематики народонаселения, изучение ее поднималось на новую ступень, расширялось и углублялось, получало научную основу, правда, существенно ограниченную буржуазно-метафизическим мировоззрением.

Возникновение демографии не было единовременным и назвать точную дату ее «рождения», чем так любят заниматься буржуазные историки науки, не представляется возможным. Как было показано выше, превращение изучения народонаселения в самостоятельную отрасль научного знания, т. е. становление и оформление демографической науки прошло примерно в период с 40—50-х до 70—80-х гг. XIX в.

Если непосредственное оформление демографической науки в XIX в. растянулось на несколько десятилетий, то составивший его основу процесс зарождения и развития научного изучения народонаселения занял еще более длительное время. При этом по мере своего развития он усложнялся, становился все более многосторонним, что стало особенно характерно для XIX в. «Открытие» народонаселения в предшествующем столетии на уровне явления теперь приобрело характер познания его сущности. Издавна сложившиеся представления о различиях людей по полу, возрасту, положению стали выкристаллизовываться в упорядоченные знания о структуре народонаселения, понимание которой начало приобретать все более дифференцированный характер.

¹ См.: Коростелев Г. М., Краев В. С. Буржуазные концепции народонаселения.

² Там же, с. 159.

³ Schubnell H. Op. cit., p. 205—206.

Систематизировались наблюдения над народонаселением как постоянно изменяющейся совокупностью, в XIX в. были выделены виды его движения: «естественное», «механическое» и затем — социальное. Подмеченная еще в древности, связь численности жителей той или иной территории с ее хозяйственным использованием получила в XIX в. развитие и обоснование в выдвижении вопроса о взаимозависимости народонаселения и экономики.

Наконец, значительных успехов достигло и количественное изучение народонаселения, обобщение и осмысление конкретных демографо-статистических наблюдений. Здесь следует отметить два важных момента. Во-первых, только в XIX в. с постепенным развитием переписей населения и налаживанием его текущего учета впервые появились относительно полные и систематически получаемые данные для научного анализа массовых процессов, идущих в народонаселении. «Статистика и демография, — считает французский ученый Д. Виллей, — родились в один и тот же день: в день первой переписи населения»¹. Конечно, это — образное выражение, но нельзя не учитывать, что, например, названная выше книга Х. Бернулли не могла бы появиться не имея ее автор данных первых переписей населения.

Во-вторых, возникновение демографической науки было тесно связано с развитием научных знаний в ряде смежных с ней областей. В данном случае нужно указать на успехи теории вероятностей², которая в XIX в. «создала, — по оценке А. А. Чупрова, — твердую теоретическую основу для понимания массовых явлений человеческого общества»³. Это количественное изучение массовых явлений первоначально опиралось почти исключительно на материалы народонаселения и прежде всего дало импульс разработке тех его процессов, совокупность которых именно в XIX в. получила наименование «естественного» движения населения. Все это в определенном смысле стало как бы стержнем формирования демографической науки.

¹ Villey D. Leçons de démographie. Vol. I. P., 1957, p. 23.

² См.: Колмогоров А. Н. Роль русской науки в развитии теории вероятностей. — Учен. записки МГУ, 1947, вып. 91; Пятницын Б. Н. Философские проблемы вероятностных и статистических методов. М., 1976, с. 262—268.

³ Чупров А. А. Вопросы статистики. М., 1960, с. 91.

Однако в целом это формирование было невозможно, на наш взгляд, вне развития всего комплекса взаимосвязанных знаний о народонаселении, которые обеспечили основу возникновения демографической науки, произошедшее в определенных конкретно-исторических условиях и в соответствии с объективными потребностями социально-экономического развития.

Возникновение демографической науки явилось крупным событием во всей истории изучения народонаселения. В силу важности исследуемых ею процессов она приобретала центральное положение в этом изучении, которое исторически складывалось как многостороннее, осуществляемое в целом ряде наук.

Вместе с тем (и это следует особо отметить) возникновение демографии во второй половине XIX в. отнюдь не означало, что сразу и четко определились все ее черты. Этот процесс продолжался и в следующем, XX столетии, он идет и в наше время. Тем не менее установление факта возникновения науки имеет важное значение для понимания истории ее развития, позволяет уяснить состояние и возможности изучения исследуемой ею области знания. Если говорить наиболее обобщенно, то формирование демографической науки создало важнейшие условия для развертывания с конца XIX и особенно в XX в. изучения ее центральной проблемы — воспроизводства населения.

Еще в предшествующий период в связи с исчислениями продолжительности жизни было немало сделано для изучения смертности. Активные работы в этом направлении продолжались и в XIX в. Наряду с этим начиналось систематическое изучение рождаемости, а также связанных с ней брачности, разводимости, семьи. Но до определенного времени каждый из основных демографических процессов — рождаемость и смертность — изучался в значительной мере изолированно, вне связи с другим. С возникновением демографической науки все более отчетливо стало вырисовываться понимание их взаимодействия и взаимозависимости как составляющих единого процесса воспроизводства населения.

Выработка этого понимания в буржуазной демографии была сопряжена со многими трудностями, что признают и сами ее представители¹. В развитии молодой

¹ Lorimer F. Op. cit., p. 165.

демографической науки едва ли не сразу обнаружались и другие трудности. Так, со времени своего возникновения и на протяжении десятилетий (да и сейчас) демография была очень слабо институтирована. До середины XX в. почти не велась подготовка ее кадров. Демографией занимались статистики, биологи, математики, социологи, экономисты, историки и др. Для многих из них она была всего лишь второй профессией.

Такое положение в определенной мере было связано с тем, что, несмотря на уже осознававшуюся важность изучения народонаселения, демографические проблемы еще длительное время не привлекали необходимого внимания. Даже во Франции, как пишут демографы-историки М. Рейнар и А. Армэнго, «предупреждение, которым явилась франко-прусская война, оказалось напрасным». Некоторые правящие деятели этой страны считали, что «избыток населения опаснее, чем его нехватка; избыток населения формирует «опасные классы», которые учредили Коммуну»¹ (т. е. Парижскую коммуну 1871 г.). Все это, конечно, также оказывало сдерживающее влияние на изучение народонаселения.

Первые десятилетия

В истории буржуазной демографической науки с конца XIX в. до наших дней можно выделить два крупных периода, хронологическим рубежом между которыми являются 50-е годы XX в. Второй из них будет рассмотрен в следующей главе. Остановимся на краткой характеристике первого, охватывающего время с 90-х годов XIX в. до середины нашего столетия и являющегося в значительной степени периодом становления новой науки.

Как складывалась мировая демографическая ситуация в это время? Прежде всего она характеризовалась убыстряющимся ростом населения. Если в 1900 г. в мире жило 1,6 млрд. человек, то в 1950 г. — уже почти 2,5 млрд. человек². Предполагается, что примерно к 1927 г. численность населения Земли достигла второго миллиарда. Путь к первому миллиарду занял всю историю челове-

чества до начала XIX в., путь ко второму миллиарду длился немногим более столетия, в течение которого население Земли удвоилось. Это явилось результатом неуклонного (с небольшими колебаниями) увеличения среднегодового прироста населения. Если в XIX в. он составил 0,5—0,6%, то в 1900—1919 гг. — 0,7, 1920—1929 гг. — 1,1, 1930—1939 гг. — 1,0, в 1940—1949 гг. — 0,9%³.

Такой прирост определялся соотношением показателей рождаемости и смертности. Последняя продолжала снижаться во все большем количестве районов мира. Так, в развитых странах смертность за период с 1900—1910 гг. до 1930—1940 г. снизилась с 21 до 14‰. Меньшее, но заметное ее снижение за этот же период произошло и в экономически слабо развитых районах с 34 до 29‰. Иную картину дают показатели рождаемости. В течение всей первой половины XX в. они в менее развитых районах оставались на неизменно высоком уровне — 41‰. В то же время в экономически развитых странах происходило сокращение рождаемости: в 1900—1910 гг. ее показатель здесь составлял 34‰, а в 1930—1940 гг. — 22‰².

Начавшийся в последней четверти XIX в. процесс снижения рождаемости в Европе продолжался и в XX в., став одним из важнейших демографических событий рассматриваемого времени. В ряде стран уровень рождаемости опустился значительно ниже приведенных средних показателей.

Доля населения Европы в общей численности населения мира стала постепенно сокращаться. В 1920 г. она составляла 17,5%, а в 1950 г. — 15,8%. Одновременно доля населения ряда других континентов заметно повысилась. Если в 1920 г. в Африке проживало 7,7% мирового населения, то в 1950 г. — уже 8,7%. Для Америки этот показатель был равен 11,1% в 1920 г. и 13,2% в 1950 г.³ Здесь рост численности населения дала главным образом Латинская Америка, где в 1920—1930 гг. произошел, как считают некоторые ученые, региональный

¹ Reinhard M., Armengaud A. Histoire générale de la population mondiale. P., 1961, p. 259.

² См.: Естественное движение населения современного мира /Под ред. Э. Ю. Бурнашева. М., 1974, с. 17—18.

¹ См.: Естественное движение населения современного мира /Под ред. Э. Ю. Бурнашева. М., 1974, с. 25.

² См.: Краткое изложение мирового демографического положения в 1970 году. ООН. Нью-Йорк, 1970—1971, с. 4.

³ См.: Естественное движение населения современного мира, с. 19.

«демографический взрыв» (среднегодовой прирост населения превысил 1,5%)¹.

В начале рассматриваемого периода важное значение сохраняла международная миграция, особенно в США. С 1901 по 1930 г. сюда прибыло 18,6 млн. человек. Всего же из Европы за 1900—1939 гг. эмигрировало 28,5 млн. человек². Массовые перемещения населения произошли в 40-е годы, они были связаны с военными действиями, изменением границ государств и различными политическими причинами.

Следует отметить, что с конца XIX в. развернулось систематическое изучение миграции. Описание ее всегда входило в качестве одного из компонентов динамики населения, которая характеризовалась через его «естественное» и «механическое» движение. В этот период появляются труды по миграции. В России — по внутренним переселениям, в США и в ряде стран выхода мигрантов — по международной миграции. Изучение последней в значительной степени было связано с налаживанием ее учета, получением данных о миграционном движении.

Рассматриваемое время — важный период и в развитии демографического учета как текущего, так и переписного. В конце XIX в. было задумано провести в 1900 г. Всемирную перепись населения, но осуществить этот замысел оказалось невозможно. Полвека спустя такое мероприятие, осуществленное органами ООН, охватило значительную часть стран. Простое сопоставление этих двух фактов свидетельствует о значительном расширении в первой половине XX в. сбора данных о демографической ситуации как в мире в целом, так и в большинстве стран.

Но, разумеется, не только демографическая ситуация определяла ход изучения народонаселения. Начало рассматриваемого периода этого изучения почти совпало с вступлением капитализма в стадию империализма. Последующие десятилетия ознаменовались коренными изменениями в истории человечества. Великая Октябрьская социалистическая революция возвестила наступление новой эры и положила начало противоборству двух

систем — поднимающегося и крепнущего социализма и переживающего все углубляющийся общий кризис капитализма.

Эти всемирно-исторические процессы оказывают всестороннее воздействие на социально-экономические процессы. Понятно, что не могла находиться в стороне от такого воздействия и демографическая наука. Но буржуазные ученые, как правило, замалчивают это. В их изображении (что иногда повторяется и в нашей литературе) демография в первой половине XX в. развивалась «по войнам»: в довоенный период (т. е. до 1914 г.), межвоенный и послевоенный периоды. Такая «периодизация» является чисто описательной, формально-хронологической.

Историю демографической науки конца XIX — первой половины XX в. с точки зрения ее содержательного развития можно разделить на два этапа: до начала 20-х годов и после них. Выделенный хронологический рубеж соответствует времени, когда на буржуазном общественном уровне стали сказываться последствия начавшихся в мире глубинных изменений.

Примечательно, что именно в это время в лексиконе демографии впервые появляется понятие «проблемы народонаселения». Это не было совпадением или тем более случайностью. Выше говорилось о возникновении и утверждении понятия *population* (народонаселение). В XVIII — начале XIX в. в условиях незрелости изучения народонаселения его содержание раскрывалось в самом общем виде — как «род человеческий». Именно такая дефиниция была дана ему в Энциклопедии Д. Дидро (статья «Народонаселение», т. 34, 1774 г.).

Во второй половине XIX в. формулировка была уточнена. На продолжительное время «классическим» стало определение, данное немецким ученым Г. Рюмелиным (1815—1889), согласно которому население «представляет собой общую численность людей, проживающих на определенной территории». Нетрудно заключить, что такое понимание было достаточно для уровня статистики населения. Но в конце XIX — начале XX в. оно стало подвергаться критике, главным образом со стороны социологов (Ф. Гиддингс и др.). Постепенно в первой половине XX в. было выработано новое определение, согласно которому, как писал японский демограф М. Татэ, «...одной из основных особенностей совокупности людей

¹ См.: Брук С. И. «Демографические взрывы» в истории. — В кн.: Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин, 1979, с. 21.

² См.: Хорев Б. С., Чапек В. Н. Указ. соч., с. 124, 128.

(народонаселения.— Д. Ш.) является наличие *социального органического самовоспроизводства*¹ (курсив наш.— Д. Ш.).

Но шла не только социологизация понятия «народонаселение», усложнялось и содержание изучения народонаселения. Именно в связи с этим и появилось в начале 20-х годов XX в. понятие «проблемы народонаселения», отражавшее стремление в новых исторических условиях охватить основной круг актуальных вопросов народонаселения. В 1923 г. в США вышла книга Э. Рейтера (1881—1952),² заголовок которой «Проблемы народонаселения» был в ближайшее время повторен во многих изданиях³. «Под одинаковым названием «Проблема народонаселения»,— писал в конце 20-х годов Ю. А. Корчак-Чепурковский (1896—1967),— в Западной Европе и в Америке появилось и размножается быстрее, чем само население, необозримое количество литературы...»⁴.

О том, какое содержание вкладывалось в понятие «проблемы народонаселения», можно судить по книге У. Томпсона⁵ (США), которая являлась одной из наиболее известных работ этого типа и переиздавалась вплоть до середины 60-х годов. Книга открывается обзором концепций народонаселения. Затем следуют главы о структуре населения, рождаемости, смертности, заболеваемости и естественном росте населения. Отдельно характеризуются проблемы промышленности, а также сельского хозяйства, связанные с ростом народонаселения. В работе подробно освещены демографические аспекты урбанизации. В заключение рассматривается миграция, а также проблемы оптимума населения и контроля за ростом последнего.

Как видим, традиционная демографическая тематика сочетается здесь с довольно широким кругом других про-

¹ Дзинко дайджитен (Энциклопедия народонаселения, на япон. яз.). Всесоюзный центр переводов науч.-тех. литературы и документации (ВЦП). Перевод № А-22560, с. 13.

² Reuter E. Population problems. Philadelphia, 1923.

³ Например: Population problems in the United States and Canada. Ed. by L. Dublin. Boston, 1926. Заметим, что на год раньше работы Э. Рейтера вышла книга английского демографа А. Карр-Саундерса (Carr-Saunders A. The population problem. Oxford, 1922), в заглавии которой значилось не «проблемы», а «проблема народонаселения».

⁴ Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. М., 1970, с. 19.

⁵ Thompson W. Population problems. N. Y., 1930.

блем и прежде всего экономических, а также урбанизационных. Постановка этих проблем способствовала привлечению к ним внимания и активизации их изучения. Р. Венс, характеризую книгу У. Томпсона и другие подобные издания, писал, что «эти работы не только подтвердили важность изучения демографии, но и составили ядро учения, а само их существование послужило созданию новых курсов по развивающейся дисциплине демографии»¹.

Осознание комплекса проблем народонаселения было вызвано потребностями эпохи и вместе с тем тесно связано со всем ходом изучения демографической проблематики в конце XIX — первой половине XX в. Каковы самые основные моменты этого изучения?

Первый из них — это нарастающий интерес к изучению рождаемости. Ф. Лоример даже считает, что этот интерес привел в конце XIX — первые десятилетия XX в. «к всплеске бурной деятельности в связи с изучением рождаемости, которая с тех пор стала важнейшей областью исследований народонаселения»². Действительно, вышли многие работы, отличительной чертой которых становился переход от простого статистического рассмотрения рождаемости к изучению обуславливающих ее факторов.

Появление термина «дифференциальная рождаемость» означало постепенное осознание социальных различий в ее уровне и корреляционных связей с условиями жизни семей. Вслед за Ж. Бертильоном социолого-демографическое обследование, в том числе и с целью изучения рождаемости, провел в 1911—1913 гг. швейцарский демограф Л. Герш, расположивший парижские округа в соответствии с имущественным положением их жителей. Отмечая подобные исследования, нужно вместе с тем учитывать, что они были в основном описательными, а теоретическое истолкование полученных данных проводилось на уровне концепций типа «социальной капиллярности».

Одним из важных результатов роста изучения рождаемости, а также активно продолжающегося исследования смертности явилось развитие представлений о воспроизводстве населения. В плане демографической ста-

¹ Vance R. Op. cit., p. 291.

² Lorimer F. Op. cit.

истики это было связано с разработкой его коэффициентов. Начало этому было положено еще Р. Бёком. Однако сформулированный им показатель не сразу получил признание. Его ученик, немецкий ученый, вынужденный эмигрировать в Англию и, кстати, ставший первым в этой стране профессором по демографии¹—Р. Кучинский (1876—1947) в конце 20-х годов усовершенствовал коэффициент воспроизводства населения². После этого коэффициент Бёка—Кучинского стал широко применяться в демографической статистике.

Поначалу немалое внимание привлекла в 20-е годы попытка установить на основе биолого-математического метода «закон» роста населения. В свое время А. Кетле, считая, что рост населения прогрессирует до определенного уровня, а потом начинает снижаться, полагал, что сумма препятствий на пути роста населения увеличивается пропорционально скорости, с которой стремится расти население. По предложению А. Кетле эту гипотезу попытался выразить математически и графически бельгийский математик П. Верюльст (Ферхюльст, 1804—1849).

Забытую попытку П. Верюльста независимо от него повторил почти через столетие американский биолог Р. Пирл (1879—1940). В 1920 г. он совместно с другим биологом Л. Ридом опубликовал работу, в которой авторы изложили результаты опытов над популяцией мушки дрозофилы. В этой и более поздней (1925 г.) работе Д. Пирл стремился доказать, что рост населения идет по так называемой «логистической кривой» и что, таким образом, найден «закон» этого роста.

«Открытие» Р. Пирла вызвало критические замечания уже сразу после его публикаций. «Автор, будучи биологом по специальности,— писал Ю. А. Корчак-Чепурковский,— часто слишком легкомысленно распространяет полученные в ходе проведенных экспериментов выводы на человеческое общество»³. Ученый был прав: «логистическая кривая» оказалась непригодной для прогнозирования роста населения и нашла ограниченное применение в демографическом анализе.

¹ Grebenik E. Op. cit., p. 194.

² Kuczynski J. René Kuczynski. Berlin, 1957, S. 124—125.

³ Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования, с. 25.

Иное значение для развития последнего приобрели работы современника и соотечественника Р. Пирла биолога, физика, математика и демографа А. Лотки (1880—1949). В ретроспективе его исследований историкам науки стало ясно, что зачатки научных идей, которые он развил, были еще в XVIII в. у А. Муавра, Л. Эйлера, в конце XIX в.— у В. Н. Борткевича. Но именно А. Лотка в серии исследований (1907, 1911, 1925 гг. и др.) разработал математическую теорию стабильного населения. Она, по мнению современного румынского демографа В. Требича, открыла «период «формальной» демографии и многочисленные теоретические и методологические работы последних трех десятилетий озаменовали самую плодотворную стадию развития демографического анализа»¹.

«Вклад А. Лотки в развитие демографии,— полагает Ф. Лоример,— в некотором смысле можно сравнить с вкладом И. Ньютона в физику. Оба создали аналитическую теорию, имеющую огромное значение, и оба создали базу для дальнейших эмпирических исследований. Последующие исследования вскрыли ограниченность применимости данных теорий, однако эти ограничения ранее не предполагались и никогда бы не были открыты, если бы не эксперименты, которые стали возможны благодаря точности и масштабам этих оригинальных научных построений»².

Работы Р. Пирла, А. Лотки, а также Л. Дублина, Г. Ферчальда (1880—1965) и ряда других представляли биологическое направление в американской демографии. В то же время экономико-социологическая тенденция изучения народонаселения нашла отражение в работах У. Уилкокса, У. Томпсона, К. Кайзера, Ф. Лоримера, М. Шпигельмана и др.

Во Франции в рассматриваемое время активно работали в области народонаселения А. Ландри, М. Хюбер (Губер, 1876—1947), Л. Марш и др. К середине XX в. здесь в исследования включились А. Сови, Ж. Буржуа-Пиша, Л. Анри, Р. Пресса, П. Венсан, А. Таба и др. Ряд оригинальных работ был выполнен в Германии (Ф. Бурдёрфер, А. Буркхардт, В. Винклер, П. Момберт и др.)

¹ Trebici V. Op. cit., p. 29.

² Lorimer F. Op. cit., p. 156.

и в Италии (К. Джини, Л. Ливи, Ф. Саворгнан, М. Болдрини и др.).

При определенном многообразии буржуазных концепций народонаселения первой половины XX в. они сводятся к общим знаменателям. Основной из них — те или иные буржуазные теории социально-экономического развития, производными от которых являются концепции народонаселения. Это убедительно показал Д. И. Валентей в специальном исследовании реакционных теорий народонаселения периода общего кризиса капитализма¹. Кейнсианство, биометрический подход, мальтузианское толкование «оптимума населения», концепции кризиса мировых ресурсов, а также «порочного круга нищеты», другие «теории», связанные с народонаселением, — все они в конечном итоге представляют собой явную и закамуфлированную апологетику капиталистического общества — и это также важнейший их знаменатель.

Особо следует подчеркнуть, что империализм в условиях своего углубляющегося кризиса активизировал одну из самых реакционных биологических концепций — расизм. Он получил широкое распространение в США, Англии и других капиталистических странах. Расизм стал орудием в борьбе за мировое господство империалистической Германии, официальной идеологией немецких и итальянских фашистов, японских милитаристов.

Идеологический кризис, выразившийся, в частности, в распространении реакционных концепций народонаселения, активизации неомальтузианства, оказывал резко отрицательное воздействие на буржуазную демографическую науку, отдельные частные достижения которой не могли, конечно, обеспечить ее успешное развитие. По-прежнему сохранялась и ее слабая институтированность, хотя во второй четверти столетия были предприняты новые шаги для организации международного сотрудничества.

В 1927 г. состоялся I Международный конгресс по народонаселению. В следующем году был образован Международный союз по изучению проблем народонаселения, действующий и в наше время. В 1931 г. в Риме и в 1937 г. в Париже прошли II и III Международные кон-

грессы по народонаселению. Сами по себе эти события были примечательны, но работа конгрессов отразила и явный кризис буржуазной демографии.

Первый из них прошел под знаком навязывания неомальтузианцами своей трактовки «оптимума населения». Одним из его центральных моментов стал доклад Р. Пирла о «логистической кривой». Не дали каких-либо позитивных результатов второй и третий конгрессы. Б. Я. Смуглевич и А. Я. Рубин отмечают низкий уровень последнего из них¹. Не оправдались надежды и на поддержку демографической деятельности со стороны Лиги наций. Только в 1939 г. ее Совет создал комитет (на уровне экспертов) для изучения демографических проблем². Но из-за начавшейся второй мировой войны практически ничего не было сделано.

Принципиально новый этап в развитии международного сотрудничества в области изучения проблем народонаселения начался с созданием ООН, когда при ее Экономическом и Социальном совете (ЭКОСОС) была создана в 1946 г. Комиссия по народонаселению, о которой будет сказано в следующей главе.

Демография и история: начало взаимодействия

В конце 30-х годов в материалах III Международного конгресса по народонаселению был употреблен термин «историческая демография»³. В ближайшие полтора —

¹ См.: Смуглевич Б. Я. Критика буржуазных теорий и политика народонаселения. М., 1959, с. 286—288; Рубин Я. И. Оптимум населения: что за этим понятием? Минск, 1979, с. 20.

² Nomenclature des commissions de la Société des Nations. Genève, 1945, p. 59—60.

³ Démographie historique. P., 1938. Впервые этот термин появился в конце XIX в. В частности, на Международном конгрессе гигиены и демографии, проходившем в Будапеште в 1894 г., работала секция исторической демографии (см.: Willcox W. Statistics at International Congress..., p. 185). Однако употреблялся он редко. Так, в 1920—30-е годы итальянский комитет по изучению народонаселения имел комиссию по исторической демографии — commissione di demografia storica (см.: Hollingsworth T. H. Op. cit., p. 56). VII Международному конгрессу исторических наук в 1933 г. был представлен доклад: Bourdon J. Les méthodes de la démographie historique (Bulletin of the VII-th International Congress of Historical Sciences, 5, 3, Warsaw (Jul. 1933), p. 588—595).

¹ См.: Валентей Д. И. Реакционные теории народонаселения периода общего кризиса капитализма. М., 1963.

два десятилетия он получил широкое распространение. Но вместе с тем его появление было непосредственно связано с предшествующим развитием данной области знаний, зарождением и формированием взаимодействия исторической и демографической наук, выразившемся в возникновении исторической демографии.

К сожалению, ни в советской, ни в зарубежной литературе нет ни одной работы, специально посвященной этой проблеме. Ее касаются только в самом общем виде. Так, В. И. Козлов одним из первых указал, что историческая демография возникла во второй половине XIX в.¹ Позже Р. Н. Пуллат передвинул эту дату «на рубеж нашего столетия»². А. Г. Вишневский и И. С. Кон считают, что «об исторической демографии можно говорить как о новой, очень молодой науке»³.

Подобные крайности в датировке возникновения исторической демографии свойственны и для западной литературы. В ней отмечается, что начало изучения демографической истории следует относить ко второй половине XIX в., когда «появились серьезные труды по исторической демографии»⁴. Но есть и иная точка зрения. Наиболее полно ее выразил французский демограф-историк Ж. Дюпакье. Он пытается провести различие между «историей народонаселения», которая, по его мнению, изучалась до середины XX в., и «исторической демографией» последних десятилетий, но при этом признает, что такое различие «весьма тонко»⁵.

В действительности оно не «тонко», а имеет, по нашему мнению, совсем иной характер. Понятия «история народонаселения» и «демографическая история» субординированы: первое из них значительно шире второго и не противостоит ему, а включает его в себя. Соответственно изучение истории народонаселения шире исторической демографии, которая является одним из его разделов и исследует не историю народонаселения в целом

¹ См.: Козлов В. И. Народонаселение. — СИЭ, т. 9. М., 1966, с. 982

² Пуллат Р. Н. Историческая демография в СССР. — В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977, с. 8.

³ Вишневский А. Г., Кон И. С. Предисловие. — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1977, с. 3.

⁴ Guillaume P., Poussou J.-P. Démographie historique. P., 1970, p. 24.

⁵ Dupâquier J. Introduction à la démographie historique. P., 1974, p. 79.

(этим занимается историческая наука), а только часть ее — демографическую историю. Из сказанного следует, что историческая демография (в конце XIX — первые десятилетия XX в. она порой именовалась «исторической статистикой населения») возникла в русле изучения истории народонаселения и именно на том этапе развития этого изучения, когда в него включилась демографическая наука, оформившаяся во второй половине XIX в.

К этому времени, а точнее, к последней трети XIX в., и относится начало взаимодействия демографии и истории. Это была пора первых шагов буржуазной демографии и вместе с тем обнаружившегося еще к половине XIX в. развития исторической науки, особенно ее буржуазно-либерального направления, воспринявшего (в своеобразных трактовках) принцип историзма. «Внешним выражением торжества историзма в первой половине XIX в., — отмечает О. Л. Вайнштейн, — было всеобщее увлечение историей, о чем свидетельствуют почти повсеместное появление исторических обществ, исторических журналов, исторических музеев, публикаций обширных серий источников национальной истории; быстрый рост исторической научной и научно-популярной литературы... За XIX в. утверждается в это время репутация «исторического века», противопоставляемого «анти-историческому» веку Просвещения»¹.

Но, разумеется, не просто рост интереса к прошлому определил обращение к исторической тематике народонаселения. Оно подготавливалось углублением исследований конкретной истории. Прежде чем дать научную оценку, например, численности населения древнего мира, необходимо было провести более или менее всестороннее изучение его истории, что, в частности, было сделано работами Т. Моммзена (1817—1903), раскопками Г. Шлимана (1822—1890) и многими другими исследованиями.

Кроме того, усиливавшееся внимание к социально-экономической истории (истории хозяйства, по терминологии того времени) неминуемо должно было вызвать и действительно вызвало зарождение потребности в изучении основной производительной силы общества — народонаселения, определении его численности на различ-

¹ Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967, с. 103.

ных исторических этапах, расселения и т. д. Эта потребность, формировавшаяся в недрах исторической науки, соответствовала и потребности только что возникшей демографии в ретроспективном рассмотрении движения народонаселения.

Таким образом, взаимодействие этих двух наук зарождалось и развивалось на основе совпадения ряда решаемых ими задач. Вместе с тем оно, как и все развитие исторической и демографической наук, было обусловлено конкретными задачами действительности. Во второй половине XIX в. предпринимаются новые попытки определения численности мирового населения, публикуются расчеты К. Дитерици (1790—1859)¹, ряда других ученых, которые стремятся исчислить население земного шара, его отдельных регионов.

Именно с определения численности населения древнего мира, т. е. с решения научной задачи, унаследованной от XVIII в. и вместе с тем связанной с современными исчислениями населения, и началось становление исторической демографии. Можно назвать целый ряд ученых — французского статистика Моро де Жонэ (1856 г.), итальянца Д. Кастильони (1862 г.), немецкого историка К. Бюхера (1886 г.)² и других, которые рассматривали вопросы численности населения на различных этапах исторического развития.

Но наиболее последовательное рассмотрение этой проблемы провел в тот период немецкий ученый, профессор античной истории Римского университета К.-Ю. Белох (1854—1929). В 1886 г. в Лейпциге вышла его фундаментальная книга «Население греко-романского мира», занявшая видное место в историографии изучения истории народонаселения.

В предисловии к ней он писал: «История хозяйства как науки только возникает. Но ее, может быть, важнейшая отрасль, именно — историческое учение о населении вообще до сих пор еще не нашла научной трактовки. Пожалуй, имеются отдельные исследования, но никто еще не сделал попытки представить все собранные материалы на значительной территории и за значительный период времени на основе систематического собирания

и критического анализа»¹. Автор, таким образом, поставил задачу перейти от разрозненных характеристик к обобщенному во времени и пространстве показу истории населения, которую он считал частью истории хозяйства.

Книга К.-Ю. Белох навсегда разрушила представление о высокой (по сравнению с новым временем) численности населения древней Греции и Рима, а также показала несостоятельность мнения о неизменности численности населения в ходе исторического развития. В отличие от Д. Юма, который не оперировал цифровым материалом, К.-Ю. Белох провел тщательные расчеты. В результате их он определил численность населения Римской империи в начале нашей эры в 54 млн. человек, а также показал численный состав населения ее европейской, азиатской и африканской частей.

После этой книги К.-Ю. Белох в конце XIX — начале XX в. опубликовал ряд статей главным образом развивающих и уточняющих ее положения. Вместе с тем из под его пера вышли статьи о европейском населении периода средневековья и эпохи Возрождения. Напечатал он и теоретическую статью «Численность населения как фактор и критерий исторического развития» (1913 г.). Его двухтомная «История населения Италии» была опубликована (1939 г.) посмертно. Как бы оценивая сделанный К.-Ю. Белохом вклад в науку, его соотечественник Р. Кёчке в своей работе «История народного хозяйства в средние века» (1924 г.) писал: «Точная оценка населения в античную эпоху невозможна. Но, по крайней мере, приблизительно правильное представление статистического характера настолько важно, даже необходимо для суждения о тогдашнем положении (по сравнению со средними веками), что даже возможность больших ошибок при оценке допустимее, чем полный отказ от них»².

К.-Ю. Белох основывался в своих работах на количественных расчетах. Несколько иной подход проявился в обширной работе, посвященной истории населения Франции, три тома которой увидели свет в Париже в 1889—1892 гг.³ Организатором этого издания и состави-

¹ Beloch K.-J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886, S. V.

² Цит. по: Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе, с. 12.

³ La population française: Histoire de la population avant 1789 et démographie de la France, comparée à celle des autres nations au XIX siècle. Ed. E. Levasseur. P., t. I, 1889; t. II, 1891; t. III, 1892.

¹ См.: Дитерици К. Народонаселение земного шара по его количеству, племенным различиям и вероисповеданиям. СПб., 1876.
² Costanzo A. Op. cit., p. 221; Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе, с. 10, 15.

телем основных разделов был Э. Левассер, которого чаще всего и указывают как его автора. В этом издании приведен обширный историко-статистический материал, главным образом о населении Франции до 1789 г., т. е. до начала революции. Но изложение этим не ограничивается, а делаются попытки описать исторические данные, сделать из них выводы.

Однако на них сказалась противоречивость в подходе к истории народонаселения, свойственная буржуазной демографии. В третьем томе подчеркивается зависимость тенденций роста населения от социальных условий: «Внутри каждой нации каждая группа имеет свой «закон» народонаселения. Можно подчас обнаружить большие различия между кварталами Парижа, чем между нациями». И в этом же томе Э. Левассер, пытаясь разработать схему связи плотности населения и уровня экономического развития, по существу, детерминирует последний населенностью той или иной территории.

Критику искажения Э. Левассером взаимосвязи развития экономики и роста населения дал в свое время (1914 г.) М. Н. Покровский (1868—1932). Отметив, что позиция Э. Левассера отвечает классовым интересам европейской буржуазии, он писал: «Рост населения у него является естественным фактором, не зависящим от социальных условий: хочешь, не хочешь, — а размножайся! На этом стоит все экономическое развитие: перестанешь размножаться — исторический процесс остановится. Шутка сказать!»¹.

Эта оценка, данная историком-марксистом, имеет принципиальное значение. Еще у истоков изучения исторической демографии было показано, что это изучение имеет классовый характер, разрабатываемые в ходе его концепции соответствуют определенным социальным позициям их авторов, а в целом оно, как и все общественные науки, отражает в классово антагонистическом обществе в конечном итоге ход классовой борьбы.

Почти одновременно против взглядов, подобных тем, которые проповедовал Э. Левассер, выступил и Г. В. Плеханов, отмечавший, что «очень ошибаются те социологи и экономисты, которые в росте населения видят

коренную причину общественного развития»¹. Здесь Г. В. Плеханов имел в виду французского социолога А. Коста (1842—1901) с его демографическим детерминизмом².

Почти одновременно с работой А. Коста в 1899 г. вышла книга русского буржуазного историка и социолога М. М. Ковалевского (1851—1916) «Развитие народного хозяйства в Западной Европе». Автор ее не был последовательным сторонником демографического детерминизма. Но, освещая историю первобытного общества, он оказался, по существу, на его позициях в значительной мере потому, что рост населения он рассматривал фактически, как чисто механический процесс увеличения количества биологических особей.

Такой в основе своей биологический подход был свойствен и для ряда других русских буржуазных историков. Наиболее четко его изложил в «Очерках по истории русской культуры» П. Н. Милоков (1859—1943). «Население каждой страны, — утверждал он, — имеет склонность увеличиваться само собой, стихийно, автоматически... Такое автоматическое возрастание населения является главным толчком, заставляющим людей увеличивать количество труда, необходимого для поддержания жизни, и изменять его форму»³.

Анализ исследований, появившихся в России в рассматриваемое время, показывает, что хотя изучение истории народонаселения пока еще только зарождалось, но все же оно коснулось ряда проблем. Прежде всего надо отметить работы, посвященные истории учета населения, динамики его численности и основных характеристик по данным ряда ревизий⁴. Изучались пертурбаци-

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. III. М., 1957, с. 172.

² См.: Краев В. С. А. Кост как представитель демографической школы в буржуазной социологии. — В. кн.: Проблемы социологии народонаселения. Свердловск, 1973, вып. 1, с. 34—35.

³ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1904, с. 21.

⁴ См.: Ильинский А. К. Городское население Новгородской области в XVI в. — Журнал министерства народного просвещения, 1876, № 6; Чечулин Н. Д. Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. СПб., 1889; Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. М., 1902; Куркин П. И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883—1897 гг. М., 1902 (в этой книге опубликованы материалы А. В. Погожева о населении при Екатерине II); Ключков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. I. СПб., 1911.

¹ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. I, М., 1921, с. 25.

онные факторы, влияющие на рост населения¹. Интересные работы были выполнены по проблематике расселения населения². Наконец, отметим, что история народонаселения была затронута в ряде работ крупных дореволюционных историков³.

Возвращаясь к рассмотрению изучения истории народонаселения за рубежом, остановимся на одном переводном сборнике. В 1897 г. в Москве вышла книга «Народонаселение и учение о народонаселении», составленная из переводов статей, извлеченных из немецкого «Словаря общественно-политических наук» (так называемого словаря Конрада). Содержание книги многообразно, но в данном случае особый интерес представляют помещенные в ней исторические очерки. В них освещаются две темы: история народонаселения и история относящейся к нему политики.

Автор очерка истории народонаселения в древности Э. Мейер рассматривает вопрос об источниках, особо останавливаясь на определении численности населения по данным о взрослом мужском (обязанном нести военную службу) населении. Он дает характеристику римских цензов, в том числе и провинциальных. На основании всех этих данных в очерке характеризуется динамика численности населения древнего Востока, Греции и Рима (отдельно для империи и для города).

Очерк истории народонаселения Европы в средние века и в новое время (до конца XVIII в.) написал специалист в области статистики населения К. Инама-Штернегг (1843—1908). Отметив неудовлетворительность источников, он дает общий обзор состояния европейского населения в рассматриваемое в очерке время,

а затем переходит к его характеристике по странам Западной Европы. Очерки Э. Мейера и К. Инама-Штернегга представляют собой, очевидно, первую попытку систематического изложения истории народонаселения от рабовладельческого общества до XVIII в. включительно. Понятно, что они имеют серьезные методологические изъяны, да и сам уровень науки был таков, что авторы не могли даже поставить многие вопросы, ограничившись приблизительными оценками численности населения. Но тем не менее их очерки свидетельствуют о становлении изучения истории народонаселения.

Таким же примечательным явлением стали и очерки истории политики народонаселения. Их автор Л. Эльстер (1856—1925) уделил особое внимание популяционистской политике в древнем Риме, а также в ряде европейских стран в XVI—XVIII вв. В целом эти очерки как бы открыли самостоятельную большую тему историко-демографических исследований, сохраняющую актуальность и в наше время.

Небезынтересно, что примерно в то же время была сделана, очевидно, первая попытка теоретически обобщить основные вопросы начинающегося изучения истории народонаселения. В 1896 г. была опубликована статья З. Дашинска «Сюжет и методы исторической статистики населения» (*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 66, 1896). Впрочем, статья, по отзыву Т. Холлингсворта, была не глубокой, в ней «просто даны описания всех источников и простейших исчислений»¹.

Преобладающими в конце XIX и в первые десятилетия XX в. были исторические исследования динамики численности населения. В общем это закономерно. Прежде чем перейти к более углубленному изучению истории развития демографических процессов, надо было выработать представления о количественном выражении их на различных этапах движения общества. Современное понимание поступательного роста численности человечества, медленно, но неуклонно увеличивавшейся к XIX в., пришло не сразу, ему предшествовали различные концепции этого роста, соответствовавшие степени его изученности.

Так, в упомянутом выше очерке К. Инама-Штернегга трехвековой период XVI—XVIII вв. характеризовался как

¹ См.: Герценштейн Г. Военные жертвы людми. — Военно-санитарное дело, 1882, № 15—18; Дербек Ф. А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905; Дживелегов А. Голодовки в средние века. М., 1906.

² См.: Воейков А. И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1911; Вейнберг Б. П. Положение центра населенности России с 1613 по 1913 г. — Известия Русск. геогр. об-ва, 1915, т. II.

³ См.: Семевский В. Н. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. I—2. СПб., 1881—1902; Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты и до эпохи преобразований. СПб., 1890; Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; Смирнов П. П. Движение населения Московского государства. — В кн.: История России в очерках и статьях. Т. II. М., 6. г.

¹ Hollingsworth T. H. Op. cit., p. 56.

не принесший заметных изменений в численности населения. Характеризуя в этом аспекте положение в Европе в целом, автор очерка пишет о «продолжительном застое в развитии народонаселения»¹. Подобная точка зрения высказывалась и позже — антропогеографом Ф. Ратцелем (1912 г.), немецкими статистиками Г. Стракош-Гроссманом (1913 г.), Р. Кучинским (1936 г.) и др.

При этом период застоя расширялся на несколько столетий, а в представлении русского экономиста Ю. Г. Жуковского (1822—1907) он длился даже два тысячелетия. В его книге «Население и земледелие» (1909 г.) утверждалось: «...за целое тысячелетие население почти не увеличивалось, потому что увеличившись раз, оно уничтожалось последующими невзгодами. К началу XIX в. население Европы если увеличилось, то незначительно против того уровня, на котором оно находилось двадцать веков тому назад» (с. 24).

Такой же, противоречащей действительному ходу исторического развития была, как называет ее Б. Ц. Урланис², и концепция «волнообразной динамики населения». Наиболее полно она была сформулирована в середине 30-х годов XX в. немецким экономистом и статистиком В. Абелем. Согласно его представлениям в западноевропейской истории выделяются четыре периода. В первом из них (XI—XIII вв.) население утроилось, во втором (1350—1480 гг.) идет его убыль, в третьем (1480—1650 гг.) — рост и в четвертом (1650—1750 гг.) — снова убыль. Таким образом, историческая динамика населения имеет, по В. Абелю, циклический характер.

Наличие таких, подчас полярных, концепций требовало выработки определенных общих параметров, в пределах которых варьировала бы динамика численности населения. «Общие проблемы истории населения, — писал в 1930 г. американский историк А. Ушер, — не требуют особой точности в отношении абсолютной численности населения. Мы нуждаемся лишь в некотором знании уровня плотности населения на различной территории и в вековой тенденции роста населения в течение больших периодов времени»³. Именно выявление этой «вековой тенденции» в ее приблизительных численных выражении-

ях и составило основу работ по исторической динамике населения.

Определенную роль в этом сыграли расчеты У. Уилкокса и А. Карр-Саундерса, проведенные в 30-е годы. В 1931 г. первый из них опубликовал работу, в которой рассмотрел предшествующие оценки численности населения мира и континентов и привел свои оценки начиная с 1650 г.¹ Такую же работу провел А. Карр-Саундерс, рассчитав изменения численности населения в период с 1650 по 1933 г.² У. Уилкоккс в конце 30-х годов учел эти расчеты и уточнил свои данные³.

Эти оценки, приведенные по полувековым периодам применительно как к мировому населению в целом, так и к населению континентов и ряда стран, получили признание⁴. Выработка их свидетельствовала о развитии исследований народонаселения, особенно периода новой и новейшей истории, что вместе с тем оказывало влияние и на изучение «вековых тенденций» народонаселения более ранних исторических периодов.

В 30—40-е годы были выполнены конкретные исследования по каждому из этих периодов. В середине 30-х годов вышла книга польского ученого Л. Крживицкого (1859—1941), в которой на этнографическом материале рассматривались некоторые демографические явления в первобытном обществе⁵. Одновременно опубликовал работу по античной демографии французский исследователь Е. Кавиньяк. Тогда же появилось обширное сочинение о народонаселении XI—XV вв. другого французского ученого Г. Пиренна (1862—1938).

Позже фундаментальное исследование по средневековью осуществил американский историк Д. Рассел, который применил демографические методы при обработке документов английских архивов и подготовил моно-

¹ Willcox W. Increase in the population of the earth and of the continent since 1650. — In: International migrations, vol. 2. N. Y., 1932, p. 31—82.

² Carr-Saunders A. World population. Oxford, 1936.

³ Studies in American demography. W. Willcox ed. N. Y., 1940, p. 22—51.

⁴ Они используются до сих пор, в частности, в материалах ООН, где, как правило, дополняются расчетами американского демографа Д. Дюрана, опубликованными в 1967 г.

⁵ Krzywicki L. Primitive Society and its Vital Statistics. Warsaw, 1934. О нем см.: Малевиц С. А. Вопросы исторического материализма в трудах Л. Крживицкого. Минск, 1971.

¹ Народонаселение и учение о народонаселении, с. 18.

² См.: Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе, с. 351—352.

³ Там же, с. 13.

графию «Британское средневековое население» (1948 г.). Осуществлялось изучение и демографической истории нового времени (П. Момберт, Э. Кейзер, В. Биккель и др.). В известной мере работу над этим периодом обобщила книга М. Рейнара «История мирового населения с 1700 до 1948 г.», изданная в Париже в 1949 г.

В неразрывной связи со всем ходом изучения в конце XIX — первых десятилетиях XX в. истории народонаселения связано формирование гипотезы «демографической революции». Историко-демографические наблюдения над прошлым народонаселения западноевропейских стран постепенно стали подводить к выводу, что оно в своем историческом развитии проходит через ряд определенных стадий, характеризующихся изменениями в процессах рождаемости и смертности. Одним из первых это подметил А. Ландри, опубликовавший в 1909 г. исследование, в котором очертил три последовательно сменяющиеся основные стадии, или «режима», воспроизводства населения. Однако более или менее полное изложение этой гипотезы он дал только четверть века спустя в книге «Демографическая революция»¹.

В этой книге, а также позже в «Трактате о демографии»² он конкретизирует выдвинутую раньше гипотезу о трех последовательно сменяющихся «режимах» (примитивном, промежуточном и современном) воспроизводства населения. Примитивный режим, считает А. Ландри, присущ всем живым существам, кроме человека. Но в прошлом он был присущ и человеку, его следы могут быть найдены даже теперь. Этот режим, как полагает он, характеризуется неограничиваемой рождаемостью и очень высокой смертностью, которая регулирует численный рост населения. При промежуточном режиме экономические факторы воздействуют на рождаемость через брачность. Численный рост населения замедляется. Современный режим обусловлен, по А. Ландри, «демографической революцией». Экономические факторы более не играют той роли, которая им принадлежала на предшествующих этапах. В силу сознательного ограничения рождаемости ее коэффициенты снижаются, что, полагает А. Ландри, не будет происходить постоянно.

При всех изъянах и противоречивости схемы этих «режимов» следует отметить, что автор ее постоянно стремился связать свои построения с демографической историей¹, поэтому его гипотеза — органическая часть изучения этой истории, свидетельствующая об определенных достижениях, но вместе с тем и ограниченных возможностях буржуазной науки в раскрытии прошлого человечества.

В буржуазной литературе, когда речь заходит об изучении истории народонаселения в рассмотренный период, ограничиваются упоминанием нескольких фамилий. Чаще же всего его просто замалчивают, очевидно, не придавая ему значения. Даже краткий обзор осуществленных в это время историко-демографических работ показывает, что взаимодействие исторической и демографических наук постепенно нарастало и давало свои плоды. Скованное рамками буржуазного мировоззрения с его антинаучными концепциями исторического процесса и реакционными теориями народонаселения это взаимодействие тем не менее обеспечило разработку основной канвы демографической истории, создало определенные условия для перехода к более углубленному исследованию.

¹ Последующая разработка этой гипотезы также опиралась на исторический материал. В большей степени его использовал В. Блекер, обосновывая наличие пяти этапов демографической эволюции, в меньшей — У. Томпсон, разделяя страны мира на три группы в соответствии с их демографическими показателями. Привлекал этот материал и Ф. Нотштейн (Нотестайн), разработавший свою гипотезу «демографического перехода».

¹ Landry A. La Révolution démographique. P., 1934. Здесь (p. 169—192) перепечатана и его работа 1909 г.

² Landry A. Traité de démographie, p. 535—547.

Глава третья

РУБЕЖИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИИ

Две предшествующие главы представляют собой экскурс в предысторию и историю демографии, а также становления ее взаимодействия с исторической наукой. Остановимся на современных аспектах этих двух проблем, каждой из которых отводится специальная глава. Значение марксистско-ленинского переворота в изучении народонаселения, возникновение и развитие советской демографической науки, характеристика основных черт современной буржуазной демографии — таков круг вопросов данной главы, рассматривающей современную историю демографии.

Переворот в изучении народонаселения

В нашей литературе иногда встречается ошибочная оценка значения творчества основоположников марксизма-ленинизма для изучения народонаселения. Впервые она была сформулирована еще более полувека назад. «Даже Маркс, — писал в середине 20-х годов XX в. историк экономических учений С. А. Фалькнер, — который выдвигает известное положение, что каждому историческому способу производства соответствует свой закон народонаселения, не дает позитивной теории народонаселения, хотя бы для эпохи капитализма»¹ В наши дни близкую к этой точку зрения высказал Я. И. Рубин, утверждая, что К. Маркс и Ф. Энгельс (творчество В. И. Ленина при этом вообще не упоминается) рассматривали проб-

лематику народонаселения преимущественно в критическом плане (антимальтузианском), а «позитивный план» в то время «не был главным»¹.

Эти рассуждения отражают непонимание или недооценку двух принципиально важных моментов. Во-первых, разработка К. Марксом, Ф. Энгельсом, а затем В. И. Лениным наряду с диалектическим материализмом исторического материализма как органической части единой, цельной и стройной марксистско-ленинской философии позволила впервые в истории материалистически взглянуть на мир в целом — не только на природу, но и на общество, обеспечила подлинно научное их познание, в том числе и такого сложного явления, как народонаселение. Таким образом, марксистско-ленинское учение в целом, его органическая часть — исторический материализм в особенности — определили новый, подлинно научный этап изучения народонаселения и именно в его «позитивном плане».

Во-вторых, указанные авторы явно недооценивают важность, глубину и содержательность конкретных положений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по вопросам народонаселения, представляющих в совокупности цельную систему взглядов по данной проблематике. Такая недооценка в 20-е годы, когда в науке еще только шел процесс осмысления марксистско-ленинского учения, а некоторые работы (например, «Немецкая идеология», опубликованная в 1932—1933 гг.) были и неизвестны, может быть понята. Но, когда она встречается в современной литературе, она не может не вызвать критического отношения.

В известной мере такая позиция совпадает с представлениями, которые стремятся утвердить буржуазные историки изучения народонаселения. Они отнюдь не замалчивают разработку основоположниками марксизма-ленинизма вопросов народонаселения. Но чаще всего сводят ее только к критике мальтузианства и, как правило, лишь в связи с ней излагают отдельные положения К. Маркса, относящиеся к народонаселению. С конца XIX в. и до наших дней во всех обзорах концепций народонаселения его марксистско-ленинская теория излагается примерно в таком плане. Это не случайно и выз-

¹ Фалькнер С. А. Происхождение железного закона заработной платы. Социальные проблемы в экономической литературе XVII—XIX вв. М., 1925, с. 231.

¹ Рубин Я. И. Проблема народонаселения как объект идейно-политической борьбы, с. 231.

вано стремлением (сознательным или бессознательным) принизить и затушевать подлинное значение диалектико-материалистической разработки демографической проблематики.

Акцентирование внимания буржуазной наукой только на антимальтузианских положениях марксизма-ленинизма (к тому же нередко тенденциозно интерпретируемых), конечно, не означает, что в действительности она не испытывает воздействие революционного учения современности. В этой связи уместно вспомнить верное замечание Р. Люксембург, которая в свое время отметила, что вся немецкая официальная общественная наука последней четверти XIX в. представляла собой «преодоление Маркса» и «Маркс был тайной причиной всего ее существования»¹. «Роль социализма,— считают в наши дни французские демографы-историки М. Рейнар и А. Арменго,— была такой, что начиная с 1880-х гг. уже нельзя было не считаться с его позицией в вопросах населения и семьи»².

Марксистско-ленинское учение, и в особенности исторический материализм, система взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по вопросам народонаселения имеют определяющее методологическое значение для демографической науки в целом, а также для изучения ее истории и разработки историко-демографической проблематики. В данном случае мы можем остановиться лишь на краткой общей их характеристике.

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс разработали исторический материализм, представляющий собой единую составную часть диалектико-материалистического учения, взятого в целом. Будучи наукой об общих законах развития общества, исторический материализм вместе с тем является единственно правильным методом изучения всех общественных явлений, в том числе и народонаселения. Изучение последнего началось еще до возникновения исторического материализма, а демографическая наука сформировалась на основе буржуазного мировоззрения, которое и сейчас в капиталистических странах является господствующим в демографических исследованиях (включая и историко-демографические). Это

домарксистское и внемарксистское изучение народонаселения достигло известной степени развития, однако накопленный в ходе его обширный демографический материал не был и не может быть последовательно, научно, материалистически осмыслен.

«Домарксовская» «социология» и историография, — отмечал В. И. Ленин, — в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»¹. Эта оценка в полном объеме относится и к домарксистскому изучению народонаселения, не исключая и современную буржуазную демографию. Вместе с тем она показывает значение переворота, произведенного диалектико-материалистическим подходом к изучению общества и его важнейшей подсистемы — народонаселения.

Такой переворот имел глубокие не только общественно-экономические, но и идейно-теоретические предпосылки. Раскрывая их, В. И. Ленин писал, что марксистская теория представляет «...*высшее развитие* всей исторической и экономической, и философской науки Европы»². Отбросив идеалистические взгляды и распространив материализм на понимание общественных явлений, К. Маркс и Ф. Энгельс впервые создали науку об обществе, открыли законы его движения и развития, что стало определяющим и в научном изучении народонаселения как основной предпосылки и условия существования общества.

«Углубляя и развивая философский материализм, — писал В. И. Ленин, — Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий...»³. Здесь В. И. Ленин указал на «краеугольный камень» исторического материализма — учение об общественно-экономических формациях, выражающих закономерный,

¹ Цит. по: Историография нового времени стран Европы и Америки, с. 205.

² Reinhard M., Armengaud A. Op. cit., p. 236.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

² Там же, т. 25, с. 49.

³ Там же, т. 23, с. 44.

естественноисторический процесс развития человечества.

Хотя демографические процессы обладают известной инерционностью и даже относительной самостоятельностью в своем развитии, учение об общественно-экономических формациях имеет для их анализа основополагающее значение. Их социально-экономическая детерминированность в конечном итоге определяет и зависимость от развития общественного производства, связь с надстройкой, а также со многими общественными явлениями. Раскрытие единства и целостности, взаимосвязи и взаимозависимости всех компонентов общественного развития является одним из решающих факторов научного изучения демографических процессов.

Методологической основой этого изучения является исторический материализм, который выступает по отношению к демографической науке, как и другим общественным наукам, в качестве методологии общественного познания. Все его основные принципы и категории выполняют методологическую роль, а сам он конкретизирует применительно к изучению тех или иных явлений, включая демографические, диалектико-материалистический метод как наиболее общий философский подход, позволяющий последовательно научно изучать общественную жизнь в ее динамике.

Познание общественной жизни подчиняется общим законам познания (оно движется от явления к сущности, от относительной истины к абсолютной, его основой являются потребности материальной практики общественного человека и т. п.), но вместе с тем имеет и свои особенности. Поскольку общественные закономерности проявляются в деятельности людей, это обязывает учитывать роль сознания, субъективного фактора. К числу особенностей общественногнания относятся также исторический характер предмета исследования, сложность общественной жизни, огромное число взаимодействующих факторов. Последнее обстоятельство затрудняет для большинства общественных наук применение количественных методов.

Что касается изучения народонаселения, то возможность выделения демографических совокупностей, группировки массовых демографических явлений, напротив, создали условия для широкого использования статистики, методики которой применяются здесь в таком объеме, который не знают другие отрасли общественногнания,

Вместе с тем в демографии, как и во всем общественногнании, проявляется такая важная его особенность, как почти полное отсутствие условий для проведения эксперимента, в силу чего она может опираться только на исторические факты и сознательное применение научной методологии. Отсутствие других вспомогательных средств исследования должна, по выражению К. Маркса, заменить «сила абстракции».

Исторический материализм как научная методология проникнут принципом историзма. В отличие от буржуазных трактовок историзма, сводящих его к плоскому эволюционизму, марксизм-ленинизм рассматривает его в качестве принципа научного мышления, который раскрывает все явления как диалектически развивающиеся на основе определенных объективных закономерностей. «Весь дух марксизма,— указывал В. И. Ленин,— вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹.

Это указание прямо относится и к изучению народонаселения. Становясь рядом с другими марксистско-ленинскими общественными науками, демография неминуемо превращается в историческую науку не только в том смысле, что она опирается на историко-демографический материал (изучение исторической демографии ведет со своих позиций и буржуазная наука), а главным образом в силу внедрения во все ее исследования научного принципа историзма в его диалектико-материалистическом понимании.

Применение методологии исторического материализма превращает демографическую науку не только в историческую, но и в партийную науку. Буржуазная демография всячески затушевывает свою прямую зависимость от капиталистического общества, определенных классовых интересов. В. И. Ленин указывал: «...«беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе»². Исторический материализм обеспечивает развитие общественных наук по пути объективного познания социальных закономерностей, что отвечает потребностям борьбы за ликвидацию капи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.

² Там же, т. 23, с. 40.

тализма и построение социализма, интересы которого он открыто выражает.

Акцентируя внимание на значении разработки исторического материализма для становления подлинно научного изучения народонаселения, нужно вместе с тем отметить, что в последние годы значительно расширились представления и о роли в этом марксистско-ленинской политической экономии, которая также дает основы исследования народонаселения. К. Маркс в «Капитале» писал: «Если рассматривать рабочее время не как рабочий день отдельного рабочего, а как неопределенный рабочий день неопределенного числа рабочих, то сюда приходят все *отношения народонаселения*, и поэтому основы учения о народонаселении точно так же содержатся... в первой главе о капитале, как и основы учения о прибыли, цене, кредите и т. д.»¹.

Опираясь на политическую экономию, исходя из положений исторического материализма, марксистско-ленинская теория народонаселения создает методологическую основу для научного анализа влияния производительных сил и производственных отношений на условия жизни, труда и воспроизводства населения на различных ступенях его исторического развития².

Переходя к рассмотрению ряда конкретных положений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, относящихся к народонаселению, следует подчеркнуть, что эти положения пронизывает единый подход, суть которого выразил К. Маркс, указав, что население «есть основа и субъект всего общественного процесса производства»³.

Не случайно поэтому, что те или иные высказывания о народонаселении проходят через творчество К. Маркса и Ф. Энгельса. Примечательно, что книга, с которой К. Маркс и Ф. Энгельс начали совместную литературную деятельность — «Немецкая идеология», едва ли не от-

крывается с характеристики значения населения в истории: «Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе»¹.

Примечательно и то, что в одной из последних работ, написанной уже одним Ф. Энгельсом по завещанию К. Маркса — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.), уже в предисловии ставился вопрос о роли народонаселения в истории: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»².

Между написанием этих двух трудов временной интервал составляет почти четыре десятилетия. Но нельзя не обратить внимание на определенную преемственность их в подходе к пониманию значения в развитии исторического процесса воспроизводства непосредственной жизни. В «Немецкой идеологии» выделяются три факта, или отношения, исторического процесса. Первый из них — основной — производство материальной жизни; второй — потребление. «Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться...»³.

Таким образом, «производство людей» рассматривается здесь как один из компонентов исторического процесса, что подтверждается и последующим развитием мысли: «...эти три стороны социальной деятельности следует рассматривать не как три различные ступени, а именно лишь как три стороны, или... как три «момента», которые совместно существовали с самого начала исто-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 32.

² См.: Зверева Н. В. (при участии Д. И. Валентя). Классики марксизма-ленинизма о закономерностях развития народонаселения. — В кн.: Система знаний о народонаселении. См. также: Раков А. А. Некоторые фрагменты учения К. Маркса о народонаселении и о законах его развития в капиталистической и коммунистической формациях. — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Минск, 1976, вып. VII.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 726.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.

² Там же, т. 21, с. 25—26.

³ Там же, т. 3, с. 27.

рии, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории еще и теперь... Производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется сразу в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели»¹.

Представляется, что здесь в первоначальном виде высказана мысль, которую Ф. Энгельс через четыре десятилетия, опираясь на уже разработанную диалектико-материалистическую теорию, возросшую фактическую базу, четко сформулировал в приведенном отрывке из «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Такое сопоставление подтверждает, что основоположники научного коммунизма последовательно занимались проблематикой народонаселения, а приведенное положение Ф. Энгельса своими истоками уходит к первым изложениям теории исторического материализма.

В цитированном отрывке из «Немецкой идеологии» указывается, что «производство людей» выступает в качестве естественного отношения. Это не значит, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали указанный процесс как естественно-биологический. В данной работе, а также в ряде других они показали его социальную обусловленность, что имеет принципиальное значение для их позиции в этом вопросе.

«Правые» и «левые» критики марксизма, с одной стороны, утверждают, что он якобы отрывает общество от природы, а с другой — приписывают ему отождествление процессов размножения в человеческом обществе с животным и растительным миром. В действительности К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали историю как единство природы и общества, так как природа обуславливает возникновение и всю жизнь человеческого общества, которое в свою очередь воздействует на природу. Они писали: «...до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»². Но это не значит, что законы природы, в частности биологическое размножение, могут переноситься на человеческое общество.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 28.

² Там же, с. 16.

К. Маркс, Ф. Энгельс, а затем и В. И. Ленин показали принципиальное отличие воспроизводства населения от размножения животных и растительных организмов. В первом томе «Капитала» К. Маркс указывал, что абстрактный закон размножения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек. В статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельс, отмечая, что животные в лучшем случае накапливают необходимое для их существования, а люди, в отличие от них, производят, подчеркивал, что из-за одного этого основного отличия невозможно просто перенести законы животного мира на человеческое общество¹.

В. И. Ленин особо обратил внимание на то, что нельзя рассматривать воспроизводство населения как единую для растений, животных и человека тенденцию. «Маркс,— писал он,— противопоставляет... человека — растениям и животным на том основании, что первый живет в различных, исторически сменяющихся, социальных организациях, определяемых системой общественного производства»².

Вопреки биологическому направлению в буржуазных теориях народонаселения³, Мальтузианству и неомальтузианству основоположники марксизма-ленинизма раскрыли сложную социально-биологическую природу народонаселения, в котором социальное выступает как решающий детерминант его сущности. «Индивид,— отмечал К. Маркс,— есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни,— является проявлением и утверждением общественной жизни»⁴. Марксизм-ленинизм разработал важнейшее исходное методологическое положение, состоящее в том, что народонаселение суть социальное явление, подчиняющееся законам общественного развития.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 622.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 476.

³ См.: Коростелев Г. М., Пономарев Д. И. К социально-биологической проблеме в демографии.— В кн.: Проблемы социологии народонаселения. Свердловск, 1974, вып. 2.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 590.

Сущность народонаселения может быть правильно охарактеризована и раскрыта только в контексте такого развития. Если рассматривать понятие «народонаселение» безотносительно к последнему, то оно будет такой же абстракцией, как, скажем, понятие «производство» вообще. «Население — это абстракция, — отмечал К. Маркс, — если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся...»¹.

Движение от абстрактного к конкретному, от явления к сущности народонаселения раскрывает многообразие его социально-экономических, политических, национальных, религиозных, семейных и других связей, возникающих в ходе общественного развития. Если после такого анализа «пуститься в обратный путь», то он приведет «снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений»².

Раскрытие этой совокупности получило прочную основу в учении марксизма-ленинизма о законах общественного развития и прежде всего о законах движения общественного производства. Люди, способные к целесообразной трудовой деятельности, есть основная производительная сила общества, одухотворяющая другие элементы производства. При данном уровне производительных сил трудоспособное население является важным фактором, во многом обуславливающим размеры общественного богатства, возможности дальнейшего экономического развития. Взаимоотношения между развивающимся производством и ростом населения весьма сложны³. Тем не менее численность населения влияет на темпы развития общества, замедляя или ускоряя их. Однако те или иные ее изменения, а также плотность населения не определяют, как показали основоположники

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 36—37.

² Там же, с. 37. Отметим, что Н. В. Зверева и В. М. Медков справедливо, по нашему мнению, считают это положение К. Маркса «исходным в методологическом анализе понятия «народонаселение» (Зверева Н. В., Медков В. М. К определению центрального понятия системы знаний о народонаселении. — В кн.: Социально-экономические особенности воспроизводства населения в условиях развитого социализма. Киев, 1976, вып. 1).

³ См.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Курс исторического материализма. М., 1969, с. 88.

марксизма-ленинизма, характер общественного строя, тем более не являются решающей силой общественного развития.

Именно последнее определяет закономерности движения народонаселения. К. Маркс указывал: «...всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения»¹. Это же позже подчеркнул В. И. Ленин: «Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства»². Эти положения четко указывают направление разработки законов народонаселения, их тесную связь с экономическими законами общественно-исторических формаций.

Приведенные положения, а также ряд других указаний основоположников марксизма-ленинизма являются исходными в изучении экономических законов народонаселения классово-антагонистических формаций. «При различных общественных способах производства, — писал К. Маркс, — существуют различные законы роста населения и перенаселения; последнее тождественно с пауперизмом. Эти различные законы следует просто свести к различным видам отношения к условиям производства или, что касается живого индивида, к условиям его воспроизводства как члена общества, ибо он работает и присваивает только в обществе. Разложение этих отношений, поскольку это касается индивида или части населения, ставит их вне воспроизводящих условий этого определенного базиса, поэтому превращает их в избыточное население...»³.

Разрабатывая революционное учение, классики марксизма-ленинизма особое внимание уделяли трудящемуся населению капиталистического общества. В. И. Ленин отмечал в этой связи, что марксистская теория требует, «...чтобы «рабочий вопрос» — так как таковой существует лишь в капиталистическом обществе — решался не на основании «общих изысканий» о размножении чело-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 646.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 476.

³ Из рукописного наследия К. Маркса. — Коммунист, 1958, № 7, с. 20.

века, а на основании особенных изысканий о законах капиталистических отношений»¹. Именно в ходе всестороннего и глубокого анализа капитализма К. Маркс открыл экономический закон народонаселения этой формации как закон относительного перенаселения.

Он показал, что последнее вызывается к жизни самим капиталистическим способом производства. «При таких обстоятельствах,— писал К. Маркс,— абсолютное возрастание этой части пролетариата должно происходить в такой форме, при которой, несмотря на быстрое изнашивание ее элементов, численность ее увеличивается. Таким образом, требуется быстрая смена поколений рабочих. (Этот закон не имеет силы в отношении остальных классов населения). Эта общественная потребность удовлетворяется ранними браками,— необходимым следствием условий, в которых живут рабочие крупной промышленности,— и той премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация»².

Формирование диалектико-материалистического мировоззрения, возникновение марксизма-ленинизма знаменовало переворот в общественном сознании. Такой переворот начался и в изучении народонаселения, которое впервые получило подлинно научную основу как в разработанной К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным методологии исторического материализма, так и в их системе взглядов по проблемам народонаселения. Возникновение и развитие марксистско-ленинского направления в изучении народонаселения происходило в условиях господства буржуазной идеологии. Но буржуазная наука не смогла не только игнорировать его, но и противостоять его воздействию.

Марксизм-ленинизм последовательно и до конца разоблачил сущность мальтузианства и всех его вариаций и уже в конце XIX — начале XX в., что убедительно показано на материалах России в книге А. Т. Казакова и Б. Ц. Урланиса³, повел активную разработку проблематики народонаселения. После победы Великого Октября марксизм-ленинизм стал господствующим мировоззрением в советской науке, в том числе и в советской демографии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 477.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 656—657.

³ См.: Казаков А. Т., Урланис Б. Ц. Проблемы народонаселения в русской марксистской мысли. М., 1975.

Формирование советской демографии

Изучение истории советской демографии привлекает внимание ученых. За последние 10—15 лет по этой тематике появился ряд работ¹, однако они либо повествовательно характеризуют историю советской демографии в целом (чаще всего к юбилейным датам), либо раскрывают лишь отдельные темы. В силу этого приходится констатировать, что изучение данной проблемы пока не вышло еще из первоначальной стадии, и если исследование истории демографии, как ранее уже было подчеркнуто, выдвинулось в число первоочередных задач, то особенно это относится к истории советской демографии, всестороннее систематическое рассмотрение которой является одной из самых насущных современных потребностей развития науки. Понятно, что осуществить это можно только коллективными усилиями. Поэтому в данном случае будут рассмотрены только самые основные вехи истории советской демографической науки и очерчены в целом периоды ее развития.

Каковы эти периоды? М. В. Птуха историю советской «статистической мысли» (а к ней он относил и демографию) разделял на три «эпохи»: 1) до 1930 г., 2) с 1930 до 1948 г. и 3) с 1949 г.² Нетрудно заметить, что грани «эпох» ученый определил в соответствии с реорганизацией органов государственной статистики: в 1930—1931 гг. ЦСУ СССР было преобразовано в ЦУНХУ (Центральное управление народнохозяйственного учета) Госплана СССР, а в августе 1948 г. восстановлено как самостоятельный орган при Совете Министров СССР.

Конечно, это — важные рубежи в истории советского статистического ведомства, по-своему отразившие те или иные взгляды на статистику, в том числе и на

¹ См., например: Слесарев Г. А., Урланис Б. Ц. Из истории советской демографии и социальной гигиены. — В кн.: Быт, время, демография. Ч. 3. М., 1968; История советской государственной статистики. М., 1969; Урланис Б. Ц. Советская демографическая наука за 50 лет. — В кн.: К 50-летию советской статистики. М., 1969; Советская статистика за полвека (1917—1967 гг.). М., 1972; Киселева Г. П. Развитие исследования проблем народонаселения СССР. — В кн.: Основы теории народонаселения. М., 1973; Прошлое и настоящее демографии (Народонаселение; Вып. 32).

² См.: Птуха М. В. Очерки по статистике населения, с. 12.

статистику населения. Но можно ли по этим рубежам определять развитие науки? Не говоря о том, что называть точные хронологические рамки ее периодов практически невозможно, сам принцип «историко-ведомственного» подхода не отражает процессы, определявшие движение науки.

В этом смысле намного предпочтительнее периодизация истории изучения народонаселения в нашей стране после 1917 г., выдвинутая Я. И. Рубиным¹. Как и М. В. Птуха, он тоже выделяет три периода. Но их хронологические рамки — иные, а главное, в основу такого выделения он кладет «историю марксистской трактовки проблемы народонаселения». В соответствии с этим Я. И. Рубин выделяет первый период до середины 30-х годов, второй период — с середины 30-х годов до начала 60-х годов и с начала 60-х годов — третий, современный период.

В принципе такая периодизация с некоторыми уточнениями представляется отвечающей объективному ходу истории изучения народонаселения в СССР. К сожалению, в обосновании ее Я. И. Рубин остановился на полпути. Он, по существу, сводит всю историю науки о народонаселении к идейной борьбе только вокруг одной проблемы — соотношение социального и биологического в демографических процессах.

Как ни важна названная проблема, развитие науки ею не исчерпывается. Поэтому следует подчеркнуть, что история изучения народонаселения в СССР в своих основных периодах представляет собой историю утверждения марксистско-ленинской методологии в данной области знаний и последующего развития ее на этой основе.

Непонимание этого ведет к искажению истории науки. В середине 50-х годов М. В. Птуха писал: «Россия начала строить социализм с тремя направлениями статистической мысли», имея в виду направления в русской буржуазной статистике². Но в том-то и дело, что с любым из этих «направлений» создать советскую науку было невозможно.

¹ См.: Рубин Я. И. Проблема народонаселения как объект идейно-политической борьбы, с. 231—246.

² См.: Птуха М. В. Очерки по статистике населения, с. 11.

Накануне 1917 г. изучение народонаселения испытывало кризис, который являлся частью общего кризиса в науке, особенно буржуазного обществензнания, в котором в сложных преломлениях отражался глубокий и всесторонний социально-экономический и политический кризис, переживавшийся страной в предреволюционные годы. Представители буржуазной науки оказались неспособными до конца осмыслить изучение народонаселения как самостоятельной области научных знаний.

Критически рассматривая состояние статистики, которая, по его мнению, была не наукой, а методом, А. А. Кауфман, за несколько лет до революции писал, что статистика населения уже пережила рамки статистики и ее «явления, несомненно, войдут в область особой науки о населении, как отрасли социологии»¹. Представители другого «направления» продолжали стоять на позициях, сформировавшихся еще в пореформенный период. Правда, теперь чаще употреблялся термин «демография» и писалось даже о ее относительной самостоятельности в пределах статистики. Еще об одном из упомянутых М. В. Птухой «направлений» вряд ли стоит и говорить — оно было анахронизмом даже в буржуазно-помещичьей России, так как являлось по сути рецидивом государственоведения².

В этих условиях первоочередной стала задача тщательно учесть и использовать все положительное, чего достигла наука, добиться внедрения в нее марксистско-ленинской методологии и именно на ее основе обеспечить коренную перестройку научных исследований, поставить их на службу социализму. Для советской демографии это был очень сложный процесс, занявший долгие годы. Первый период его длился примерно два десятилетия после победы Октября, в течение которых произошло коренное преобразование советской науки в целом и марксистско-ленинское мировоззрение стало в ней господствующим.

Переходя к рассмотрению этого периода, нужно кратко охарактеризовать демографическую ситуацию в

¹ Кауфман А. А. Статистика. — Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, ч. 4, с. 414.

² См.: Штер Г. К. Краткий курс статистики. Казань, 1898, вып. 1.

стране в начале XX в. и особенно в 20—30-е годы, когда шло становление советской демографии. По подсчетам А. Г. Рашина в период с 1861 по 1913 г., который был отведен историей российскому капитализму, в среднем на 1000 человек населения 50 губерний Европейской России приходилось 48,9 рождений, 34,0 смертей, а естественный прирост населения составлял 14,9¹. Но это — средние показатели, к тому же за полудекададный отрезок времени. Если рассмотреть их детальнее, то окажется, что рождаемость, бывшая довольно высокой во второй половине XIX в. — до 50,5‰, в начале XX в. стала обнаруживать тенденцию к заметному снижению (в 1911—1913 гг. — 43,9‰). Значительная к началу XX в. смертность — до 36—37‰, затем также стала снижаться, и в 1911—1913 гг. ее показатель составил 27,1‰².

Однако эта тенденция проявилась, главным образом, в городах и промышленных районах Европейской России и в значительно меньшей степени — в сельских местностях, где рождаемость и смертность (особенно детская) находились по-прежнему на высоких уровнях. В целом в начале XX в. в Европейской России воспроизводство населения было расширенным, вместе с тем начинал складываться тот его тип, который был характерен для европейских стран, переживших промышленный переворот и идущих по пути капитализма.

Иной была ситуация в Средней Азии, Казахстане и Закавказье, особенно в Азербайджане. Здесь рождаемость, в первую очередь у коренного населения, находилась на очень высоком уровне. Из-за полного отсутствия медицинской помощи смертность также была на высоком уровне.

Такова в общих чертах демографическая ситуация в России к началу первой мировой войны. Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции население страны (без Финляндии, Бухарского эмирата и Хивинского ханства) насчитывало 153,6 млн. человек³. Демографическая ситуация обострилась в резуль-

тате нападения на Советскую страну международного империализма и развязанной им гражданской войны. Общие людские потери, понесенные страной во время мировой и гражданской войн, интервенции (1914—1920 гг.) превысили 20 млн. человек¹.

В неимоверно трудных условиях Советская власть с первых дней своего утверждения развернула упорную и последовательную борьбу за улучшение здоровья советских людей, против эпидемий и голода. Как свидетельствуют данные А. Я. Боярского, коэффициент смертности в современной европейской части СССР (без Северного Кавказа и Урала), достигнув самого высокого уровня в 1919 г. — 46,7‰, уже в первом мирном году (1921 г.) снизился до 29,7, а в 1923 г. составил 25,5‰².

В первые годы после окончания гражданской войны и разгрома интервентов происходил послевоенный компенсационный рост рождаемости, однако довоенного уровня (1913 г. — 45,5‰) она не достигла, максимальный ее показатель в 1925 г. составил 44,7‰. Этот показатель оказался наиболее высоким вплоть до наших дней. Продержавшись на близком уровне до 1928 г. (43,3‰), он затем стал неуклонно снижаться. Такое снижение (а тенденция к нему, как сказано выше, наметилась еще у городского населения дореволюционной Европейской России), обусловленное рядом причин, продолжалось и в последующем. В 1937 г. коэффициент рождаемости составлял 38,7, в 1939 г. — 36,5‰.

Что касается смертности, то снижение ее показателя, уже отмеченное для 1921—1923 гг., продолжалось: в 1926 г. коэффициент смертности составил 20,3‰. Р. М. Дмитриева и Е. М. Андреев так оценивают снижение смертности в 20-е годы: «Сопоставляя данные о смертности в СССР с данными о смертности по ряду зарубежных стран, анализируя форму кривой повозрастной смертности, можно предположить, что снижение смертности произошло за счет экзогенных причин смертности, прежде всего инфекционных заболеваний, а также материнской и младенческой смертности...

¹ См.: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, с. 153.

² Там же, с. 154.

³ См.: Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 г. — Вопросы истории, 1980, № 6, с. 46.

¹ См.: История СССР. Эпоха социализма. М., 1974, с. 171.

² См.: Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915—1923 гг. — Учен. записки МЭСИ, 1948, т. I, с. 66.

Первые послереволюционные таблицы смертности 1926—1927 гг. ... показали, что в стране наметились быстрые темпы снижения смертности»¹. К исходу 30-х годов коэффициент смертности был равен 17,3‰.

Если говорить обобщенно, то демографическая ситуация за период с 1917 по 30-е годы не была единообразной и, по крайней мере, трижды существенно менялась; она была одной в 1917—1920 гг., другой — в период восстановления народного хозяйства и, наконец, имела свои черты в годы его коренной социалистической реконструкции. К этому следует добавить, что на протяжении всего рассматриваемого времени шла интенсивная миграция населения, сначала связанная с войной, затем с аграрными переселениями, позже — с индустриализацией страны.

Таков был «фон», на котором происходило становление советской демографической науки. Необходимо особо подчеркнуть, что его, так сказать, знаменателем, а также решающим фактором этого становления было создание первого в мире социалистического общества, означавшее коренные изменения в развитии народонаселения России.

Впервые в истории человечества трудящиеся стали владельцами орудий и средств производства, были ликвидированы все формы эксплуатации. Вскоре после победы Октября В. И. Ленин с особой силой раскрыл роль трудящихся масс как первой производительной силы всего человечества². Основатель и вождь Советского государства был не только корифеем науки, но и стоял у истоков формировавшейся советской науки, его деятельность создала условия для развития всех ее отраслей, в том числе и для изучения народонаселения.

В деле становления изучения населения огромное значение имела организация советского государственного учета населения, его переписей. Еще в декабре 1917 г. СНК и ВЦИК приняли декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Пос-

ле отделения церкви от государства в январе 1918 г. были созданы загсы, что имело важное значение для учета естественного движения населения.

По инициативе В. И. Ленина в 1918 г. образовалась единая государственная система статистических органов¹. В июле 1918 г. он подписал утвержденное СНК РСФСР «Положение о государственной статистике»², в сентябре было принято «Положение об организации местных статистических учреждений». Советская государственная статистика получила, таким образом, законченную организацию. В составе ЦСУ был образован отдел демографической статистики, который в 1926 г. при реорганизации ЦСУ РСФСР в ЦСУ СССР был преобразован в сектор социальной и демографической статистики³.

Уже в 1918 г. была проведена профессиональная перепись⁴, а два года спустя VII Всероссийский съезд Советов принял решение о всеобщей переписи населения, которая проводилась в августе 1920 г. одновременно с сельскохозяйственной переписью. «Жнец — серпом, рабочий — молотом, статистика — цифрами борется с хозяйственной разрухой», — говорилось в плакате, распространявшемся в связи с переписями. В. И. Ленин придавал им большое значение. Он писал: «Для социалистического строительства Советской республики данные переписей будут иметь первостепенное и руководящее значение»⁵. Так высоко оценил В. И. Ленин получение данных о населении. Хотя из-за военных условий перепись не охватила примерно 28% населения страны, она сыграла свою важную роль в получении нужных для народного хозяйства материалов.

В 1923 г. была проведена единственная советская

¹ См.: *Рябушкин Т. В.* В. И. Ленин и статистическая наука. — В кн.: *Очерки по истории статистики СССР*. Сб. 1. М., 1955; *Шульгин В. И.* В. И. Ленин о создании статистических органов в СССР. — *Вестник статистики*, 1955, № 1; *Попов П. И.* Встреча с Лениным. — В кн.: *Воспоминания о В. И. Ленине*. Т. 3. М., 1969.

² *Вестник статистики*, 1919, № 1, с. 1—4.

³ См.: *Михайловский В. Г.* Организация статистики в СССР. — *Энциклопедический словарь Гранат*, т. 41, ч. 4, с. 488.

⁴ См.: *Дробизhev В. З., Соколов А. К., Устинов В. А.* Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 339.

¹ *Дмитриева Р. М., Андреев Е. М.* Снижение смертности в СССР за годы Советской власти. — В кн.: *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР*, с. 32—34.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 359.

городская перепись населения. В декабре 1926 г. прошла первая Всесоюзная перепись населения, которая впервые охватила все население страны. «Переписью большого стиля», — назвал ее один из организаторов О. А. Квиткин (1874—1939)¹. Действительно, она оставила значительный след в истории советской демографии.

Ее тщательно обработанные данные были опубликованы в 56 томах. На ее материалах был выполнен ряд содержательных исследований, среди которых особенно выделяется монография А. И. Гозулова². Материалы переписи легли в основу перспективных расчетов населения (М. В. Птухи, Ю. А. Корчака-Чепурковского, В. В. Паевского и С. А. Новосельского, Б. Н. Бабынина)³.

Данные переписи населения, состоявшейся в январе 1937 г., были признаны дефектными. Потребовалась новая перепись, которая была проведена в январе 1939 г. Ее материалы, опубликованные 2 июля 1939 г. в «Правде», отразили величественные достижения победившего социализма, полную ликвидацию эксплуататорских классов, рост рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции. Общая численность населения по переписи составила 170,6 млн. человек.

Одновременно с развитием советских переписей населения была налажена государственная система его текущего учета. Успехи в области советской государственной демографической статистики были налицо уже в 20-е годы. В значительной степени они были обеспечены правильной политикой Коммунистической партии, направленной на привлечение на сторону Советской власти старых кадров и одновременную подготовку на базе марксистско-ленинского мировоззрения новых специалистов.

Еще в конце 1918 г. В. И. Ленин писал: «... Советская республика создала статистическое учреждение

и привлекла все лучшие статистические силы России...»¹. Эта высокая ленинская оценка была подтверждена не только самоотверженной работой, но и подлинным героизмом. В истории советской демографии навсегда должен быть запечатлен тот героический факт, что во время переписи 1920 г. 30 человек, принимавших участие в ее проведении, погибли от рук врагов Советской власти².

Ленинская политика, в отношении специалистов обеспечила привлечение на сторону Советской власти ряда ученых, занимавшихся изучением народонаселения. Многие из них так или иначе приняли активное участие в создании советской демографической науки. В разных ее областях деятельно работали О. А. Квиткин, П. И. Куркин (1858—1934), Ф. Д. Маркузон (1884—1957), В. Г. Михайловский (1871—1926), С. А. Новосельский (1872—1953), П. И. Попов (1872—1950), М. В. Птуха, В. В. Степанов (1868—1950), С. Г. Струмилин (1877—1974), С. А. Томилин (1877—1952), А. П. Хоменко (1891—1939) и др. Это были крупные ученые, ставшие активными участниками социалистического строительства. Конечно, не все из них сумели до конца преодолеть власть представлений и традиций дореволюционной школы и перейти в науку полностью на позиции марксизма-ленинизма. Но они искренне стремились к этому. И хотя в ретроспективе развития советской демографии отчетливо видно как сложен был процесс ее становления, в целом их деятельность заслуживает глубокого уважения.

К этой плеяде примыкает еще одна группа советских демографов, пришедших в науку в начале 20-х годов, — Г. А. Баткис (1895—1960), Л. С. Каминский (1889—1962), Ю. А. Корчак-Чепурковский, А. М. Мерков (1899—1971), В. В. Паевский (1893—1934), Б. Я. Смулевич, Я. С. Улицкий (1893—1956).

Когда они начинали научную деятельность, уже развертывалась подготовка новых кадров. В 1921 г. на факультете общественных наук МГУ было создано статистическое отделение, в котором обучались будущие

¹ См.: Пирожков С. И. Жизнь и творческая деятельность О. А. Квиткина. — Демографические тетради. Киев, 1974, вып. 9, с. 214.

² См.: Гозулов А. И. Морфология населения. Ростов-на-Дону, 1929.

³ См.: Павлов Г. А. Советские переписи населения. — В кн.: Советская статистика за полвека (1917—1967), с. 23.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 329.

² См.: Выступление управляющего ЦСУ РСФСР П. И. Попова: Первый Всеукраинский статистический съезд 13—16 ноября 1925 г. Стенографический отчет. Харьков, 1925, с. 10.

крупные ученые-демографы — А. Я. Боярский, В. Н. Старовский (1905—1975), Я. Б. Кваша (1903—1976), Б. Ц. Урланис, И. Ю. Писарев (1894—1972) и др.¹ В 1924 г. такое же отделение возникло в МИНХ им. Г. В. Плеханова.

В 1932 г. с принятием решения о расширении статистического образования были созданы Московский институт народнохозяйственного учета, позже переименованный в экономико-статистический институт (МЭСИ), Воронежский статистический институт (1932—1941 гг.), факультеты в ряде вузов Украины, Белоруссии, Сибири и Средней Азии. Хотя некоторые из этих вузов, особенно МЭСИ, сыграли впоследствии определенную роль в подготовке кадров по демографии, отсутствие специальной подготовки по этой дисциплине не могло не сказаться на развитии демографической науки.

Примечательным явлением периода становления советской демографии была деятельность двух научных учреждений — Демографического института в Киеве и созданного позже института с таким же названием в Ленинграде. Первый из них учрежден весной 1919 г. Он был задуман инициатором его образования М. В. Птухой как научное учреждение по статистике населения. Из документов следует, что при разработке проекта Социально-экономического отделения создававшейся в Киеве Академии наук была предусмотрена организация института «для статистического изучения населения Украины (при кафедре статистики)»². Директором этого института стал М. В. Птуха. Так возник Демографический институт АН УССР, первое государственное научное учреждение, специально ориентированное — пусть в пределах статистики населения, — но все же на демографическую исследовательскую работу.

«Организация и развертывание работ Института, — вспоминает его сотрудник П. И. Пустоход, — была тогда делом весьма нелегким. В Киеве, да и на Украине вообще, не было людей, подготовленных для демографических исследований. Базой для их подбора стал

Киевский институт народного хозяйства, где М. В. Птуха руководил преподаванием статистики. Можно сказать, что все основные научные сотрудники Института вышли из стен этого вуза (Ю. А. Корчак-Чепурковский, П. И. Пустоход, В. Ф. Резников, М. Н. Трацевский). В первые годы штат сотрудников был весьма ограничен... Однако трудности, естественные в условиях 20-х годов, постепенно изживались, и работа в Институте все больше налаживалась»¹.

Практически деятельность института развернулась с начала 20-х годов и особенно с 1923—1926 гг., когда установились тесные контакты со статистическими и планирующими органами. В последующие примерно полтора десятилетия до его расформирования в июне 1938 г. в институте было выполнено значительное количество работ, в том числе подготовлено 11 томов «Трудов» института по демографической статистике². Первый из них вышел в 1923 г., последний — в 1936 г.; наиболее активно они готовились в 1926—1930 гг., когда было выпущено 6 томов (III—VIII).

В 20-е годы значительное место в деятельности института занимала разработка таблиц смертности для Украины. Первые из них были составлены еще в 1923 г. Но особенно успешно работа над ними развернулась в конце 20-х годов, когда М. В. Птуха предложил новый метод построения суммарных (кратких) таблиц смертности для СССР. В этот период сотрудники института исчислили до 200 разнообразных кратких таблиц смертности. Подобных исчислений и в таких различных аспектах изучения ни в дореволюционной России, ни за рубежом до того времени не было. Параллельно с разработкой таблиц изучались вопросы смертности по причинам смерти, полу и возрасту, детской смертности и т. д.

В начале 30-х годов по предложению Госплана УССР, разрабатывавшего второй пятилетний план, были проведены перспективные исчисления населения республики. Детально рассчитывалось вероятное будущее население на 1933—1937 гг. и суммарно на нача-

¹ См.: Урланис Б. Ц. Страницы воспоминаний. — Вестник статистики, 1976, № 6.

² Советская статистика за полвека (1917—1967 гг.), с. 52—53. См.: прим. ред.

¹ Пустоход П. И. Институт демографии АН УССР. — В кн.: Советская статистика за полвека (1917—1967 гг.), с. 53.

² Всего вышло 14 томов, но последние 3 тома были посвящены санитарной статистике.

ло 1940, 1950 и 1960 гг. Методика и итоги этих расчетов были опубликованы, в том числе и за рубежом — в бюллетене Международного статистического института (1931 г.).

Эти основные работы института выполнялись всем его небольшим коллективом, но ведущая роль в них принадлежала М. В. Птухе, который в эти годы опубликовал и ряд других исследований. Когда институт еще находился в стадии становления, он подготовил работу об индексах брачности¹, в которой рассмотрел историю их изучения и предложил свой метод исчисления этих индексов. Позже он обратился к истории первой таблицы брачности (И. Мюре, XVIII в.)². Эта его работа как бы наметила последующие многолетние исследования ученого истории статистики населения, которые он начал в институте, особенно в 30-е годы.

Следует указать еще одну работу М. В. Птухи того времени. После заграничной командировки в начале 20-х годов он написал обстоятельный обзор зарубежной статистической литературы 1914—1923 гг., сделав акцент на издания по статистико-демографической тематике³. М. В. Птуха вообще придавал большое значение обзорно-библиографической работе, которая постоянно велась в институте. Два тома «Трудов» института полностью отведены под библиографию. IX том представляет собой указатель литературы о демографии на Украине (1914—1928 гг.), XI том — указатель литературы о демографических переписях.

Обращение к библиографии переписей было не случайно. В 1934 г. институт был реорганизован и стал именоваться Институтом демографии и санитарной статистики. Но главное заключалось в том, что в силу ряда причин в институте прекратились демографо-статистические исследования, на которые он был сориентирован с момента создания и которые составляли основу его деятельности. Четко определить свои дальнейшие демографические работы институт не смог. М. В. Птуха основное внимание стал уделять истории науки. Боль-

¹ См.: Птуха М. В. Индексы брачности. Киев, 1922.

² См.: Птуха М. В. История первой таблицы брачности. — Вестник статистики, кн. XXI, 1925.

³ См.: Птуха М. В. Статистическая наука на Западе. Харьков, 1925.

шая часть сотрудников сосредоточилась на изучении переписей населения. Была осуществлена значительная работа по исследованию дореволюционных и советских, а также зарубежных демографических переписей¹, но она, конечно, не могла определить деятельность института. В 1937—1938 гг. институт обратился к изучению наследия основоположников научного коммунизма по проблемам народонаселения. Была подготовлена хрестоматия «Классики марксизма-ленинизма о законах населения», но она не успела увидеть свет в связи с постановлением Президиума АН УССР о расформировании института.

Единственным реальным выражением научной деятельности другого института — Демографического института АН СССР в Ленинграде, работавшего с конца 1930 г. до апреля 1934 г., является том его трудов². Но тем не менее этот институт, как и украинский, оставил заметный след в истории демографической науки.

Документы, извлеченные и опубликованные благодаря усилиям А. Г. Волкова и бывшей сотрудницы института А. Н. Типольт³, свидетельствуют о том, что инициатором создания института был В. В. Паевский. Его докладная записка в Академию наук СССР, составленная в 1929 г. в условиях развертывания социалистического строительства, проникнута глубоким пониманием значения проблематики народонаселения в научной разработке народнохозяйственной деятельности. Ее автор ставил задачу не только использовать достижения современной ему зарубежной науки, но и критически переосмыслить их в свете коренных социальных преобразований в стране. «Та, совершенно неизвестная на Западе, роль коллектива как такового, какая у нас имеет первенствующую социальную значимость, — писал он, — вызывает в области демографической науки необходимость последовательной ревизии

¹ См.: Труды Демографического института. Т. X. Киев, 1936 (на укр. яз.); Воблый В. К., Пустоход П. И. Переписи населения. М., 1940.

² См.: Труды Демографического института. Т. I. Л., 1934. В томе опубликовано пять работ, авторами которых являются В. В. Паевский, С. А. Новосельский, А. П. Яхонтов и Е. А. Гончарова.

³ См.: Типольт А. Н. Из истории Демографического института АН СССР. — В кн.: Советская статистика за полвека (1917—1967), с. 72—76.

целого ряда укоренившихся демографических методов, создавая одновременно потребность в дополнении прежних приемов исследования или вынуждая к созданию совершенно новых иной раз методов»¹.

Здесь, по существу, сформулировано положение о необходимости создания новой, советской демографии. Однако, как можно заключить из творчества В. В. Паевского, он понимал ее, если и не исключительно, то главным образом в плане демографического анализа. Это сказалось и на организации Демографического института, а также его деятельности. Институт был создан в системе Отделения математических и естественных наук АН СССР, директором его стал академик-математик И. М. Виноградов, который непосредственно демографией не занимался. По замыслу В. В. Паевского, назначенного заместителем директора², институт должен был стать «высшим научно-методологическим центром демографо-статистической мысли в стране»³.

Том трудов института в общем отразил основные направления его научной деятельности. Их было четыре. Прежде всего началась разработка методов расчета будущей численности и возрастно-полового состава населения. После проведения предварительных работ был подготовлен первый вариант вычисления возрастного состава населения СССР на 1926—1951 гг. В конце 1931 г. В. В. Паевский выступил в АН СССР с сообщением о результатах перспективных исчислений населения⁴. Вместе с тем работы в этом направлении были продолжены⁵.

¹ Типольт А. Н. Указ. соч., с. 71.

² В. В. Паевский одновременно был старшим демографом, такую же должность занимал С. А. Новосельский. Кроме них было еще три сотрудника — математик-статистик, врач-статистик и технический работник. По совместительству работал в институте А. П. Яхонтов.

³ Типольт А. Н. Указ. соч., с. 82.

⁴ См.: Паевский В. В. О перспективных исчислениях населения. — Вестник АН СССР, 1933, № 1.

⁵ В общем они, как и шедшие одновременно аналогичные работы Демографического института АН УССР, были пионерными. Вместе с тем еще на основе данных переписи 1920 г. был составлен под руководством Е. М. Тарасова прогноз населения СССР до 1941 г., оказавшийся близким к действительности. Он был проанализирован С. Г. Струминым (Хозяйственное строительство. М., 1922, вып. 2). См.: Бахметова Г. Ш. Методы демографического прогнозирования. М., 1982, с. 76.

Помещенная в трудах института статья В. В. Паевского «Об измерении смертности мигрирующих масс населения» отразила другую важную тему плана работ — разработку методики, позволяющей количественно оценивать смертность населения, подверженного значительным миграциям. Исследование имело большое практическое значение для учреждений с меняющимся составом обслуживаемых ими контингентов (детдома, санатории, общежития и т. д.).

А. Н. Типольт отмечает, что в 1931 г. под руководством С. А. Новосельского было выполнено исследование детской смертности в разные периоды жизни ребенка. Наконец, В. В. Паевский и А. П. Яхонтов провели тщательное изучение применения анамнестических методов в демографии. Эта методика была введена в практику Г. А. Баткисом; теперь она получила обоснование с позиций демографической теории. Была также разработана методика экспедиционного обследования рождаемости и смертности населения.

Понятно, что сотрудники института исследовали и другие темы. В 1933 г. они начали готовиться к участию в планировавшейся Всесоюзной переписи населения. Однако эти замыслы не были осуществлены. В конце 1933 г. в связи с переездом Академии наук из Ленинграда в Москву началась реорганизация ее учреждений. Демографический институт, находившийся к тому времени в составе академической Физико-математической ассоциации, оказался в сложном положении. В марте 1934 г. президиум АН СССР признал его существование нецелесообразным. Одна из основных причин принятия такого решения заключалась, как было сказано в решении президиума, в том, что «попытки ввести в работу Демографического института моменты социально-экономические не удалась»¹ (курсив наш. — Д. Ш.). В апреле общее собрание АН СССР подтвердило это решение.

Как ни важна была деятельность демографических институтов в Киеве и Ленинграде, но она, конечно, не исчерпывала исследовательскую работу по проблема-

¹ Типольт А. Н. Указ. соч., с. 98. Следует отметить, что том трудов института тогда же был подвергнут критике за формально-демографический подход к изучению народонаселения (см.: Вестник Коммунистической академии, 1934, № 4, с. 32).

тике народонаселения в 20-е — первой половине 30-х годов. Количество вышедших тогда по всей стране изданий настолько велико, что может составить целый библиографический указатель. В данном случае в связи с общей характеристикой процесса становления советской демографии важно отметить только самые основные направления, по которым развивались исследования¹.

На какое-то время в самом начале 20-х годов их ведущей темой стало рассмотрение демографических последствий мировой и гражданской войн². Однако вскоре она отошла на второй план, уступив место постепенно нараставшему изучению воспроизводства населения. Уже в 1921 г. С. А. Новосельский опубликовал работу по этой теме на материалах Петрограда, четыре года спустя он продолжил ее совместно с В. В. Паевским, несколько позже вышла аналогичная работа П. И. Куркина и А. П. Черткова по Москве³.

Но наиболее значительным явлением стал выход работ по данной тематике во многих городах страны. Появились статьи и книги о естественном движении населения городов Европейской России (Вологда, Саратов, Переяславль и др.), Сибири (Омск, Томск, Новониколаевск, Чита и др.), ряда других регионов. Особенно важным было изучение воспроизводства населения в национальных районах, нашедшее отражение в работах по Казани, Оренбургу, Самарканду и др.

¹ Изучение миграции здесь не рассматривается, об этом см.: *Моисеенко В. М.* Первые исследования миграции населения в СССР. — В кн.: *Прошлое и настоящее демографии* (Народонаселение; Вып. 32).

² См.: *Струмилин С. Г.* Трудовые потери России в войне. — Народное хозяйство, 1920, № 18; *Аврамов В.* Жертвы империалистической войны в России. — Известия Народного комиссариата здравоохранения, 1920, № 1—2; *Куркин П. И.* Потери населения Московской губернии в мировую войну. — Общественный врач, 1922, № 2; *Новосельский С. А.* Влияние войны на естественное движение населения. — Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1916 гг. М. — Пг., 1923 и др.

³ См.: *Новосельский С. А.* Естественное движение населения в Петрограде в 1920 г. — В кн.: *Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии*. Пг., 1921, вып. 5; *Новосельский С. А., Паевский В. В.* Естественное движение населения в Ленинграде в 1924 г. — Бюллетень Ленинградского губ. отдела статистики, 1925, № 12; *Куркин П. И., Чертков А. П.* Естественное движение населения г. Москвы и Московской губернии. М., 1927.

Такого широкого размаха исследований дореволюционная Россия не знала, не было ему аналогии и в зарубежной демографии. В. З. Дробижев, первый опиравший эту литературу, отмечает, что она не случайно рассматривала преимущественно городское население — его учет был налажен значительно лучше, чем в сельской местности. Вместе с тем он приводит материалы о санитарно-демографических и других обследованиях 20-х годов, которые восполняли недостаток демографических данных о сельских жителях. Во время таких обследований, считает В. З. Дробижев, впервые была сделана попытка определения рождаемости и смертности в зависимости от экономического состояния хозяйства¹.

Разумеется, конкретные демографические исследования тех лет не ограничивались только указанными работами. Наряду с ними появились специальные исследования, анализирующие процессы смертности и рождаемости. Борьба за снижение оставшейся в наследие от буржуазно-помещичьей России высокой смертности являлась в тот период основной в демографической политике Советской власти, осуществлявшей целый комплекс мероприятий — социальных, медицинских, санитарных и других, направленных на коренное улучшение здоровья населения и повышение продолжительности жизни. В этих условиях изучение смертности приобрело ведущее значение в научно-демографических разработках.

Можно указать три взаимосвязанных аспекта этого изучения. Во-первых, оно осуществлялось на конкретных материалах ряда районов страны². Второй аспект — разработка советских таблиц смертности³. Наконец, са-

¹ См.: *Дробижев В. З.* Из истории изучения воспроизводства населения в СССР. — В кн.: *Прошлое и настоящее демографии* (Народонаселение; Вып. 32), с. 60 и 63.

² См.: *Томилин С. А.* Материалы о социально-гигиеническом состоянии украинской деревни. Харьков, 1924; *Смулевич Б. Я.* Заболеваемость и смертность населения городов и местечек БССР. Минск, 1928 и др.

³ См.: *Новосельский С. А., Паевский В. В.* Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910—1911, 1920 и 1923 гг. — В кн.: *Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии*. Л., 1925, вып. 6; *они же.* Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927 гг. Таблицы смертности. М. — Л., 1930 и др.

мостоятельным аспектом в изучении смертности стало исследование последней применительно к детским возрастам и особенно к грудному возрасту¹.

Рождаемость изучалась менее интенсивно. Но важно отметить, что уже в первых исследованиях отчетливо проявилось понимание социальной обусловленности этого демографического процесса, а также были выявлены изменения в нем, связанные с сознательным ограничением рождаемости. Вот что писал в этой связи в 1931 г. О. А. Квиткин: «При широком развитии практики ограничения деторождения, характеризующем современную городскую семью, показатель детности приобретает самостоятельное значение: здесь он отражает волю к воспроизводству в различных группах населения, детерминируемую, разумеется, всем сложным комплексом их социального бытия»². Наряду с публикацией ряда конкретных работ, впервые было начато изучение рождаемости на основе выборочного обследования семей, проведенного в 1934 г. по инициативе С. Г. Струмилина³.

Заметный подъем эмпирических исследований сочетался с теоретическими разработками, стремлением осмыслить демографические процессы в социальном и экономическом плане. Значительный интерес представляет сформулированная С. А. Томилиным концепция «экономики населения», которая, по его мнению, не просто должна исследовать влияние на производство средств к жизни (экономическое воспроизводство) демографических процессов и структур, но быть конструктивной наукой, разрабатывать пути и методы рационализации воспроизводства населения с точки зрения

¹ См.: Куркин П. И. Смертность грудных детей. — В кн.: Вопросы санитарной статистики. М., 1961; Новосельский С. А. О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью. — Вестник статистики, 1925, № 4—6; Томилин С. А. К вопросу о плодovitости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность. — Журнал по изучению раннего детского возраста, 1929, № 9; Антонов А. Н. Смертность грудных и малых детей, ее причины и меры борьбы. М. — Л., 1931.

² Квиткин О. А. Предисловие. — В кн.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отдел VII. Структура городской семьи. Т. LVI. М., 1931, вып. 1.

³ Результаты этого обследования были опубликованы только в 1950-е гг.

оптимизации затрат общественного труда⁴. Постановка этого, а также ряда других теоретических вопросов явилась одним из проявлений первых попыток приложить марксистское учение к исследованиям народонаселения.

Проблемы народонаселения все в большей степени начинают рассматриваться в аспекте марксистской теории. В 1926 г. в Москве вышла книга Л. Паперного «Проблемы народонаселения с точки зрения марксистской социологии». Автор, подвергнув критике мальтузианство, остановился на проблеме размножения людей, рассмотрел «тезис Милля» и «антитезис Чернышевского» и в заключение изложил «перспективы коммунистического строя». Возможно, это была первая работа, автор которой коснулся законов народонаселения. Через несколько лет вопрос о них стал предметом дискуссии на страницах печати⁵.

Она возникла в связи со статьей А. Залкинд, которая попыталась рассмотреть формирование коммунистического закона народонаселения.

Против ее утверждения, что коммунистический закон народонаселения возникает одновременно с установлением диктатуры пролетариата, выступил С. Гиммельфарб. Кроме того, в отличие от А. Залкинда он считал, что социализму присущ свой закон народонаселения и постарался сформулировать его: «По марксистски определенный закон населения социализма есть специфический общественно-исторический закон, выражающийся в специфическом росте населения, в специфических связях и зависимостях в движении населения». Дискуссия осталась не завершенной, но сам ее факт свидетельствовал о развивающемся марксистско-ленинском изучении теории народонаселения.

Растущая зрелость марксистско-ленинского изучения проблем народонаселения выявилась и в усилившейся критике буржуазных демографических концепций.

⁴ См.: Томилин С. А. Демография и социальная гигиена. М., 1973, с. 10.

⁵ См.: Залкинд А. К вопросу планирования труда в СССР. — Проблемы экономики, 1931, № 7—8; Гиммельфарб С. К вопросу о планировании рабочей силы. — Проблемы экономики, 1932, № 4—5. Об этой дискуссии см.: Пискунов В. П., Степенко В. С. К истории формулирования в СССР коммунистического закона народонаселения. Киев, 1980.

В 20-е годы она шла главным образом в русле общей критике социально-экономических и политических концепций империализма. С начала 30-х годов проблематика народонаселения постепенно начинает выделяться в советской научной литературе как самостоятельный объект в идейной борьбе с апологетами капитализма.

Важной вехой в этом процессе стала книга Б. Я. Смуглевича «Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики» (М.—Л., 1936). В отличие от Л. Паперного, который рассмотрел главным образом концепции XIX в., автор данной книги сосредоточил внимание на новейших, современных ему буржуазных теориях народонаселения и дал их глубокий критический анализ. Книга Б. Я. Смуглевича открыла новое направление работ, посвященных разоблачению реакционной сущности апологетических буржуазных концепций народонаселения.

Нельзя не учитывать, что становление советской демографической науки шло в условиях переходного периода, когда страна делала решающий шаг от капитализма к социализму и в напряженной классовой борьбе решался вопрос «кто кого». В этой обстановке утверждение марксистско-ленинского обществоведения не было делом чисто академическим. Шла упорная борьба за господствующее положение марксистско-ленинской идеологии в общественном сознании, в том числе и в науке.

В крайне сложной и трудной обстановке, в условиях нехватки марксистских кадров Коммунистическая партия последовательно осуществляла курс на социалистическую перестройку науки. В тех условиях это было не просто становление марксистско-ленинского обществоведения, а *борьба* за него. По-своему она проявлялась в демографии.

Своеобразное отражение она нашла, например, в статье «Демография» Б. Смуглевича и А. Шевелева, опубликованной в БСЭ (т. 21) в 1931 г. Констатируя отсутствие единого понимания демографии, авторы считали, что эти разногласия «имеют источником разную трактовку проблем населения и разное понимание взаимоотношения социальных и биологических процессов, происходящих в населении».

На основе этого критерия дается краткая характе-

ристика буржуазной демографии, критически отмечают работы в области социальной статистики английского буржуазного ученого А. Боули (1869—1957) и его австрийского последователя Палла. Переходя затем к рассмотрению положения в советской науке, авторы пишут: «Однако даже Боули и Палла идут значительно дальше того понимания демографии, которого продолжает придерживаться *значительная часть* (курсив наш.—Д. Ш.) старых демографов в СССР (Новосельский и др.). Население выступает в понимании последних как однородная масса, рассматриваемая изолированно от социальной среды, процесс воспроизводства населения рассматривается как естественно-биологический, изучение населения преследует самостоятельные цели—словом, налицо все элементы концепции Борткевича. Эклектической поправкой является готовность включить в содержание демографии изучение некоторых качественных признаков, в частности социально-профессионального состава, но лишь в «общем и кратком виде».

Что же противопоставляется в статье такому «традиционному толкованию демографии»? Советская наука «в боях» с этим толкованием, отмечают Б. Смуглевич и А. Шевелев, исходит из следующих положений: население нельзя рассматривать вне его взаимодействия с социальной средой; оно выступает в этом взаимодействии не как единая масса, а в его социально-классовом расчленении, социальное и биологическое связаны в нем не механически, а диалектически; население—субъект и цель народнохозяйственного процесса. «Изложенные основы,—закljučают Б. Смуглевич и А. Шевелев,—разрывают рамки привычного для капиталистических стран содержания демографии». Так и не дав более конкретного определения последней, авторы завершают статью отсылкой: «Подробнее о методике и методологии изучения населения см. Социальная статистика».

Именно в пределах этой развивавшейся в 20-е—начале 30-х годов научной дисциплины, в качестве одного из ее разделов они и рассматривали демографию. «Социальной статистики у нас почти нет,—писала в 1924 г. М. Н. Смит (1878—1961),—мы имеем в этой области только старые работы статистиков-демографов, изучавших всегда общество как однородную массу, совершен-

но игнорируя сложность его социального и классового состава»¹. Вопреки этому ставилась задача исследования социальных явлений, в центре которого должен быть, как подчеркивал П. И. Попов, человек — основа и субъект общественного производства².

К началу 30-х годов контуры теории советской социальной статистики уже обрисовались. Она определялась как область статистики, «изучающая взаимоотношения социально-биологических, экономических и культурных явлений»³. В нее входили статистика населения (демография), исследующая состав населения по социальному и биологическому признакам, процессы воспроизводства населения (рождаемость, смертность и др.), а также отраслевые статистики: социального здоровья и здравоохранения, культуры и просвещения, труда и быта, жилищная и коммунальная, социальных аномалий, социального обеспечения. Такой «блок» статистик был составлен в соответствии с объектом изучения социальной статистики, которым был человек. «Советская социальная статистика рассматривает человека как субъект и как цель народнохозяйственной деятельности и ставит задачей изучить лучшие пути повышения его трудовой деятельности»⁴.

Программа социальной статистики в том смысле, как она изложена выше, не была реализована, и эта научная дисциплина в силу объективных и субъективных обстоятельств не получила развития. Для становления советской демографии ее концепция имела противоречивое значение. С одной стороны, с особой силой было обращено внимание на необходимость исследования социальной обусловленности воспроизводства населения, поставлена проблема соотношения социального и биологического в нем, а внесоциальное (т. е. чисто биологическое) его понимание было подвергнуто критике. Все это имело свое значение для утверждения диалектико-материалистического изучения народонаселения.

Немаловажно и то, что, ставя в центр своего внимания человека, социальная статистика со всем «бло-

ком» образовавших ее статистик фактически выступала за комплексное изучение народонаселения. Но вместе с тем это изучение ограничивалось по-прежнему количественным подходом, а демография подменялась статистикой населения, пусть в данном случае и социальной. Вот почему статья Б. Смулевича и А. Шевелева, хотя и была озаглавлена «Демография», не только не давала дефиницию этого понятия, но главное по содержанию своему не касалась собственно демографии. Растворение ее социальной статистикой в статистике населения не способствовало утверждению демографической науки как самостоятельной отрасли знания, что являлось насущной потребностью ее развития.

«Демография — наука, неразрывно связанная со статистическим методом, — претендует на самостоятельность, не мирясь с положением «отрасли статистики», — писал, выражая эту потребность, А. П. Яхонтов. — Математическая по своим приемам, демография является наукой социальной по своим результатам. Занимавшаяся очень долгое время исключительно вопросами воспроизводства населения, демография имеет несравненно более широкое содержание. Не получив еще строгого и совершенно ясного оформления, демография находит свой материал раскиданным по разным областям знания. Прослеживая историю развития демографии, приходится обращаться к представителям различных научных дисциплин: статистикам, математикам, экономистам, социологам. Уяснение и разрешение этих противоречий одна из очередных задач демографии»¹.

Так представлялась советская демография к середине 30-х годов одному из участников ее становления. Конечно, это только один из субъективных ракурсов, к тому же не вполне учитывающий важнейшие мировоззренческие изменения, начавшиеся в изучении народонаселения. Да и не все тогда могло быть учтено.

Например, только в наше время с изданием ранее не публиковавшихся работ Ю. А. Корчак-Чепурковского, написанных на рубеже 20—30-х годов, стали известны его глубокие марксистско-ленинские оценки биологизированных демографических теорий, его диалектико-материалистический подход к раскрытию экономичес-

¹ Смит М. Предисловие. — В кн.: Боули А. Очерки социальной статистики. М., 1925, с. 7.

² См.: Пискунов В. П., Стешенко В. С. Указ. соч., с. 42.

³ МСЭ, т. 8. М., 1930, с. 238.

⁴ Там же.

¹ Яхонтов А. П. Демография в Академии наук. — Вестник АН СССР, 1934, № 2, с. 25.

тих факторов движения населения и относительной самостоятельности протекания демографических процессов. На основе применения исторического материализма к изучению народонаселения ученых поднялся до крупных общетеоретических обобщений, связанных с этим изучением.

«Критикуя натуралистический подход к изучению закономерностей воспроизводства населения, — писал он, — марксистская социология утверждает, что непосредственной числовой зависимости между хозяйственными ресурсами и численностью населения не существует. Вместо количественной проблемы она поднимает проблему качественную... Проблема определения факторов роста населения есть проблема социологическая, а не общебиологическая. Разрешить ее можно только на почве историко-экономического анализа конкретных общественно-хозяйственных систем, анализа в первую очередь качественного, а не количественного. Но, естественно, этот качественный анализ никак не исключает проблемы количественной, но подчиняет ее себе, ибо качественный анализ определяет и объект, и способ, и общие направления статистического наблюдения и исследования»¹.

О. В. Лармин, который одним из первых рассмотрел теоретические взгляды Ю. А. Корчак-Чепурковского, отмечает: «Думается, что с этими общеметодологическими положениями и сегодня может согласиться каждый представитель марксистско-ленинской науки о народонаселении»². В этих словах содержится своеобразная оценка тому основному, что было достигнуто в процессе становления советской демографии в 20-е — первой половине 30-х годов: марксистско-ленинское изучение народонаселения, пройдя начальный этап своего развития все более внедрялось в демографические исследования, постепенно становилось их методологической основой.

Нет нужды идеализировать или, наоборот, упрощать этот процесс. Он был достаточно сложен и шел в противоречивых условиях. Еще не был преодолен чистый эмпиризм в исследованиях, которым порой при-

крывалась буржуазная методология. Вместе с тем проявлялся и вульгарно-социологический подход к проблемам народонаселения. Становление демографии как самостоятельной науки тормозило, образно выражаясь, «растаскивание» ее и «вправо» (традиционная статистика) и «влево» (социальная статистика). Такой перечень можно продолжить, но не он является определяющим.

Главная черта и итог рассмотренного периода были в другом. Они выразились в том, что генеральная линия движения изучения народонаселения на основе марксизма-ленинизма определилась. В опубликованной в 1934 г. статье «Усилить внимание демографическому фронту» Б. Я. Смугевич¹, справедливо отмечая, что диалектический материализм все больше становится основным методом разработки проблем народонаселения, показал, какие открываются в связи с этим большие возможности.

К сожалению, эти возможности в ближайшие два десятилетия реализовывались далеко не полностью. Следующий период истории советской демографии, хронологически охватывающий время примерно со второй половины 30-х годов до конца 50-х годов, не поддается однозначной оценке. В целом он ознаменовал дальнейшее утверждение марксистско-ленинского изучения народонаселения, которое в конечном итоге развивалось и крепло. Вместе с тем волюнтаризм и субъективизм, особенно проявившиеся в отношении к проблематике народонаселения в 30—40-е годы, нанесли серьезный ущерб этому изучению.

Негативные явления в изучении народонаселения стали проявляться уже к середине 30-х годов. Внешне они выразились в заметном сокращении выпуска литературы. Если в 20-е годы ежегодно выходили десятки изданий по народонаселению, то во второй половине 30-х годов они насчитывались уже единицами. Демографическая проблематика стала исчезать и со страниц периодических и других изданий. В 1939 г. соответствующий том (41-й) БСЭ даже вышел без статьи о народонаселении. Но не только сокращалось число изданий по народонаселению, существенно изменялась

¹ Корчак-Чепурковский Ю. А. Указ. соч., с. 28—30.

² Лармин О. В. Методологические проблемы изучения народонаселения. М., 1974, с. 11.

¹ См.: Смугевич Б. Я. Усилить внимание демографическому фронту. — Вестник Коммунистической Академии, 1934, № 4.

и их тематика. Темы, связанные с изучением воспроизводства населения, демографическими процессами, стали отходить на второй план, исчезать.

В начале 30-х годов по мере успехов социалистического строительства стало складываться ошибочное, в сущности волюнтаристское представление, что социализму имманентно свойственно расширяющееся воспроизводство населения. Оно формировалось, очевидно, постепенно. Одно из ранних его отражений содержится в цитированной выше статье С. Гиммельфарба, который писал: «В период социализма трудоспособное население должно и будет безусловно расти быстрее, чем при капитализме... Какова будет в будущем рождаемость — неизвестно. Вероятно, что... рождаемость будет повышаться. Но безусловно, что точно так же, как и до сих пор, в будущем будет теми же темпами понижаться смертность всех возрастных групп населения, что в общем определит возрастающий рост всего населения, в частности его трудоспособной части»¹.

Это было написано в 1931 г. и формулировки здесь еще отчасти осторожны. Девять лет спустя И. Ю. Писарев, отражая уже сложившееся мнение, со всей категоричностью утверждал: «Высокий уровень прироста населения — характерная черта движения населения при социализме»². Несколько позже эта «черта» получила ранг закона: «При социализме потерял свою силу капиталистический закон народонаселения. Здесь действует иной, социалистический закон народонаселения, важнейшими чертами которого являются быстрый рост населения, полное и рациональное использование его трудоспособной части, постоянное повышение уровня материального благосостояния народа, низкие заболеваемость и смертность населения»³.

Не сразу и не прямолинейно, в сочетании с рядом других негативных обстоятельств, такие представления стали отрицательно сказываться на изучении народонаселения, которое все больше смещалось в плоскость его учета. Но и здесь возникли свои немалые сложности. На демографической статистике серьезно отрази-

лась распространившаяся в 30-е годы «теория» отмирания статистики, замены ее народохозяйственным учетом.

Хотя ЦК партии и правительство постоянно уделяли внимание налаживанию учета населения (так, в 1935 г. они приняли важное постановление о его текущем учете¹), деятельность в этой области испытывала значительные трудности. После того как заложенный во второй пятилетний план демографический прогноз оказался неудачным, и особенно после признания дефектности переписи населения 1937 г., произошла значительная смена кадров, работавших в области статистики населения. По переписи населения 1939 г. были опубликованы только основные данные, а в последующие два десятилетия переписи вообще не проводились. За эти десятилетия были выполнены отдельные ценные работы по расчетам численности населения², но в целом негативные явления в демографо-статистической практике серьезно сказывались на изучении народонаселения.

Существенную роль сыграло и распространение ряда неверных общетеоретических положений, касающихся народонаселения. В конце 30-х годов появилось утверждение, что народонаселение наряду с географической средой является лишь одним из условий жизни общества. Некритическое отношение к нему привело к тому, что народонаселение стало фактически рассматриваться как что-то внешнее по отношению к обществу³. Это, по существу, вело к ревизии указания К. Маркса о том, что население есть основа и субъект всего общественного производства⁴. Все это снижало научную значимость изучения народонаселения, и прежде всего в теоретическом плане.

Такое положение усугубила «поправка», сделанная в 1948 г. при переиздании работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В предисловии Ф. Энгельса к этой работе, где он пи-

¹ См.: Писарев И. Ю. Развитие советской статистики. — В кн.: Очерки по истории статистики в СССР. Сб. 2, с. 316.

² См.: Старовский В. Н. Методика исследования элементов роста народонаселения. — В кн.: Социология в СССР. М., 1966, т. 1.

³ См.: Коростелев Г. М. Рост народонаселения и общественный прогресс, с. 6.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 726.

¹ Гиммельфарб С. Указ. соч., с. 41, 43.

² Писарев И. Ю. К итогам переписи населения 1939 г. — Проблемы экономики, 1940, № 7, с. 83.

³ БСЭ. 2-е изд. М., 1955, с. 586.

шет о том, что определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни, было сделано подстрочное примечание редакции: «Энгельс допускает здесь неточность, ставя рядом продолжение рода и производство средств к жизни в качестве причин, определяющих развитие общества и общественных порядков»¹. Эта «поправка» не только внесла немалую путаницу в изучение места и роли воспроизводства населения в общественном развитии, но и сказалась на теоретическом изучении проблем народонаселения в целом, способствовала усилению его недооценки².

Все это свидетельствует о тех огромных трудностях, в которых развивалась советская демография в рассматриваемые десятилетия. Однако было бы серьезной ошибкой считать, что поступательное движение марксистско-ленинской науки не продолжалось. Несмотря на сложную обстановку, сложившуюся в связи с изучением проблематики народонаселения, исследование ее шло вперед и было отмечено определенными достижениями. В ходе осуществлявшихся исследований формировались и росли марксистско-ленинские кадры, которые позже, с 60-х годов, обеспечили широкое развитие советской демографии. Многие из выполненных тогда работ не прошли бесследно и прочно остались в фонде науки.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Изб. произведения в 2-х томах. Т. II. М., 1952, с. 161. Впервые об «ошибочном утверждении Энгельса по вопросу о роли семьи в общественной жизни» было упомянуто еще в 1941 г. в связи с публикацией конспекта К. Маркса книги Л. Моргана «Древнее общество». См.: Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., 1941, с. IV—V.

² Попутно заметим, что в такой обстановке, а также в условиях превалирования демографо-статистической практики так и не были решены некоторые демографо-теоретические вопросы, поставленные еще в начале 30-х годов. Так, в 1932 г. в БСЭ (т. 24, с. 547) было специально подчеркнуто, что термин «естественное движение населения» как «отражающий стремление классической демографии к биологизации проблемы населения, отвергается советской статистикой населения». Но научное решение этого вопроса в последующем не было осуществлено. И через четверть века С. Г. Струмилин писал, что «наши демографы все еще пользуются столь устарелыми терминами, как «естественный» прирост, «естественное» движение населения и т. п., они явно недооценивают... примат экономики над биологией в современном обществе» (Струмилин С. Г. Предисловие. — В кн.: Рашин А. Г. Указ. соч., с. 12).

Отметим, что в 1938 г. вышла книга А. Я. Боярского «Статистика населения», которую «можно рассматривать как первый марксистский учебник по демографической статистике»¹. Значение его появления трудно переоценить, оно свидетельствовало об утверждении марксистско-ленинской методологии в статистико-демографической проблематике. В 1945 г. книга, переработанная в «Курс демографической статистики», вышла новым изданием. В 1951 и 1955 г. А. Я. Боярский (совместно с П. П. Шушериным) выпустил еще два издания «Демографической статистики». На этих учебниках готовились кадры марксистски образованных специалистов².

В предвоенные годы был опубликован ряд общих работ, рассматривавших основные вопросы марксистско-ленинского изучения народонаселения³. Хотя выпуск конкретных исследований сократился, в конце 30-х и в 40-е годы вышли новые работы о рождаемости, смертности и других демографических процессах⁴.

Вместе с тем рассматриваемый период явился временем, когда ученые обратились к изучению целого ряда тем, которые ранее почти не находили освещения. Так, было начато рассмотрение истории изучения народонаселения. Здесь особенно большую работу провел М. В. Птуха, опубликовавший фундаментальные труды по истории отечественной и зарубежной статистики. Серьезное развитие, особенно в работах Б. Ц. Урланиса и А. Г. Рашина, получила советская историческая демография, о чем будет сказано ниже.

¹ Слесарев А. Г., Урланис Б. Ц. Указ. соч., с. 6.

² В 40—50-х годах в МЭСИ существовали факультет и кафедра демографической статистики. В МГУ им. Ломоносова была опубликована подготовленная Б. Ц. Урланисом в 1947 г. одна из первых программ курса демографии (см.: Киселева Г. П. Об основных этапах развития исследований проблем народонаселения в высшей школе. — В кн.: Образовательная и социально-профессиональная структура населения СССР. (Народонаселение). М., 1975, с. 94).

³ См.: Бешер Р. Я. Проблемы населения в народнохозяйственном планировании. М., 1937; Батищев С. Народонаселение и общественное развитие. — Под знаменем марксизма, 1939, № 2; Старовский В. Н. Основные вопросы статистики населения. — Записки Плановой академии. М., 1940 и др.

⁴ См.: Корчак-Чепурковский Ю. А. О таблицах рождаемости и плодovitости. — Гигиена и санитария, 1937, № 4; Орлов А. Н. Материнская смертность и борьба с ней. Вологда, 1937; Гаврилов К. П. Ранняя детская смертность и меры борьбы с ней. Свердловск, 1947 и др.

С конца 30-х годов стали выходить работы о переписях населения¹, в том числе и зарубежных². Этот вид исследований не только анализировал организацию и проведение демографических переписей, но и нередко давал содержательное рассмотрение их итогов, характеристику состояния и движения населения.

Пионером изучения очень важной проблемы — зарубежной демографии выступил один из старейших специалистов санитарно-демографической статистики П. И. Куркин. В 1938 г. посмертно вышла его книга «Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы», в которой он охарактеризовал демографические процессы в европейских странах. В разное время эта же тематика, но не только на европейских материалах была рассмотрена В. К. Воблым, Б. Я. Смулевичем, В. С. Козловым и др. Относительное перенаселение в капиталистических странах исследовал Д. И. Валентей. В числе работ по зарубежной тематике следует отметить расчеты численности мирового населения (от начала нашей эры до середины XX в.), скрупулезно выполненные Ф. Д. Маркузоном³.

Как видно из изложенного, в поле зрения исследователей находился обширный круг проблем, который хотя и далеко не исчерпывал демографическую проблематику, но все же свидетельствовал о дальнейшем развитии изучения народонаселения. Основу этого изучения составляла марксистско-ленинская методология, окончательно утвердившаяся в разработке демографи-

ческой проблематики. Именно это и обеспечило научное исследование многих вопросов, поступательное движение науки, вопреки всем отмеченным выше негативным моментам и связанным с ними трудностям.

Утверждение марксистско-ленинской методологии ярко выявилось и в активной принципиальной позиции советской науки в борьбе с идейными противниками в области изучения народонаселения. Эта неуклонно нарастающая идейная борьба стала одной из характерных черт научно-демографической деятельности рассматриваемого периода.

Практически почти не было ни одной работы, в которой так или иначе не затрагивались бы вопросы критики различных буржуазных концепций народонаселения, и особенно наиболее реакционной из них — мальтузианской. Вместе с тем появилась специальная литература по данной проблематике¹. В ней последовательно отстаивались марксистско-ленинские принципы познания закономерностей народонаселения, раскрывалась несостоятельность реакционно-буржуазных фальсификаций проблем демографического развития, их апологетическая сущность.

В конце 50-х годов Э. А. Араб-Оглы справедливо отмечал, что проблемы народонаселения стали ареной ожесточенной идейной борьбы и советская наука успешно вела ее. Вместе с тем он высказал важное суждение о состоянии самой советской демографии: «Среди различных специальных и прикладных отраслей социологии едва ли не наибольшее развитие получила за последние десятилетия демография, *ныне превратившаяся уже во вполне самостоятельную общественную науку*» (курсив наш. — Д. Ш.)². Это не была просто

¹ См.: Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М., 1936; Воблый В. К., Пустоход П. И. Указ. соч., Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1938; 2-е изд. М., 1957.

² См.: Боярский А. Я. Переписи населения в капиталистических странах. М., 1938; Урланис Б. Ц. История американских цензов. М., 1938; Гозулов А. И. Переписи населения государств земного шара. — Учен. записки по статистике, 1959, т. IV.

³ См.: Воблый В. К. Рождаемость и смертность в странах капитализма. — План, 1936, № 8; Смулевич Б. Я. Некоторые вопросы воспроизводства населения в зарубежных странах. — Мировое хозяйство и мировая политика, 1947, № 3; Он же. О демографических процессах в странах капитализма. — Вестник АМН СССР, 1948, № 3; Козлов В. С. Естественное движение населения капиталистических стран Европы. М., 1959; Валентей Д. И. Безработица — неизбежный спутник капитализма. М., 1951; Маркузон Ф. Д. Население мира от начала нашей эры до середины XX в. — В кн.: Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957.

¹ См.: Горшков И. С. Современные буржуазные теории народонаселения — средство закабаления народов мира. — Учен. записки АОН при ЦК КПСС, 1949, вып. IV; Попов А. Я., Семенов Ю. М. Мальтузианские бредни на службе американского империализма. — В кн.: Против философствующих оруженосцев американско-английского империализма. М., 1950; Баграмов Л. Неомальтузианство на службе американско-английского империализма. — Вопросы экономики, 1952, № 7; Араб-Оглы Э. А. Отрицание законов общественного развития под флагом «биологического детерминизма». — Коммунист, 1956, № 7; Смулевич Б. Я. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959; Попов А. Я. Современное мальтузианство. М., 1960 и др.

² Араб-Оглы Э. А. Некоторые проблемы народонаселения. — Вопросы философии, 1957, № 6, с. 102.

субъективная точка зрения. Мнение ученого отразило объективный процесс развития советской демографии, к началу 60-х годов вплотную подошедшей к своим новым рубежам, с которых началось ее современное развитие.

Самостоятельная общественная наука

Новый, современный период, в который советская демография вступила примерно в первой половине 60-х годов, имеет прямую преемственную связь с предшествующим развитием. Опираясь на достигнутое в 20—50-е годы и прежде всего на успехи в утверждении марксистско-ленинского изучения народонаселения, преодолевая негативные моменты предшествующего периода, расширяя, углубляя и наращивая свои исследования, советская демография во второй половине 60-х — начале 80-х годов поднялась на качественно новый уровень всестороннего изучения народонаселения. Однако этот подъем не был результатом механического движения науки. Он обусловлен объективными факторами, все более нарастающими потребностями общества развитого социализма в изучении проблем народонаселения.

Подъем советской демографии начался и происходит в условиях большой теоретической деятельности КПСС. Ее XXIII—XXVI съезды ознаменовались глубоко научным подходом к разработке программы строительства социализма и коммунизма. Определяя пути социально-экономического развития страны, КПСС придает большое значение развитию народонаселения. Она своевременно указала на его обострившиеся проблемы, выдвинула задачу разработки и проведения эффективной демографической политики.

Демографическая ситуация в СССР в 60—70-е годы характеризовалась тем, что в стране в целом сложился тип воспроизводства населения, свойственный современным экономически развитым странам с его низкими показателями рождаемости и смертности. Однако если рассматривать демографические процессы с учетом их дифференцированности по союзным республикам, то окажется, что примерно 80% населения страны (практически все население РСФСР, Украины, Латвии, Эстонии, Литвы, Белоруссии, Грузии) характеризуется

малодетностью, т. е. низким и очень низким уровнями рождаемости.

Процесс снижения рождаемости (а он наблюдался и раньше) стал быстро прогрессировать с 1960 г. В 1969 г. падение показателя рождаемости достигло своей низшей точки — 17,0‰ (против 24,9‰ в 1960 г.). Хотя кривая перестала идти вниз, но и нового подъема ее почти не произошло. Б. Ц. Урланис в этой связи указывал на «устойчивую тенденцию к уменьшению числа рождений у каждой брачной пары, которая стала особенно заметна с начала 60-х годов, хотя она наблюдалась... и до этого. И государственная статистика, и исследования многих советских демографов свидетельствуют о том, что в каждом последующем поколении женщин общее число детей, в среднем рождаемых женщиной за всю ее жизнь, неуклонно уменьшается»¹.

Снижение рождаемости, распространение малодетной семьи вызвало ряд других неблагоприятных демографических явлений. Одно из наиболее существенных — старение населения. До 40-х годов структура населения СССР была демографически молодой. С тех пор произошли существенные изменения. С 1939 по 1975 г. общая численность населения страны увеличилась в 1,3 раза, а численность лиц старше 60 лет — в 2,5 раза. Особенно быстрыми темпами процесс старения населения развивался в 70-е годы: так, с 1970 по 1975 г. доля пожилых и старых людей увеличилась на 17,5%, а все население страны — на 4,8%².

Сложная демографическая ситуация возникла в ряде сельских районов РСФСР, прежде всего в Нечерноземной зоне. Низкая рождаемость в сочетании с высокой миграцией молодежи в города привела к деформации возрастной структуры и преобладанию лиц пожилого возраста.

Неблагоприятные явления наблюдались и в смертности. В результате осуществления целого комплекса мероприятий ее показатели находятся на низком уровне. Но далеко не все резервы их снижения реализуют-

¹ Урланис Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР, с. 20.

² См.: Калинин И. В. Старение населения СССР. — В кн.: Пожилые люди в нашей стране (Народонаселение; Вып. 19). М., 1977, с. 15—16.

ся в достаточной мере. В результате этого в 60—70-е годы средняя продолжительность предстоящей жизни почти не увеличилась, не уменьшается разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин, есть и ряд других отрицательных моментов. «Нет никаких оснований предполагать, — считают Р. М. Дмитриева и Е. М. Андреев, — что в последнее десятилетие возникли новые факторы, определяющие динамику смертности. Не появление новых факторов, но новый результат действия старых факторов в новом сочетании интенсивности их действия — вот в чем надо искать объяснение особенностей динамики смертности последних лет. Это — серьезная научная проблема»¹.

Наконец, обострение демографической ситуации проявляется и в низкой приживаемости новоселов в ряде районов страны, в нерациональных с точки зрения интересов общества миграциях населения. Его перемещения часто идут с севера на юг страны и с востока на запад, хотя для развития производительных сил необходимо движение в обратном направлении.

Здесь акцент сделан на неблагоприятные обстоятельства демографической ситуации, что, конечно, не исчерпывает полностью ее характеристику. Но именно эти обстоятельства явились первоочередными в формировании объективных факторов, определивших усиление внимания к демографии и те новые научные задачи, которые встали перед ней.

Развертывание демографических исследований во второй половине 60-х — начале 80-х годов проходило в обстановке упрочения развитого социализма. Отражая его потребности, советская демографическая наука повседневно испытывала и испытывает решающее воздействие как теоретической, так и практической деятельности КПСС по осуществлению социально-экономической программы партии и Советского государства.

Переходя к более конкретному рассмотрению современного периода советской демографии, следует напомнить, что настоящая работа посвящена характеристике всего процесса движения демографических знаний, взятого в целом. При этом его отдельные периоды и

этапы рассматриваются лишь с точки зрения решения этой задачи и в самых общих чертах.

Современный подъем марксистско-ленинской демографии, всего изучения народонаселения может быть всесторонне проанализирован только коллективными усилиями, в ходе специально посвященных ему исследований, осуществление которых является насущной потребностью дальнейшего развития этой области знаний. Предлагаемый краткий обзор некоторых основных моментов истории советской демографии в 60-е — начале 80-х годов представляет собой лишь набросок этой истории и, разумеется, никак не может претендовать на полноту.

Примерно двадцатилетний современный период развития советской демографии можно условно подразделить на два этапа, хронологическая грань между которыми пролегает где-то в первой половине 70-х годов. Изложение материалов ниже дается в основном в хронологической последовательности по двум этим этапам.

1. *Общая характеристика советской демографии в 60-е — начале 70-х годов.* Этот первый из выделенных этапов явился временем становления современной советской демографии, так сказать, «осознания» ею себя и своих основных задач. То была пора начала научных дискуссий, развертывания публикаций исследований и подготовки кадров. Значительную роль в развертывании научной деятельности на данном этапе сыграло проведение переписей населения СССР в 1959 и 1970 гг., а на следующем этапе — переписи 1979 г.

Невозможно выделить какое-либо одно событие первой половины 60-х годов, с которого бы начинался отсчет развития современной демографии. Его первые импульсы, очевидно, зарождались в ходе конкретных работ ученых старшего поколения и идущих в науку новых кадров, в выяснении и осознании изменений демографической ситуации в стране и в мире в целом, а также в растущем понимании несоответствия существующего уровня и объема исследований народонаселения задачам их изучения.

В свете последнего характерно появление в 1961 г. работы Д. И. Валентея, в которой он обосновал необходимость широкого развертывания изучения народонаселения и сформулировал гипотезу комплексной

¹ Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Указ. соч., с. 48—49.

науки о народонаселении¹. В 1962 г. Научно-технический совет Минвуза СССР образовал проблемную группу «Народонаселение в период строительства социализма», а в 1963 г. был создан Координационный совет по проблемам народонаселения, призванный обеспечить комплексное изучение теоретических и практических вопросов народонаселения представителями общественных и естественных наук.

1963 г. ознаменовался еще двумя важными для развертывания изучения народонаселения событиями. Первое из них — совещание в редакции журнала «Коммунист», на котором большая группа ученых (А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, Б. Д. Петров, Г. А. Слесарев, Б. Я. Смулевич, Б. Ц. Урланис и др.), признав отставание в области демографической науки, привлекла внимание к необходимости его ликвидации². Сам факт выступления по данному вопросу теоретического органа ЦК КПСС имел важное значение.

Другое событие — создание в октябре 1963 г. в НИИ ЦСУ СССР сектора демографии и трудовых ресурсов, что отразило потребность в расширении исследований по демографической проблематике.

В феврале 1965 г. научное подразделение более широкого профиля — Проблемная лаборатория народонаселения — было образовано в МГУ им. М. В. Ломоносова. В постановлении о направлениях ее работы отмечалось: «Ученый Совет МГУ по гуманитарным наукам подчеркивает крайнюю необходимость и своевременность создания Лаборатории, призванной заниматься комплексной разработкой основных проблем народонаселения... Лаборатория, будучи единственным в стране подобного рода научным учреждением, призвана сыграть большую роль в развитии науки о народонаселении, привлечь к разработке проблем народонаселения широкие круги экономистов, философов, историков и представителей других общественных наук как университета, так и других научных учреждений»³.

¹ См.: Валентей Д. И. Проблемы народонаселения. М., 1961.

² Коммунист, 1963, № 17, с. 82—86. На этом совещании один из его участников (П. Г. Подъячих) высказал мнение относительно того, что «правильнее говорить не о демографии, а о демографической статистике». Это, по существу, явилось началом дискуссии о соотношении демографии и демографической статистики.

³ Проблемная лаборатория народонаселения. М., 1966, с. 3.

Новые научные подразделения по изучению народонаселения возникали не только в Москве. Еще в начале 60-х годов научно-исследовательская группа по изучению проблем народонаселения и расселения Средней Азии стала функционировать в Ташкентском университете. С 1966 г. развернул работу отдел демографических исследований Института экономики АН УССР.

Своеобразным показателем значительного роста со второй половины 60-х годов исследовательской деятельности стали научные конференции, совещания и симпозиумы по проблемам народонаселения. В 1965—1971 гг. в Москве, Ташкенте, Киеве, Ереване, Минске, Ростове-на-Дону, Магадане, Чебоксарах было проведено 12 широких научных совещаний по наиболее актуальным проблемам народонаселения¹. Они явились совершенно новым явлением, отразившим начавшийся подъем в изучении народонаселения и вместе с тем способствовавшим ему.

На конференциях обсуждались узловые вопросы изучения народонаселения. Их темами стали: марксистско-ленинская теория народонаселения; В. И. Ленин и проблемы народонаселения; вопросы демографии; порайонные особенности воспроизводства населения; производственная деятельность женщин и семья; расселение населения и его миграция; трудовые ресурсы; проблемы населения Средней Азии, Закавказья, Крайнего Севера. Анализ тематики конференций, а также представленных на них научных докладов показывает, что в эти годы в изучении народонаселения произошел коренной сдвиг. В сферу изучения вошли многообразные проблемы, обеспечившие в совокупности раскрытие широкого спектра взаимосвязанных вопросов народонаселения. Это был качественно новый подход к разработке проблем народонаселения, обусловленный тем, что в нее наряду с демографами впервые широко включились представители многих общественных и ряда естественных наук.

Закономерно, что в дискуссиях, развернувшихся в то время на конференциях и в печати, значительное место занимали вопросы, связанные с уяснением задач

¹ Их перечень см.: Киселева Г. П. Развитие исследования проблем народонаселения в СССР, с. 315.

и содержания исследований демографической науки, ее общего статуса. Исходя из сложившихся в предшествующий период представлений некоторые ученые стремились ограничить ее пределами демографической статистики. В то же время ряд их оппонентов, по существу, растворяли демографию в широко понимаемой ими науке о народонаселении.

В этой связи важное значение имела выработка определения предмета изучения демографической науки. Одним из первых наблюдения в этом направлении обобщил А. Г. Волков. «Демография, — отмечал он на симпозиуме, состоявшемся в МГУ в 1966 г., — это самостоятельная общественная наука, изучающая воспроизводство населения в его общественно-исторической обусловленности. Воспроизводство населения следует понимать в широком смысле слова, не только как его «естественное» воспроизводство вследствие рождаемости и смертности, но и как изменение его состава по ряду других социально-значимых признаков (национальность, образование и т. д.), носителем которых является человек как общественное существо. Объектом демографии следует считать при этом не только процесс воспроизводства в указанном смысле, но и те связи, посредством которых передается на население влияние общественного устройства, многообразные взаимоотношения между движением населения и развитием экономики»¹.

Выработка этого понимания предмета изучения демографии стала заметным достижением. И хотя затем данная трактовка его вызвала полемику и была подвергнута сомнению со стороны сторонников «узкого» подхода к демографии², приведенное определение сыграло свою роль в утверждении демографии как самостоятельной общественной науки, а его дефиниция получила широкое распространение.

¹ Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. М., 1969, с. 65.

² О последующем обсуждении предмета демографической науки см.: Ананьева Г. Е., Валентей Д. И., Дзарасова И. В. и др. Система демографических наук. — В кн.: Система знаний о народонаселении, с. 185—192; Рыбаковский Л. Л. Демографические структуры и процессы. — В кн.: Территориальные особенности народонаселения РСФСР. М., 1976; Пискунов В. П. Анализ материалов дискуссии о предмете и методе демографии. Препринт научного доклада. Киев, 1980.

Дискуссии, связанные с пониманием науки о народонаселении в целом, демографии и демографической статистики, конечно, не исчерпывали обсуждавшуюся тематику. Так, был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с разработкой законов народонаселения и прежде всего народонаселения социалистического общества⁴. Ученые обсуждали и ряд других проблем.

О широком диапазоне обсуждавшихся вопросов свидетельствует дискуссия о росте населения мира, прошедшая в 1965—1966 гг. на страницах «Литературной газеты». Отметим, что ей предшествовала статья в журнале «Коммунист», в которой было обращено внимание на проблемы мирового населения². Дискуссия в «Литературной газете» открылась статьей Б. Ц. Урланиса «Существуют ли проблемы народонаселения?», в которой ученый, решительно отвергнув панические предсказания мальтузианцев о перспективах «угрожающего многолюдия», вместе с тем показал объективную реальность проблем, вызванных современным ростом населения³. В последовавших затем статьях С. Г. Струмилина, Э. А. Араб-Оглы, Я. Н. Гувезатого и других были детально обсуждены вопросы этого роста и высказаны предостережения против упрощенного к ним подхода.

Обсуждение вызвало отклик за рубежом. Если буржуазная пресса писала о нем как об «идеологическом прорыве» в марксистско-ленинском изучении народонаселения, то принципиально иначе его оценила коммунистическая печать. «Проблема народонаселения (общая численность мирового населения по отношению к ресурсам и нынешние темпы роста первого по отношению к нынешним перспективам эксплуатации последних), — писал английский журнал «Марксизм Ту-дей», — так изменилась по своему характеру с середины прошлого века (примерного времени полемики Маркса с Мальтусом), что необходим свежий взгляд со стороны марксистов»⁴.

¹ См.: Болдырев В. А. Социалистический закон народонаселения. М., 1969.

² См.: Серегин В. Марксизм и антимарксизм о проблеме народонаселения. — Коммунист, 1964, № 3.

³ См.: Урланис Б. Ц. Народонаселение: исследования и публицистика. М., 1976, с. 310—316.

⁴ Цит. по: Гувезатый Я. Н. Проблемы народонаселения стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970, с. 11.

Во второй половине 60-х годов общественный интерес к демографической тематике настолько возрос, что она стала все шире освещаться на страницах массовых изданий — газет и обществено-политических журналов. Термин «демография», дотоле известный узкому кругу специалистов, входил в широкое обращение, а главное — проблемы народонаселения стали находиться в центре внимания общественности.

К этому времени в основном завершился процесс осознания демографии как самостоятельной отрасли научных знаний, что, в частности, отразили материалы Всесоюзного семинара по теоретическим проблемам демографии, проведенного в 1969 г. в МЭСИ. Их публикация открывается аргументированной статьей А. Я. Боярского, которая раскрыла содержание демографии как науки. «В демографии, — отмечал ученый, — мы действительно имеем систему знаний о состоянии населения, о его изменениях, о процессах воспроизводства населения и воздействия на эти процессы различных факторов, о закономерностях, проявляющихся в них, как общих, так и частных, о способах исследования этой области явлений. Мы находим в ней огромный, накопленный человечеством материал, который служит базой для ее исследования»¹.

Многообразие проводимых демографических исследований нашло отражение в тематике материалов семинара, которые были посвящены: политике народонаселения (Д. И. Валентей), социологическим проблемам демографии (Э. А. Араб-Оглы), демографическому прогнозированию (В. П. Пискунов, В. С. Стешенко), выборочному методу в изучении населения (А. Г. Волков), экономической демографии (Б. Ц. Урланис), демографическим исследованиям в социальной гигиене (А. М. Мерков), социально-психологическим аспектам демографического поведения (Л. Е. Дарский) и др.

К этому времени вопрос о том, что демографическая статистика исчерпывает содержание демографии и последняя как наука не существует, вызывавший споры еще в середине 60-х годов, практически отпал. Данный факт своеобразно подтвердила незавершенная дискуссия, которая шла в журнале «Вестник статистики» в 1969—1971 гг. Начало ей положила статья Д. И. Ва-

лентея «К вопросу о предмете науки о народонаселении» (1969, № 1). Против изложенных в ней взглядов выступил П. Г. Подъячих (1969, № 4), который не только отрицал существование науки о народонаселении, но и отстаивал тезис, что изучение населения исчерпывается демографической статистикой. Этот тезис был подвергнут критике всеми участниками обсуждения, которые аргументированно доказали факт развития самостоятельной демографической науки. Единодушие было настолько полным, что А. Я. Боярский назвал свою статью «Надо ли еще спорить?» (1970, № 1).

Обсуждение оказалось бесполезным. Оно выявило полную несостоятельность попыток подмены демографической науки демографической статистикой и окончательно отвергло их. Результаты обсуждения стали одним из свидетельств утверждения советской демографии, ее успешного поступательного движения.

Расширение изучения народонаселения выразилось и в дальнейшем его организационном обеспечении. Важным событием в этом явилось создание в 1968 г. при Отделении экономики АН СССР Научного совета «Социально-экономические проблемы народонаселения». В настоящее время он в качестве Научного совета АН СССР координирует изучение народонаселения в академических, а также ряде других научных учреждений.

В том же году Координационный совет по проблемам народонаселения был преобразован в Секцию по изучению проблем народонаселения Научно-технического совета Минвуза СССР. Секция объединила деятельность в области разработки проблем народонаселения не только в системе высшей школы, но и за ее пределами. В работе Секции участвуют сотрудники научно-исследовательских учреждений, представители плановых и статистических органов, ученые из многих городов страны.

Наряду с созданием этих преимущественно координационных органов укреплялись подразделения, непосредственно ведущие исследовательскую работу. Наиболее крупное из них возникло на экономическом факультете МГУ. В дополнение к работавшей здесь Проблемной лаборатории народонаселения в январе 1968 г. была образована кафедра народонаселения.

¹ Проблемы демографии. М., 1971, с. 6.

В апреле того же года они вошли в состав единого Центра по изучению проблем народонаселения (ЦН МГУ). Так было создано единственное в стране учебно-научное подразделение, активно развернувшее исследования и подготовку кадров.

Уже в 1971 г. был осуществлен первый выпуск студентов, специализирующихся по демографии. Центр взял на себя большую работу по составлению программ, методических и учебных пособий. Значительное место в его деятельности заняла подготовка кадров через аспирантуру¹.

Значительным научным подразделением стал сектор НИИ ЦСУ СССР, преобразованный в отдел демографии. Сотрудники отдела своими многочисленными публикациями² внесли немалый вклад в развитие советской демографии. Успешно продолжались демографические исследования в Институте экономики АН УССР, а также в ряде других академических и ведомственных институтов. В Ташкентском университете в 1972 г. была создана Проблемная лаборатория народонаселения³.

Развитие научных подразделений, увеличение кадров, занимающихся проблематикой народонаселения, учебная специализация по демографии в МГУ и по демографической статистике в МЭСИ, начало преподавания демографии студентам ряда экономических специальностей некоторых других вузов выдвинули задачу создания обобщающего пособия по этой новой учебной дисциплине. Решение ее стало возможным благодаря успехам в изучении народонаселения.

¹ Подробнее о деятельности ЦН МГУ см.: Бурнашев Э. Ю. Центру по изучению проблем народонаселения МГУ — 10 лет. — В кн.: Демографические аспекты занятости (Народонаселение). М., 1975.

² См.: Библиографический указатель работ сотрудников отдела демографии НИИ ЦСУ СССР по демографии и демографической статистике /Под ред. А. Г. Волкова. М., 1980.

³ Перечисленные выше демографические подразделения действуют и в настоящее время. В 1980 г. к ним прибавился Отдел демографии Института социологических исследований АН СССР. Он действует в составе трех секторов: воспроизводства населения, миграции, социально-демографических проблем Севера. Определенную работу в области демографии ведут также научные подразделения, занимающиеся трудовыми ресурсами: сектор НИИЭ Госплана СССР, отдел НИИтруда Госкомтруда СССР, лаборатория ЦЭМИ АН СССР. Подобные подразделения имеются также во всех союзных республиках.

Первое в истории науки марксистско-ленинское учебное пособие «Курс демографии» вышло под редакцией А. Я. Боярского в 1967 г. Эта книга, как и ее переработанное второе издание (М., 1974), занимает особое место в истории советской демографической науки. В ней впервые было дано систематическое и глубокое изложение всех основных аспектов изучения народонаселения, демографическая проблематика приведена в стройную систему и получила четкое и логическое освещение. Выход «Курса демографии» зримо зафиксировал значительные изменения, произошедшие в развитии советской демографии к середине 70-х годов.

Своеобразным итогом первого этапа современного развития советской демографии явился вышедший двумя изданиями (1971 и 1974 гг.) фундаментальный коллективный труд под редакцией Д. И. Валентея «Марксистско-ленинская теория народонаселения». Он был высоко оценен в партийной печати: «Книга — отмечалось в «Правде», — в известной мере подводит итог большой творческой работе в области народонаселения, осуществленной представителями общественных и естественных наук»¹.

Последнее было подчеркнуто не случайно: выход книги явился результатом реализации комплексного подхода к изучению народонаселения. В создании работы наряду с демографами принимали участие представители философской, экономической, географической, этнографической, психологической и медицинской наук. На подобной основе, с привлечением такого широкого круга специалистов из целого ряда смежных с демографией наук, исследование народонаселения осуществлялось впервые.

Отметим также, что при создании этого труда к коллективному творчеству советских ученых впервые были привлечены ученые социалистических стран (ВНР, ГДР, ПНР). В настоящей работе нет возможности остановиться на состоянии демографической науки в этих странах. Укажем лишь, что в некоторых из них она достигла значительного развития², одним из

¹ Правда, 1971, 2 нояб.

² См.: Проблемы народонаселения. Над чем работают ученые социалистических стран /Под ред. Д. И. Валентея и В. В. Бодровой. М., 1977.

наглядных выражений чего является сотрудничество ученых этих стран с советскими учеными, проявившееся и в подготовке рассматриваемого труда.

Если попытаться лаконично охарактеризовать его содержание, то можно сказать, что это своеобразная энциклопедия марксистско-ленинских знаний о народонаселении, выработанных к середине 70-х годов. Авторский коллектив книги, опираясь на достигнутое в изучении демографической проблематики, вместе с тем значительно продвинул это изучение, вышел на новые исследовательские рубежи.

«В результате анализа объективных закономерностей развития народонаселения, — писал в предисловии ко второму изданию этой книги С. Г. Струмилин, — и дальнейшего совершенствования методологии изучения социально-демографических процессов, авторы пришли к очень интересным и серьезным выводам. Склонен согласиться с мнением, что эффективная разработка проблем народонаселения должна и впредь осуществляться комплексно представителями широкого круга общественных и ряда естественных наук. Только таким образом можно добиться новых серьезных результатов в области теории и методологии, в частности при изучении взаимосвязи экономических и демографических процессов в развитом социалистическом обществе»¹.

Два названных издания — «Курс демографии» и «Марксистско-ленинская теория народонаселения» — далеко не исчерпывают, конечно, богатство демографической литературы конца 60-х — начала 70-х годов. Но обобщающий характер этих трудов, созданных авторитетными коллективами ученых, позволяет судить о состоянии науки в то время и сделать вывод о постепенном переходе ее на новый этап своего развития.

2. *Советская демография в последнее десятилетие.* Этот этап, начавшийся в первой половине 70-х годов, органически связан с предшествующим, на котором были заложены основы современного развития советской демографии. Опираясь на достигнутое, советская демографическая наука в последнее десятилетие добилась ряда новых важных успехов, получила окончательное признание как самостоятельная общественная наука.

¹ Марксистско-ленинская теория народонаселения, с. 3.

Такое признание не случайно закреплено в партийных документах. Самая характерная черта современного этапа развития советской демографии заключается в том, что оно идет под прямым воздействием указаний КПСС по вопросам народонаселения. На XXIV съезде КПСС (1971 г.) было обращено внимание на необходимость разработки долгосрочных прогнозов роста населения. На XXV съезде КПСС было указано, что из поля зрения советских ученых не должны выпадать обострившиеся проблемы народонаселения, выдвинута задача разработки демографической политики. XXVI съезд КПСС поставил эти вопросы в практической плоскости проведения эффективной демографической политики. Вместе с тем в его решениях отмечена необходимость сосредоточить усилия на исследовании теоретических вопросов демографии¹.

Постоянное внимание КПСС к проблемам народонаселения стало определяющим в современном резком наращивании исследований в этой области. В 1974—1981 гг. вышли три библиографических указателя² литературы по проблемам народонаселения, изданной в 1960—1978 гг. В них учтены почти 11 тыс. работ!

Указатели отразили объективный процесс формирования комплексного изучения широкого круга проблем народонаселения, осуществляемого наряду с демографической наукой целым рядом других наук и научных направлений. Значительное внимание этим проблемам, особенно в аспекте трудовых ресурсов, уделяют экономисты. Активно изучают рождаемость и семейно-брачные отношения социологи и отчасти психологи, географы — миграцию населения. Еще более давние связи с демографией у представителей медицинской науки. Начали сотрудничать с демографией историки, этнографы, правоведы и представители ряда других наук.

Большую часть учтенных в указателях работ составляют статьи. Обилие сборников статей отчасти объясняется продолжающимся систематическим проведением научных конференций и совещаний по различным вопросам изучения народонаселения, проходя-

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 145.

² См.: Библиография по проблемам народонаселения. 1960—1971 гг. М., 1974; Библиография по проблемам народонаселения. 1972—1975 гг. М., 1977; Литература о населении. 1975—1978 гг. М., 1981.

ших примерно два-три раза в год. Издание их материалов, а также других сборников в какой-то мере восполняет отсутствие в стране специализированного демографического журнала.

Последнее обстоятельство сказалось и на появлении серийных изданий. Наиболее значительными из них стали тематические сборники «Народонаселение», которые выходят с 1973 г. четыре раза в год. Они являются органом Секции народонаселения Научно-технического совета Минвуза СССР, их подготовка осуществляется в ЦН МГУ. За годы издания сборников на их страницах выступили многие крупные демографы страны, широко публиковались статьи молодых ученых, а также практических работников. В сотнях статей сборников «Народонаселение» наряду с собственно демографической тематикой раскрываются народонаселенческие аспекты многих наук. Отдел демографии НИИ ЦСУ СССР готовит серию «Демографические исследования». Книги серии представляют собой либо монографии сотрудников отдела, либо сборники их статей¹.

Даже самая общая характеристика современных изданий по народонаселению показывает их многообразие и широту охваченных ими проблем. Эта обширная научная литература нуждается в специальном анализе. В данном же случае представляется возможным осуществить лишь общую предварительную систематизацию рассматриваемой в ней тематики и наметить некоторые основные линии современного изучения народонаселения.

В соответствии с этим обзор литературы (ограниченный только книжными изданиями) проводится в следующей последовательности: в начале рассматриваются работы общего характера (в том числе и теоретико-методологические), затем — посвященные конкретной проблематике (рождаемость, смертность и др.), далее отмечаются некоторые междисциплинарные исследования (экономико-демографические, философские, правовые и т. д.), а также работы, отражающие раз-

¹ Это издание, а также сборники «Народонаселение», серия «Популярная демография» выпускаются демографической редакцией издательства «Финансы и статистика», являющейся единственной в стране редакцией, специализирующейся на издании работ по демографии.

витие демографических процессов по СССР в целом и его республикам. Обзор завершается краткой характеристикой изучения зарубежной тематики.

Рассмотрение *работ общего характера* целесообразно начать с обзора некоторых изданий, посвященных общим вопросам современного понимания демографической науки, а также всего изучения народонаселения. В 1975 г. вышла под редакцией О. В. Лармина коллективная работа «Место демографии в системе наук». Уже из названия ее следует, что она исходит из признания самостоятельности демографической науки и ставит задачу определить ее взаимоотношения с другими науками, изучающими народонаселение. В главах книги их авторы на конкретном материале раскрывают многообразие граней соприкосновения демографии с социологией, экономическими науками, географией населения, психологией, правом, медициной, математикой и историческими науками.

Теоретические вопросы взаимосвязи наук в изучении народонаселения исследуются в изданной в 1976 г. монографии под редакцией Д. И. Валентя «Система знаний о народонаселении». Этот труд — результат многолетней работы коллектива ЦН МГУ. Как указывалось ранее, еще в начале 60-х годов была сформулирована гипотеза о комплексной синтезирующей науке о народонаселении. В последующие годы исследования, связанные с этой гипотезой, расширялись¹. С созданием ЦН МГУ комплексный подход в изучении народонаселения был положен в основу его деятельности. Выход «Системы знаний о народонаселении» стал важным рубежом в этой деятельности и примечательным научным событием. В «Правде» отмечалось, что этот коллективный труд представляет собой новый этап в исследовании и освещении проблем народонаселения, «дает основание говорить о том, что у нас сложилось научное направление со своим, конкретно-историческим подходом к изучению, осмысливанию и обобщению демографических процессов»².

¹ Так, в книге Д. И. Валентя «Теория и политика народонаселения» (М., 1967) на большом историческом и современном материале была показана роль целого ряда наук в широком изучении проблем народонаселения.

² Правда, 1977, 31 марта.

На основе анализа объективного процесса развития науки сторонники комплексно-синтезирующего подхода к изучению народонаселения разработали основные теоретические вопросы такого подхода и изложили их в названном труде. Основу комплексной синтезирующей науки — системы знаний о народонаселении — составляют, по их мнению, методологические науки (исторический материализм, научный коммунизм и политическая экономия), сердцевину — демографическая наука, тесно взаимодействующая с широким кругом общественных и рядом естественных наук, изучающих народонаселение.

Система знаний о народонаселении, будучи совокупностью организованного знания, конечно, не сводится к простой ранжировке наук, а стремится обеспечить наиболее плотную «стыковку» между ними и синтез полученных в них знаний о народонаселении. В этом плане большое значение имеет разработка авторами общей теории народонаселения, связанных с ней научных категорий «развитие народонаселения», «качество народонаселения», а также формулировка ими всеобщего закона развития народонаселения.

Хотя некоторые из этих теоретических вопросов изложены в книге в порядке их научной постановки, они уже сейчас представляют практический интерес. Так, имеет важное значение новое содержание, которое вкладывается в понятие «развитие народонаселения». Оно должно включать в себя не только численную динамику населения (как это делалось раньше), но и «динамику качественных характеристик населения, взаимосвязанное изменение его широко понимаемых структур»¹. Если предметом демографической науки является изучение закономерностей демографического воспроизводства, то система знаний о народонаселении, как считают ученые, разрабатывающие ее теоретические вопросы, имеет своим предметом раскрытие законов всего развития народонаселения (включая и демографическое воспроизводство).

Наряду с рассмотренными изданиями, появилось еще несколько книг, посвященных изучению народонаселения в целом и демографии. Это — прежде всего но-

вые учебные пособия. Вышло двумя изданиями (1973 и 1977 гг.) пособие «Основы теории народонаселения», дающее характеристику развития народонаселения в каждой из общественно-экономических формаций, критику его концепций, а также излагающее основные положения системы знаний о народонаселении. В 1980 г. увидело свет пособие А. Я. Боярского, Д. И. Валентея, А. Я. Кваши «Основы демографии», приближенное к типу учебника.

Из общих работ не дидактического характера следует назвать книгу В. С. Стещенко «Демография в современном мире» (М., 1978). Автор сумела найти своеобразный аспект для постановки основных проблем демографии. Она рассматривает международное сотрудничество в данной области, характеризует сущность демографической проблематики, стремится раскрыть специфику текущего момента развития демографии в СССР.

Одним из важных проявлений растущей зрелости современного марксистско-ленинского изучения народонаселения является постоянное внимание к разработке его *теоретико-методологических проблем*. Глубокое осмысление наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, разработка КПСС теории развитого социализма, ее указания по вопросам народонаселения создали прочную основу для исследования методологических аспектов народонаселенческой проблематики. Такие исследования ведутся как в целом по данной проблематике, так и по отдельным крупным ее разделам.

К числу первых принадлежит книга О. В. Лармина «Методологические проблемы изучения народонаселения» (М., 1975). Она посвящена рассмотрению ряда сложных и мало разработанных общетеоретических и методологических проблем демографии. Автор рассматривает народонаселение как особую социальную подсистему в системе «общество». В работе анализируются вопросы соотношения объективных и субъективных факторов, сознательного и стихийного в демографических процессах. Книга завершается анализом вопросов политики народонаселения в развитом социалистическом обществе.

Эти вопросы в центре внимания коллективного труда «Управление развитием народонаселения в СССР» (М., 1977) под редакцией А. Я. Кваши. В данном труде

¹ Валентей Д. И. Проблемы управления процессами развития народонаселения. — Вопросы философии, 1978, № 2, с. 4.

подготовленном ЦН МГУ, развивается ряд положений «Системы знаний о народонаселении» (проблема качественных характеристик населения и др.) и вместе с тем отражено одно из основных современных направлений работы этого научного коллектива. Авторы осуществили комплексное исследование основных черт демографической политики в условиях зрелого социализма. Они предприняли серьезную попытку обосновать возможность и необходимость планомерного развития народонаселения в социалистическом обществе, убедительно показали беспочвенность подхода к этому процессу как стихийному и неуправляемому¹.

Результатом исследований в этом направлении явилась книга А. Я. Кваши «Демографическая политика в СССР» (М., 1981). Это — одна из первых книг по данной теме. В ней раскрываются современные генеральные тенденции демографических процессов и на этой основе определяются цели демографической политики, характеризуются ее проблемы.

Ряд важных методологических проблем получил освещение в коллективной работе «Воспроизводство населения в условиях развитого социализма», изданной в 1978 г. в Киеве. В ней поставлены теоретические вопросы, связанные с изучением воспроизводства населения², законами и закономерностями демографического развития, на конкретных материалах раскрывается методология изучения народонаселения. В книге характеризуются особенности формирования состава населения. Значительное внимание уделено изучению структурных особенностей семьи и ее роли в воспроизводстве населения. Работа завершается раскрытием влияния миграции на формирование населения. Этот коллективный труд сотрудников Института экономики АН УССР охарактеризовал на базе материалов республики многие особенности демографических процессов.

Конкретные исследования этих процессов, и прежде всего одного из них — *рождаемости*, составляют основную часть современной демографической литературы.

Изучение рождаемости не просто выдвинулось на передний план, а стало ведущим направлением в современной демографии. В литературе даже появились утверждения, что демография «посвящает себя главным образом проблеме рождаемости»¹.

Из ряда черт, характеризующих современное изучение рождаемости, отметим возрастающее значение ее обследований и на основе их разработки освещение различных сторон этого демографического процесса. Одной из первых крупных работ такого плана стала книга Р. И. Сифман «Динамика рождаемости в СССР» (М., 1974). Большой фактический материал выборочных обследований рождаемости, проведенных в 1960 г. и 1967—1968 гг., позволил автору охарактеризовать общие тенденции динамики рождаемости, показать переход к малодетной семье, социальную дифференциацию рождаемости.

На материалах только одной республики — Латвийской ССР, но также на основе комплексного социально-демографического и социально-гигиенического обследования построили свою работу «Изучение рождаемости» (М., 1973) Ш. И. Шлиндман и П. П. Звидриньш. И. П. Каткова провела обследования по этой проблеме в аспекте молодой семьи. Важное значение имела работа В. А. Беловой и Л. Е. Дарского «Статистика мнений в изучении рождаемости» (М., 1972). Позже В. А. Белова на основе обследования, явившегося первым обследованием, которое дало представительную информацию о репродуктивной установке брачных пар, подготовила книгу «Число детей в семье» (М., 1975).

Результатом проведенного в 1972 г. широкого выборочного обследования стала коллективная книга «Сколько будет детей в советской семье» (М., 1977). Ее авторы рассмотрели дифференциацию рождаемости по этническим группам, по уровню образования, по типам поселений, а также зависимость числа детей от доходов семей.

Литература о рождаемости — многопланова и подчас дискуссионна. С интересом был встречен сборник статей под редакцией Л. Е. Дарского «Рождаемость» (М., 1976), авторы которого дали новую постановку

¹ Продолжая работу над этой тематикой, коллектив ЦН МГУ выпустил в 1982 г. новую коллективную монографию под редакцией Н. В. Зверевой — «Основы управления развитием народонаселения».

² См.: *Стещенко В. С.* Изучение воспроизводства народонаселения (теоретические проблемы). Киев, 1982.

¹ *Рубин Я. И.* Оптимум населения: что за этим понятием?, с. 30.

ряда вопросов, подвергли критике устаревшие, по их мнению, подходы к решению проблем рождаемости, выдвинули новые гипотезы, некоторые из них спорные. Заметным событием стал выход книги В. А. Борисова «Перспективы рождаемости» (М., 1976). В ней обобщены результаты наиболее значительных исследований по изучению рождаемости, проведенных как в СССР, так и за рубежом, дается их критический анализ, рассматривается методология изучения рождаемости. Автор стремится выявить факторы снижения рождаемости и определить мероприятия по ее стабилизации и повышению.

Особенности развития рождаемости у отдельных народов явились предметом исследования в книге Г. А. Бондарской «Рождаемость в СССР (Этнодемографический аспект)» (М., 1977). С интересной работой, пропагандирующей демографические знания, выступила Г. П. Киселева — автор научно-популярной книги «Нужно ли повышать рождаемость?» (М., 1979). Это издание содержит ряд оригинальных наблюдений, связанных с изучением рождаемости.

Теоретические и методологические проблемы репродуктивного поведения раскрыты в исследовании А. И. Антонова «Социология рождаемости» (М., 1980). Автор на материалах отечественных и зарубежных исследований, а также на основе собственных изысканий впервые в литературе изложил теорию репродуктивного поведения. Характеризуя структуру репродуктивного поведения, он показывает его нормы, установки, мотивы, раскрывает ряд других вопросов. В книге сделана попытка дать свое объяснение снижению рождаемости. В заключение А. И. Антонов уделяет большое внимание определению путей демографической политики по стимулированию рождаемости.

Его исследование — социолого-демографическое. К этому же типу работ относится книга А. Г. Харчева и М. С. Мацковского «Современная семья и ее проблемы» (М., 1978). Авторы, анализируя проблемы семьи, рассматривают ее роль в воспроизводстве населения. Вопросы изучения семьи подняты и в книге В. А. Сысенко «Устойчивость брака» (М., 1981), в которой содержится ряд важнейших характеристик брачности. Активно и углубленно исследуют проблемы брачности и семьи демографы (работы А. Г. Волкова, книги Л. Е. Дарского

«Формирование семьи» (М., 1972) и И. А. Герасимовой «Структура семьи» (М., 1976), сборники «Демографические проблемы семьи» (М., 1978) и «Демографическое развитие семьи» (М., 1979).

Уделяя основное внимание исследованию рождаемости и связанных с ней проблем, демографическая наука продолжает изучение и другого демографического процесса — *смертности*, вопросов продолжительности жизни. Дифференциальный анализ продолжительности жизни в СССР изложил Е. М. Андреев в сборнике «Продолжительность жизни: анализ и моделирование» (М., 1979). В этом же сборнике опубликована статья К. Ю. Шабурова об изучении детской смертности, В. А. Бирюкова о сердечно-сосудистых заболеваниях и продолжительности жизни.

Крупным вкладом в изучение рассматриваемой проблематики явилась книга Б. Ц. Урланиса «Эволюция продолжительности жизни» (М., 1978). Она написана на основе большого фактического материала. Автор исследует продолжительность жизни в социалистических, капиталистических и развивающихся странах, а также в мире в целом. Проанализировав причины смерти и факторы продолжительности жизни, он завершает книгу рассмотрением путей увеличения последней.

Борьба за продолжительность жизни неразрывно связана с изучением проблем здоровья населения, исследованием ряда медико-демографических вопросов. Закономерности и тенденции в здоровье населения и их взаимосвязь с демографическими факторами раскрываются в целом ряде работ, вышедших за последние годы. Отметим среди них обстоятельное исследование М. С. Бедного «Медико-демографическое изучение народонаселения» (М., 1979). Автор был инициатором дискуссии о новой научной дисциплине — медицинской демографии — и теперь аргументированно выступает за ее утверждение. Большая часть книги посвящена конкретным медико-демографическим вопросам, в работе рассматриваются и некоторые проблемы смертности.

Изучение рождаемости и смертности, как двух основных демографических процессов, сопровождается в современной литературе анализом ряда других проблем и прежде всего исследованием *демографической*

структуры населения. В связи с этим следует назвать книгу С. И. Пирожкова «Демографические процессы и возрастная структура населения» (М., 1975), в которой раскрыта взаимосвязь воспроизводства населения и его возрастной структуры, исследованы вопросы влияния рождаемости, смертности и миграции на формирование возрастного состава населения, а также ряд других. Автор особо рассматривает возрастную структуру населения как фактор демографического роста. Работа С. И. Пирожкова выполнена преимущественно в теоретическом плане. Несколько иной подход к данной теме у И. В. Калинюк, написавшей книгу «Возрастная структура населения СССР» (М., 1975). И. В. Калинюк также рассматривает ряд теоретических вопросов. Вместе с тем она анализирует эволюцию возрастной структуры населения СССР, показывает ее конкретные социально-демографические последствия.

Говоря об изучении демографических процессов и структур, нельзя не отметить определенные достижения в области методики и практики *демографического анализа*. Следует констатировать, что стал широко применяться метод реального поколения (продольного анализа). Развернулось изучение мнений населения о предпочтительности для него того или иного типа демографического поведения, появились работы по анализу механизма формирования разных типов репродуктивного поведения. Разрабатываются современные методы анализа брачности и разводимости, развивается методика прогнозирования семейного состава населения. Важное значение имеют разработки математических моделей населения, сделаны первые попытки создания имитационных экономико-демографических моделей. Моделирование внедряется и в исследование миграций населения.

Среди специалистов в области народонаселения нет единства по вопросу об отнесении к демографии изучения *миграционных процессов*. Не вдаваясь в эту дискуссию, напомним, что с конца XIX — начала XX в. миграция («механическое движение населения») традиционно была одним из объектов рассмотрения демографии (статистики населения). Такой авторитетный демограф, как Б. Ц. Урланис, относил миграцию к ряду с рождаемостью и смертностью к основным де-

мографическим процессам¹. Вне зависимости от дискуссии, по фактическому ходу изучения данной проблемы можно заключить, что, несмотря на большую роль, которую играют в ее изучении географы и представители ряда других наук, она тяготеет и к демографии, являясь одним из существенных факторов воспроизводства населения.

Литература о миграции населения и его расселении — одна из наиболее обширных. Назовем только некоторые работы, характеризующие ее. В становлении современного изучения миграций приметными вехами стали коллективные работы под редакцией Т. И. Заславской о миграции сельского населения (Новосибирск, 1969; М., 1970), под редакцией А. З. Майкова о миграции населения РСФСР (М., 1973), под редакцией Б. С. Хорева и В. И. Моисеенко о миграционной подвижности населения СССР (М., 1974). Основы изучения данной проблемы закладывались также в конкретных исследованиях Л. Л. Рыбаковского (М., 1973); Ж. А. Зайончковской, разработавшей методику изучения приживаемости мигрантов (М., 1972); В. И. Переведенцева о перемещениях населения Сибири и методах изучения миграции (М., 1975).

Обобщающей работой явилась книга Б. С. Хорева и В. Н. Чапека «Проблемы изучения миграции населения» (М., 1978). Ее значительная часть посвящена анализу методологических и методических вопросов изучения миграции населения. Авторы дают краткий обзор международных миграций и сосредотачивают основное внимание на проблемах размещения и миграции населения СССР. Здесь большое внимание уделяется вопросам управления и прогнозирования этого процесса, миграционной политики.

Рассмотрение миграционных процессов — наглядное проявление междисциплинарного подхода к одной из основных областей изучения народонаселения. Такой подход выявился в последние годы и в других областях этого изучения. Пожалуй, наиболее значительный характер он принял в анализе *взаимосвязи демографических и экономических процессов*. Зарождение эконо-

¹ См.: Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974, с. 21.

мической демографии и научного направления — экономики народонаселения отразили потребность в экономических исследованиях, связанных с проблематикой народонаселения. Они идут по ряду направлений.

Социально-экономическая обусловленность демографических процессов раскрывается в книге А. Я. Кваши «Проблемы экономико-демографического развития СССР» (М., 1974). Автор анализирует социально-экономические последствия различных типов воспроизводства населения и дает теоретическую постановку вопроса об оптимальном типе воспроизводства населения СССР. Его критерии, параметры и более широкие проблемы политики народонаселения и демографической политики рассматриваются также и в другой работе этого автора — «Проблемы демографического оптимума» (М., 1974). Из работ политико-экономического характера следует назвать книгу Ю. А. Бжилянского «Проблемы народонаселения при социализме» (М., 1974).

Комплексно исследуется взаимосвязь демографических и экономических процессов в монографии Н. В. Панкратьевой «Население и социалистическое воспроизводство» (М., 1977). В центре внимания автора — демографический фактор роста национального дохода и его распределения на фонды потребления и накопления. Большое внимание уделяется демографическому накоплению, его эффективности, а также демографической политике.

Демографический фактор в экономическом развитии характеризуется в работе Т. Н. Медведевой «Экономические проблемы роста населения и использования трудовых ресурсов в СССР» (М., 1978), а также в книге А. А. Ткаченко «Экономические последствия демографических процессов в СССР» (М., 1978). Э. К. Васильева провела исследования социально-экономической структуры населения СССР (М., 1978). Результаты многолетних работ в области экономики народонаселения и трудовых ресурсов изложены в книге М. Я. Сонина «Развитие народонаселения: экономический аспект» (М., 1980).

Хотя и менее активно, чем экономисты, но все же деятельно принимают участие в разработке проблем народонаселения философы. Проведенная в середине 70-х годов встреча за «круглым столом» в редакции

журнала «Вопросы философии»¹ показала заинтересованность представителей этой науки в исследовании *социально-философских проблем демографии*. На ней же выявились два направления таких исследований: философский анализ общих вопросов развития населения и конкретное изучение социально-демографических проблем. В рамках первого направления выполнено исследование Г. М. Коростелева «Рост народонаселения и общественный прогресс» (Свердловск, 1968). В нем раскрыты место и роль народонаселения в общественной жизни, характеризуется соотношение социальных условий и воспроизводства населения, рост последнего как фактора социального прогресса.

Актуальна работа И. С. Даниленко «Народонаселение и война» (М., 1981). Обычно эта тема в демографической литературе рассматривается в плане людских потерь и влияния войн на воспроизводство населения. В этом исследовании иной подход: раскрытие места и роли народонаселения в подготовке и ведении войн, их воздействие на проблемы народонаселения. Из конкретных работ назовем книгу Г. А. Слесарева «Демографические процессы и социальная структура социалистического общества» (М., 1978). Автор рассматривает социально-экономические последствия демографических изменений и роль социальных факторов в изменении демографических процессов. Подробно исследуются роль молодежи как социально-демографической группы, демографические проблемы занятости женщин и пенсионеров, роль брака и семьи в изменении социальной структуры социалистического общества.

Народонаселение изучается и в других аспектах: правовом, с точки зрения образовательного уровня и т. д. По первому из них имеется обстоятельная работа Е. М. Ворожейкина «Семейное право и народонаселение» (М., 1976). В недавно вышедшей книге Г. И. Литвиновой «Право и демографические процессы в СССР» (М., 1981) рассматривается воздействие права на рождаемость, продолжительность жизни, миграцию населения. Социально-демографические вопросы образования изложены в книге Е. С. Самойловой «Население и образование» (М., 1978). Широкий круг проблем

¹ Вопросы философии, 1974, № 9, 11; 1975, № 1.

рассмотрел в своей книге «Уровень образования населения СССР» (М., 1981) В. П. Томин. Особый интерес представляет характеристика им взаимосвязи образования с важнейшими демографическими процессами: продолжительностью жизни, некоторыми сторонами жизнедеятельности семьи, рождаемостью, миграцией.

Названные выше работы посвящены в основном рассмотрению отдельных проблем демографического развития СССР. Вместе с тем появились исследования, дающие *целостную характеристику демографических процессов по СССР или его республикам*. Среди них особое место занимают труды Б. Ц. Урланиса, оказавшие воздействие на многие другие исследования. Еще в 1963 г. вышла его книга «Рождаемость и продолжительность жизни в СССР», в которой впервые была дана характеристика воспроизводства населения страны. Книга сохранила свое значение до наших дней. Изданный десять лет спустя его труд «Проблемы динамики населения СССР» (М., 1974) содержит взгляды ученого на возможность демографического предвидения. Значительное внимание в нем уделялось также изложению проблем населения с экономической, социологической, социально-гигиенической и ряда других точек зрения.

Демографические процессы в СССР в послевоенный период анализируются и в книге М. В. Курмана (1905—1980) «Актуальные вопросы демографии» (М., 1976). Помимо традиционных вопросов воспроизводства населения, его миграции и расселения, в книге рассматривается занятость населения, характеризуются пути оптимизации демографических процессов.

Новым видом литературы стали работы о народонаселении республик. Они начали издаваться в 60-е годы, когда вышли книги о населении Латвии (Б. Я. Межгайлис), Грузии (В. Ш. Джаошвили), Белоруссии (А. А. Раков). Теперь имеется целая серия таких работ. Ее открывает сборник статей под редакцией Т. В. Рябушкина «Население союзных республик» (М., 1977). Первая статья сборника, написанная Т. В. Рябушкиным, посвящена динамике и структуре населения СССР в целом, в последующих статьях рассказывается о демографических процессах в каждой из республик. Население СССР, но с учетом его национального состава, этнодемографических особенностей

рассматривается В. И. Козловым в книге «Национальности СССР» (М., 1975 и переизданной в 1982 г.).

Из работ о населении республик выделяется написанная коллективом авторов под редакцией Л. Л. Рыбаковского книга «Территориальные особенности народонаселения РСФСР» (М., 1976), в которой показана специфика воспроизводства населения и его миграции в условиях самой крупной союзной республики. По демографическим зонам (территориям с однородной демографической ситуацией) анализируют демографические процессы авторы другой коллективной работы — «Демографическое развитие Украинской ССР» (Киев, 1977). Появились исследования и по другим союзным республикам. Так, по среднеазиатскому региону вышли книги: Х. С. Салимов «Население Средней Азии» (Ташкент, 1975); И. Р. Мулладжанов, Ю. В. Вороновский, Т. С. Цепковская «Население Узбекской ССР» (Ташкент, 1973).

Наконец, необходимо отметить, что значительно шире и на более высоком уровне развивается изучение *народонаселения зарубежных стран*. В настоящее время имеется большое число работ по социалистическим, развивающимся и капиталистическим странам, а также по населению мира в целом. Нужно прежде всего отметить ряд исследований о народонаселении первой из отмеченных групп стран. Здесь заметным событием явился выход книги В. В. Бодровой «Народонаселение европейских социалистических стран» (М., 1976), которая не только рассмотрела демографические процессы в этих странах, но и охарактеризовала демографическую политику в каждой из них. Примером конкретного исследования по отдельной стране стала книга А. С. Первушина «Население Республики Куба» (М., 1976).

Значительный материал исследован и обобщен в монографии Т. В. Рябушкина и Р. А. Галецкой «Динамика и структура населения в социалистическом обществе» (М., 1979). В книге освещены такие проблемы, как динамика общей численности населения, рождаемость, продолжительность жизни, половозрастная структура, миграция и др. В ней изложены теоретические вопросы демографической политики в социалистическом обществе и систематизированы мероприятия, проводимые социалистическими странами в области народонаселения.

Усиливается внимание советских демографов к проблемам народонаселения развивающихся стран. Одной из первых книг по этой тематике было исследование В. В. Петрова «Население Индии» (М., 1965). Через несколько лет увидела свет обобщающая работа Я. Н. Гузеватого «Проблемы народонаселения и социально-экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки» (М., 1970). Хотя автор последовательно рассматривает три аспекта проблем народонаселения: демографический, экономический и политический, первый из них проходит через всю книгу и определяет ее содержание. В поле зрения данного исследования — все развивающиеся страны. В последующие годы появились работы по отдельным регионам и странам: «Латинская Америка: демографический взрыв?» (М., 1971), «Население развивающихся стран» (М., 1976) и др. Новая книга Я. Н. Гузеватого «Демографо-экономические проблемы Азии» (М., 1980) исследует регион, в котором сосредоточено более половины мирового населения. Я. Н. Гузеватый рассматривает демографическую ситуацию, сложившуюся в регионе в целом, а также по отдельным странам, в том числе в двух крупнейших по числу жителей странах мира — Индии и Китае. Назовем также изданную в 1982 г. книгу А. П. Судоплатова и Н. Ю. Сазоновой «Актуальные проблемы народонаселения развивающихся стран».

По тематике народонаселения капиталистических стран накопился значительный статейный материал, но книжных изданий пока нет¹, что отражает недостаточность развития демографического страноведения.

Ряд работ выполнен по проблематике *населения мира в целом*. Еще в 1962 г. под редакцией С. И. Брука был издан том «Численность и расселение народов мира», в котором были изложены сводные данные о мировом населении. Пять лет спустя вышел первый обобщающий в советской литературе труд по динамике численности различных народов — монография В. И. Козлова «Динамика численности народов» (М., 1969). Широкой популярностью пользуется справочник под редакцией Б. Ц. Урланиса «Народонаселение стран мира» (М., 1974 и 1978). Следует отметить также кол-

¹ Исключение составляет работа: Звидриньш П. П. Население Великобритании. М., 1979.

лективное издание под редакцией Э. Ю. Бурнашева «Естественное движение населения современного мира» (М., 1974). В нем на обширном демографо-статистическом материале показаны основные тенденции роста населения мира и его региональные особенности. Недавно этот вид литературы пополнился этнодемографическим справочником С. И. Брука «Население мира» (М., 1981).

Зарубежная тематика — сфера непосредственного соприкосновения советской демографии с буржуазной наукой, хотя оно происходит, конечно, и в других областях демографических исследований. Отметим, что советские ученые внимательно следят за состоянием зарубежной науки. За истекшие годы переведен ряд крупных работ буржуазных демографов — Р. Пресса, А. Со-ви и др. Такую переводную работу главным образом по тематике демографического анализа ведет отдел демографии НИИ ЦСУ СССР, осуществляющий с 1968 г. подготовку к изданию серии «Новое в зарубежной демографии». Несколько сборников переводных работ под общим названием «Проблемы народонаселения» подготовлены к печати ЦН МГУ.

Вместе с тем одной из основных задач советской демографической науки, реализуемой ею на деле, остается систематическая и последовательная *борьба с идейными противниками* в области изучения народонаселения. Этой важнейшей проблеме были посвящены в последние годы работы Э. А. Араб-Оглы, А. Я. Боярского, Д. И. Валентя, Я. Н. Гузеватого, Ю. П. Лисицына, Г. М. Коростелева, О. Б. Осолковой, Я. И. Рубина, Б. Я. Смулевича, А. П. Судоплатова и ряда других ученых. Кроме этих работ, специально посвященных критике буржуазных концепций, их анализ дается во многих конкретных исследованиях и, что особенно важно, марксистско-ленинская наука о народонаселении вышла ныне на такие рубежи, которые позволяют ей не только уверенно противостоять всем антинаучным фальсификациям демографической проблематики, но и занимать ведущее место в мире.

Современная советская демографическая наука находится в постоянном движении. В ней немало дискуссионных вопросов, еще не разработанных проблем, но тем не менее она все более утверждается как самостоятельная общественная наука, лидирующая в объек-

тивно сложившейся целой системе научных знаний о народонаселении. Выполняя указания КПСС, ученые подчиняют все свои исследования потребностям развитого социализма, коммунистического строительства и вместе с тем выступают на международной арене как представители марксистско-ленинской науки, облачая антинаучные концепции народонаселения и утверждая его подлинно научное изучение.

Международное демографическое сотрудничество и некоторые черты современной буржуазной демографии

Современное изучение народонаселения происходит под воздействием глобальных общественно-политических, социально-экономических и демографических изменений. Возникновение мировой социалистической системы, обострение противоборства сил социализма и империализма, прогресса и реакции стали определяющими во всем развитии человечества. В корне изменили обстановку на мировой арене и крах колониализма, образование десятков новых государств. Еще в 1952 г. А. Сови по аналогии с «третьим сословием», которое в свое время добивалось равных прав, пустил в оборот выражение «третий мир»¹. Образование и становление развивающихся стран, далеко не однородных и идущих сложными путями, сказались и на мировой демографической ситуации. Недаром американский демограф Р. Кук в 1954 г. ввел новое понятие — «демографический взрыв»².

Это — больше публицистическое, чем научное понятие. Но тем не менее оно образно отражает один из феноменов современности: беспрецедентный в истории рост темпов увеличения численности мирового населения. В 1950 г. она составляла 2,4 млрд. человек, примерно десять лет спустя достигла 3 млрд., а в 1976 г. — 4 млрд. человек³. Если от одного млрд. ко второму млрд. своей численности человечество шло более ста лет, то путь до третьего млрд. был проделан за

¹ Сови А. Общая теория населения. Т. I. М., 1977, с. 387.

² Trebici V. Op. cit., p. 362.

³ См.: Мировое демографическое положение в 1970 году, с. 6; Краткий доклад о мировом демографическом положении в 1970 — 1975 годах. ООН, Нью-Йорк, 1975, с. 7.

треть века, а от третьего к четвертому млрд. — в 2 раза быстрее.

«Подобно взбесившемуся кенгуру, — пишет английский демограф К. Деаер, — население мира делает беспрерывные прыжки, все более короткие во времени, но все более головокружительные по высоте»¹. Эти «прыжки» происходят не повсеместно, а лишь в определенных регионах. При общем увеличении населения мира за первые две трети XX в. в 2 раза население Африки выросло почти в 3 раза, Америки (прежде всего Латинской) — в 3,5 раза, в Азии сейчас живет столько же людей, сколько их было на всей планете в 1950 г.² Высокий темп роста населения в развивающихся странах, обусловленный социальными причинами, особенностями исторических судеб этих стран, наследием колониализма, стал одной из глобальных проблем современности.

По своему проблеме народонаселения проявились и в развитых капиталистических странах. Примерно с середины 60-х годов в Западной Европе (а в США и Канаде несколько раньше) началось снижение рождаемости, проходившее быстрыми темпами: брутто-коэффициент воспроизводства населения снизился с 1,69 в 1960—1964 гг. до 0,89 в 1975—1980 гг. Западная Европа, США и Канада, считает французский демограф Ж. Буржуа-Пиша, «находятся на пути к демографическому упадку, продолжительность которого трудно предвидеть... Показатели нетто-воспроизводства немногим выше 0,5 могут стать привычными. В долгосрочной перспективе это будет означать, что каждые 25—30 лет численность населения в развитых странах будет сокращаться на 50%»³.

Если резкое снижение рождаемости в указанных странах попало в поле зрения науки, естественно, только в 60-е годы, то рост мирового населения привлек ее внимание уже в конце 40-х — в 50-е годы. Считается, что одним из первых в 1948 г. выступил по этому вопросу бывший генеральный директор ЮНЕСКО, извест-

¹ Dyer C. Population and society in twentieth century France. N. Y., 1978, p. 176.

² См.: Валентей Д. И. Социальные проблемы в зеркале демографии. — Проблемы мира и социализма, 1980, № 9, с. 51.

³ Bourgeois-Pichat J. En France, un mouvement de lent declin. — Monde diplomatique. P., 1973, а. 20, № 236, p. 18.

ный английский биолог Д. Хаксли (1887—1975). Одновременно с ним руководитель ФАО индийский экономист Б. Сен поставил вопрос о том, что производство продовольствия и развитие сельского хозяйства отстают от темпов роста населения во всех менее развитых регионах¹. Выступления Д. Хаксли и Б. Сена были действительно использованы неомальтузианцами, которые значительно активизировались к началу 50-х годов.

Большую работу по выяснению демографической ситуации в мире и в его отдельных регионах стала проводить демографическая служба ООН. Ее возникновение и развитие — первый в истории пример межгосударственного сотрудничества в области разработки проблем народонаселения. В соответствии с Уставом ООН в 1946 г. была образована в качестве функциональной комиссии ЭКОСОС Комиссия по народонаселению. В ее состав наряду с представителями США, Англии, Франции и ряда других стран вошли представители СССР, УССР и БССР. Работа Комиссии осуществляется в форме периодически проводимых сессий. Для ведения повседневной деятельности в 1946 г. был создан рабочий орган — Секция (отдел) народонаселения в аппарате Секретариата ООН.

Комиссия по народонаселению организует изучение следующих вопросов: «а) численность и состав населения и их изменения; б) взаимодействие демографических, экономических и социальных процессов; в) политика, имеющая целью воздействие на численность и состав населения и их изменение»². В этом перечне, принятом на основе предложения советской делегации, обращает на себя внимание тот факт, что работа Комиссии была сразу ориентирована не только на статистико-демографическую деятельность, но и на изучение социально-экономических факторов демографического развития, а также демографической политики.

Участие советских представителей в работе Комиссии имеет большое значение. С первых шагов ее деятельности они последовательно противостоят попыткам навязывать Комиссии реакционные концепции народонаселения. Следует особо подчеркнуть, что не только

на сессиях Комиссии, но и с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН было четко заявлено о выступлении СССР против всех мальтузианских и неомальтузианских концепций¹.

Демографическая деятельность ООН имеет несколько аспектов. С точки зрения развития демографической науки наиболее важны два из них: получение информации о населении и исследовательская работа. Налаживание демографической статистики (организация переписей и учета движения населения, в том числе миграций) развернулось еще с конца 40-х годов и стало давать эффект уже в 50—60-е годы.

С 1949 г. издается основная продолжающаяся публикация ООН по народонаселению — «Демографический ежегодник». Были подготовлены и выпущены пособия и справочники по методам проведения переписей населения и его текущему учету. В 1950, 1960 и 1970 гг. осуществлены мероприятия по так называемым Всемирным переписям населения. Суть их заключалась в том, чтобы содействовать организации переписей в определенный промежуток времени в как можно большем количестве стран и провести эти переписи по программам, которые бы обеспечили получение сопоставимых данных. Хотя до сих пор по целому ряду стран, в которых, как считается, проживает значительная часть мирового населения², демографические данные не полны, в целом отмеченное направление деятельности служб ООН оказалось плодотворным.

Плодотворный характер приобрела и исследовательская работа. Об этом, в частности, свидетельствуют два уникальных издания. Первое из них вышло в 1953 г.; это сводный труд «Детерминанты и последствия демографических тенденций». Его составители проанализировали обширную западноевропейскую и американскую литературу и на ее основе подготовили свод данных об изучении народонаселения. Определенное достоинство этой работы заключается в том, что она ставила вопрос о социально-экономической обусловленности демографических процессов.

¹ Краткие отчеты заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Второго комитета. ООН. Нью-Йорк, 1958, с. 336.

² См.: Брук С. И. Этнографическая ситуация в послевоенном мире. — Советская этнография, 1976, № 1, с. 23.

¹ Salas R. People: An international choice. Oxford, 1976, p. 14—15; Simonds R., Carder M. The United Nations and the Population Question. N. Y., 1973, p. 127.

² Док. ООН E/CN. 9/158. 21. XII 1960, с. 1.

Более скромную, но все же очень важную задачу решало другое издание ООН — «Многоязычный демографический словарь». Он готовился почти десять лет и первыми изданиями на английском и французском языках появился в 1958 г. Позднее словарь вышел на ряде других языков стран — членов ООН, в том числе и на русском (1964, стереотипное переиздание — 1974 г.). Его действительное значение оказалось шире той служебной роли, которая ему отводилась (как пособию для переводчиков). Он способствовал выработке демографической терминологии и самому утверждению понятия «демография».

Важным направлением демографической деятельности ООН явилась организация всемирных конференций по народонаселению. Первая из них работала с 31 августа по 10 сентября 1954 г. в Риме. На нее съехалось около 600 делегатов из 70 стран. Никогда до этого подобного представительного форума по проблематике народонаселения не собиралось.

От СССР были представлены доклады Т. В. Рябушкина «Социальные аспекты структуры и движения населения» и И. Ю. Писарева «Организация, понятия и определение демографической статистики в СССР». Их авторы активно участвовали в дискуссии на конференции, развернувшейся на ней острой идейной борьбе с неомальтузианцами, которые потерпели на форуме поражение. «Характерно, — писал позже Т. В. Рябушкин, — что во второй половине конференции высказывания неомальтузианцев становились гораздо менее откровенными, более осторожными. Некоторые видные западные ученые, как, например, американский профессор Ф. Нотештейн, заявили даже о том, что они не считают себя неомальтузианцами»¹.

Критика неомальтузианства на конференции имела конструктивный характер. В ней выразилось постепенное изменение ориентации демографических исследований. «Уже в начале пятидесятых годов, — отмечается в документе ООН, — среди демографов наблюдался растущий интерес к экономическим и социальным аспектам демографических изменений» (курсив наш. — Д. Ш.). Наиболее четко это выразил в речи при зак-

рытии римской конференции председатель Международного союза по изучению проблем народонаселения швейцарский демограф Л. Херш. Он подчеркнул, что «конференция может говорить об отдельных весьма существенных достижениях. На ней различным образом были освещены многочисленность и разнообразие связей между демографией и социальными явлениями в целом и, таким образом, оказалось, наконец, возможным выйти за узкий круг чистой демографии и научной изоляции, в котором находились демографы XIX и начала XX веков»¹ (курсив наш. — Д. Ш.).

Заявление Л. Херша примечательно. Во-первых, один из крупных представителей буржуазной демографии признал невозможность ее развития в «узком круге чистой демографии», что порождало «научную изоляцию», т. е. отрыв ее от других наук. Во-вторых, он выразил растущий научный интерес к изучению взаимосвязи демографических и социально-экономических процессов. Издание ООН сводной работы «Детерминанты и последствия демографических тенденций», а также процитированное выступление Л. Херша — явления одного порядка. Они отразили начавшийся в 50-е годы переход буржуазной науки о народонаселении к изучению взаимосвязи демографических и социально-экономических факторов общественного развития.

Этот переход положил начало новому, современному периоду деятельности буржуазной демографии, на котором ее представители существенно пересмотрели предмет своего исследования, а также ряд других вопросов, связанных с изучением народонаселения. В этом плане показателен труд под редакцией американских ученых Ф. Хаузера и О. Дункана «Изучение народонаселения», вышедший в Чикаго двумя изданиями (1959 и 1963 гг.) и получивший в зарубежной демографии широкую известность. Создание его было несколько необычно. Большая группа ученых из восьми стран² была привлечена к работе, чтобы дать «исчерпывающую картину демографии как науки и профессии XX века». Иначе говоря, была поставлена задача от-

¹ Closing of the Conference. — In: U. N. Proceedings of the World Population Conference. Rome, 1954. Summary report, p. 181.

² США, Англии, Франции, ФРГ, Италии, Швеции, Бразилии и Индии.

¹ Рябушкин Т. В. О Всемирной конференции по вопросам народонаселения. — Вестник статистики, 1955, № 1, с. 65.

разить и учесть те изменения, которые произошли в демографии к тому времени, определить ее современное положение и задачи. Результаты работ в этом направлении и составляют содержание книги, выход которой в известном смысле обозначает рубеж нового периода в истории буржуазной демографии.

Основные теоретические выводы относительно демографии как науки, к которым пришли участники создания книги, обобщены Ф. Хаузером и О. Дунканом в ее первой главе. Они дают следующее определение демографии: «демография изучает численность, размещение и состав населения, а также происходящие в них изменения и компоненты этих изменений, которыми могут считаться рождаемость, смертность, пространственное движение и социальная мобильность (изменение общественного положения)»¹.

Согласно этому определению в область изучения демографии входят не только демографические процессы, включая миграцию населения, но и его социальная мобильность. Стремясь обеспечить исследование в рамках демографии социальных, экономических и других факторов демографического развития, Ф. Хаузер и О. Дункан вводят далее наряду с понятием «демографический анализ» еще одно — «исследование населения». Если первое из них означает изучение компонентов движения населения, то второе относится не только к переменным населения, но также и к соотношениям между движением населения и другими переменными — социальными, экономическими, политическими, биологическими, генетическими, географическими и др. «Демографию, — заключают авторы, — можно рассматривать в узком смысле слова как синоним к «демографическому анализу» или в широком смысле, который включает и «демографический анализ» и «исследование населения»»².

В соответствии с таким широким пониманием демографии и построена рассматриваемая книга. Ее первая часть характеризует демографию как науку и профессию. Вторая часть, состоящая из глав по странам, посвящена истории и современному статусу демографии (авторами глав являются Ф. Лоример, А. Сови,

Е. Гребеник, Г. Шубнелл и др.). Третья часть рассматривает «элементы» демографии, т. е. компоненты ее изучения. В ней даны главы о рождаемости, смертности, миграции, а также о социальной мобильности. Книгу завершает четвертая часть: «Изучение населения в различных дисциплинах». Ее главы анализируют взаимосвязи демографии с экономикой, социологией, географией, генетикой, антропологией и экологией.

Таким образом, теоретические положения, изложенные в начале книги, в принципе реализованы в ее содержании и новый подход к демографической проблематике нашел здесь свое отражение. Но вместе с тем нельзя не видеть и определенную ограниченность такого подхода, его методологические изъяны. В связи с приведенным выше определением демографии Д. И. Валентей и А. П. Судоплатов справедливо отмечали: «Такое определение по сравнению с прошлыми установками на изучение биологической обусловленности «динамики движения населения» несет в себе, с одной стороны, стремление рассматривать демографические процессы в практической, прикладной форме, с другой — усиление внимания к изучению основных факторов демографического роста. Авторы современных работ... признают тот факт, что демографические процессы социально предопределены. Однако... вольно или невольно, перспективы движения населения определяются ими лишь на основе эмпирической зависимости соотношения численности населения, продовольственных, природных и энергетических ресурсов. Решение актуальных социально-экономических проблем народонаселения рассматривается не в рамках социальной политики, отвечающей интересам общества, а в плане приспособления деятельности социальных институтов к той или иной интенсивности воспроизводства населения»¹.

Вступление буржуазной демографии в новый период своей истории ознаменовалось резким возрастанием количества публикуемых работ. Еще в конце 50-х годов авторы только что рассмотренной книги отмечали, что «настоящий момент является периодом чрезвычайной

¹ The Study of Population, p. 2.

² Ibid., p. 3.

¹ Валентей Д. И., Судоплатов А. П. Предисловие. — В кн.: Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М., 1977, с. 6.

активности в области демографических исследований»¹. Наиболее полным указателем зарубежной демографической литературы является «Индекс народонаселения», подготовляемый Принстонским университетом и Американской ассоциацией народонаселения. В начале 50-х годов он фиксировал примерно 2,2—2,3 тыс. работ в год, в 70-е годы это количество перешагнуло за 4 тыс., а в отдельные годы было и больше. Показательно также, что два десятка лет назад указатель имел 11 рубрик, а теперь их стало 20.

Среди многообразных тем, над которыми работают современные демографы в капиталистических странах, назовем в порядке перечисления лишь некоторые. Естественно, что в 50—70-е годы одно из центральных мест заняли вопросы, связанные с динамикой роста мирового населения и его «пределами». Вместе с тем изучались общие аспекты рождаемости, смертности и миграции населения. Причем исследования первой из них стали преобладающими².

С 60-х годов все большее внимание стала привлекать демографическая ситуация в промышленно развитых странах. К началу 70-х годов впервые был выдвинут тезис, что для этих стран проблема стабилизации роста населения стоит так же остро, как и для развивающихся стран. «Проблема населения, — писал в 1971 г. американский социолог Р. Шинн, — касается не только бедных стран и бедных слоев общества. Она еще в большей степени касается процветающих стран». В связи с этим выдвинута и развивается так называемая концепция «нулевого роста» населения, сторонники которой предполагают, что темпы роста населения в перспективе могут стать очень незначительными и даже равными нулю.

Характеризуя ее, Э. А. Араб-Оглы отмечает: «Из всех прогностических концепций наибольшую популяр-

ность у общественности на Западе за последние годы приобрела концепция «нулевого роста» населения к 2000 г., вызвавшая одновременно и наиболее острые споры среди самих демографов»¹. Хотя сторонниками этой концепции является большинство западных демографов и социологов, против нее все активнее выступает ряд авторитетных ученых (особенно во Франции).

Анализируя изменения, происходящие в развитии демографических процессов, многие исследователи придерживаются гипотезы «демографической революции» или, как она стала называться после работ 40—50-х годов Ф. Нотештейна² «демографического перехода». Согласно ей все страны, вставшие на путь промышленного развития, независимо от их общественного строя проходят определенные стадии демографической эволюции. Но общего понимания этого процесса не выработано и существуют различные трактовки «демографического перехода». Так, концепция «рационализма» (Ф. Нотештейн, Ж. Буржуа-Пиша, Д. Коугилл и др.) противопоставляет сознательное ограничение числа детей в семье, присущее «городскому индустриальному обществу», иррациональности репродуктивного поведения людей в «традиционном аграрном обществе».

Другое направление в интерпретации «демографического перехода» (К. Дэвис, Дж. Блейк, Дж. Колдуэлл³ и др.) развивает идею, что социально-экономическая организация аграрного общества обуславливает субъективную рациональность многодетности. Индустриальная экономика лишает семью функции основной производственной ячейки общества и подрывает экономическую, а затем и социальную целесообразность многодетности; расширение семейных ориентаций личности способствует сокращению рождаемости.

Следует отметить, что немало демографов оспаривают универсальность схемы «демографического перехо-

¹ The Study of Population, p. 1.

² Все более широкое распространение получают социолого-демографические обследования рождаемости, которые ведутся во многих странах, а также на региональных и межрегиональных уровнях. Так, США с 1955 г. через каждые пять лет проводится обследование по программе «Национальное обследование семьи» (до 1960 г. — «Развитие американской семьи»). С 1972 г. при участии органов ООН и под эгидой Международного статистического института проводится Всемирное обследование рождаемости (WFS), которым охвачено свыше 50 стран.

¹ См.: Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы. М., 1978, с. 99.

² Notestein F. The Population of the World in the Year 2000. — Journal of the American Statistical Association, 1950, vol. 45, № 251.

³ Davis K. Human Society. N. Y., 1949; J. C. Caldwell. A Theory of Fertility: From High Plateau to Destabilization. — Population and Development Review, 1978, vol. 4, № 4.

да», применимость ее к развивающимся странам. При этом указывается на коренное отличие экономических и других условий, в которых развивалась демографическая ситуация стран Запада в XIX — начале XX в., от современных условий развивающихся стран. Критикуя, как недостаточно обоснованную, гипотезу «демографического перехода», ряд ученых вместе с тем отмечает, что на ней лежит отпечаток предопределенности и даже фатальности.

Внимание многих западных ученых привлекают демографические аспекты таких проблем, как демографическое старение населения, кризис семьи и брака и др. Первая из них, хотя она и возникла уже в начале века, стала серьезно рассматриваться только в современной литературе и постепенно приобрела значение проблемы, «которой некоторые демографы и социологи приписывают роль фактора, имеющего решающее значение для будущего человечества»¹. Но особенно обширно число работ о семье и браке. Никогда еще не было, считает американский социолог Ф. Шаффер, столько специалистов в области семейно-брачных отношений и никогда не предлагалось столько советов для спасения института семьи и брака, как это стало сейчас.

Одна из важных отличительных черт современной научно-демографической деятельности заключается в том, что она в определенной степени приблизилась к практике. Разработка демографических мероприятий ООН, а также неправительственными международными организациями, осуществление таких мероприятий на национальных уровнях в той или иной мере связаны с научно-теоретическим рассмотрением вопросов демографической политики.

Следует подчеркнуть, что демографическая политика понимается в буржуазной литературе чаще всего строго ограниченно, только как система мер, направленных на стимулирование или сокращение рождаемости. Если говорить об основных капиталистических странах, то во Франции такая политика является государственной и пронаталистской, т. е. направленной на

поощрение рождаемости. В Японии она имеет антинационалистский характер. В США, Англии, Скандинавских странах демографическая политика официально не объявлена, но ряд законодательных актов направлен на регулирование демографических процессов.

В развивающихся странах политика ограничения рождаемости получила широкое распространение. В начале 50-х годов Индия была первой из этой категории стран, которая включила в общий комплекс своих народнохозяйственных мероприятий политику, направленную на замедление темпов роста населения. Полтора десятилетия спустя, в 1975 г., программы планирования семьи осуществлялись в странах, в которых проживало около 80% населения развивающихся стран.

Огромный ущерб осуществлению демографических мероприятий в развивающихся странах наносила и носит пропаганда и деятельность неомальтузианцев, являющихся агентурой неокOLONиализма. Они утверждают, что снижение роста населения решит все социально-экономические проблемы, по существу, стремятся затормозить и сорвать коренные преобразования в бывших колониях.

По мнению О. Б. Осколковой, научно-библиографический обзор которой использован в данном разделе, в современной буржуазной литературе можно выделить еще три подхода к оценке демографических мероприятий в развивающихся странах. Первый из них представляет крайность, диаметрально противоположную утверждениям о всепаласительной роли снижения рождаемости. Его сторонники полагают, что ресурсов на планете достаточно, а НТР их увеличивает и поэтому проводить ограничение рождаемости не нужно. В сущности такое же мнение отражает и второй подход. Его чаще всего выражают ученые, стоящие на позициях гипотезы «демографического перехода» и считающие, что программы социально-экономического развития «сами позаботятся» о сокращении рождаемости.

Представители третьей точки зрения выступают за сокращение темпов роста населения, но не считают, что это решит проблемы продовольствия, ресурсов и повышения уровня жизни. Поэтому, утверждают они, политику по сокращению рождаемости необходимо проводить в сочетании с социально-экономическими преобразованиями. Однако их они представляют себе в лучшем

¹ Россет Э. Процесс старения населения. М., 1968, с. 489.

случае в ограниченном, буржуазно-либеральном духе, игнорируя необходимость коренных социально-экономических преобразований для подлинно независимого развития.

Завершая краткий обзор основной тематики современной буржуазной демографической литературы, следует отметить, что хотя ее некоторая часть разрабатывается социологами, экономистами и представителями ряда других наук, основная масса исследований принадлежит специалистам в области народонаселения. В рассматриваемое время произошла, так сказать, заметная «профессионализация» демографии. Она проявилась в возникновении в целом ряде стран научно-демографических учреждений, периодических изданий¹, постепенном развитии демографического образования. Если в конце 50-х годов демографическая проблематика изучалась, по данным ЮНЕСКО, только в 13 странах, то к исходу 60-х годов число таких стран составило уже 22. Однако демографические исследования велись в основном в экономически развитых странах.

Если в начале 60-х годов научные демографические учреждения насчитывались единицами (Национальный институт демографических исследований во Франции, подобный институт в Бельгии, ряд университетских центров и др.), то во второй половине 60-х годов их стало свыше 230. Из них 7 являлись крупными специальными институтами, а свыше 120 были научно-исследовательскими институтами, занимающимися исследованиями в области народонаселения, причем эти организации в большинстве случаев представляли собой учебные заведения — университеты. Они же чаще всего занимались и демографическим образованием.

«Обучение демографии в Европе, — констатировал в конце 60-х годов французский демограф Р. Пресса, — за последнее десятилетие приобрело широкий размах, однако она пока еще очень редко преподается как самостоятельная дисциплина. Демография чаще всего входит в состав других дисциплин и возможности специализации в этой области остаются еще не реализо-

ванными»¹. С тех пор произошли изменения, однако подготовка демографов в основном осуществляется не столько на студенческом уровне, сколько на уровне, который приблизительно соответствует аспирантуре советских вузов.

По данным ЮНЕСКО, в настоящее время демография преподается в большинстве стран мира либо в качестве раздела демографической статистики, либо в качестве вспомогательной дисциплины на факультетах социологии и экономики. В ряде стран демография является одним из основных предметов, по которым могут специализироваться аспиранты с последующим присвоением им более высокой научной степени².

Особо должны быть отмечены учебно-научные демографические подразделения ООН, оказывающие определенное воздействие на развитие деятельности в области народонаселения развивающихся стран. Первым среди них был создан в 1957 г. Международный институт демографических исследований в Бомбее. Затем возникли в 1958 г. Латиноамериканский демографический центр в Сантьяго и в 1962 г. Каирский демографический центр. В 1972 г. были созданы два института в Африке: Региональный институт для исследований в области народонаселения в Аккре (Гана) и Учебный и научно-исследовательский демографический институт в Яунде (Камерун). Два года спустя межрегиональный Демографический центр ООН начал работу в Бухаресте. В 1977 г. в Москве при МГУ им. М. В. Ломоносова открыты Курсы по проблеме «Народонаселение и планирование развития» для стипендиатов ООН из развивающихся стран.

Организация курсов в Москве — одно из свидетельств роста международного авторитета советской науки о народонаселении, который стал особенно заметен по мере успехов в ее развитии с середины 60-х годов. Если на римской конференции 1954 г. от СССР было представлено только два доклада, то ко Второй конференции ООН по народонаселению, состоявшейся

¹ Pressat R. Quelques vues sur les développements récents de la recherche démographique en Europe. — In: International Union for the Scientific Study of Population. General Assembly and Conference. London, 1969, p. 3.

² Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I, ч. 1, с. 16.

¹ Наиболее известным среди демографических журналов, выходящих в капиталистических странах, являются «Попюласьон» (Париж), «Попьюлейшн-стадиз» (Лондон), «Демографи» (Вашингтон), «Попьюлейшн энд дивелопмент ревью» (Нью-Йорк).

в 1965 г. в Белграде, советские ученые опубликовали 36 докладов по широкому кругу вопросов народонаселения и демографической статистики¹. Делегация СССР состояла из 27 человек, многие из которых (А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, А. М. Вострикова, А. А. Исупов, В. С. Стешенко и др.) активно выступили на конференции с критикой антинаучных демографических концепций и изложили взгляды советских ученых на основные вопросы изучения народонаселения.

Позиции советской науки, а также рост ее международного авторитета нашли отражение в новом издании «Детерминантов и последствий демографических тенденций», осуществленном ООН в 1973—1978 гг. Если в первом издании (1953 г.) давался обзор исключительно западной литературы, то в этом издании использованы многие работы советских ученых, и это свидетельствует о том, что без учета позиций советской науки разработка проблем народонаселения ныне невозможна.

Конечно, скомпилированный на основе сотен в массе своей западноевропейских и американских работ этот сводный труд прежде всего отражает состояние изучения народонаселения в западной науке и те изменения, которые в ней произошли в 60—70-е годы. Составители труда отмечают три группы таких изменений.

Первая из них связана с совершенствованием статистических данных. Деятельность ООН в этой области дала значительные результаты, причем минимизация количества «белых пятен» в демографической информации является одной из первоочередных современных задач.

Вторая группа изменений связана с расширением аспектов демографических исследований. Здесь прежде всего констатируется быстрый количественный рост исследований и выделение ряда тем, что привело к высокой степени специализации таких отдельных отраслей демографии, как изучение рождаемости, демографических проблем урбанизации и ряда других. Как одну из характерных особенностей современных демографических исследований составители отмечают их

¹ См.: Вопросы народонаселения и демографической статистики. М., 1966. Всего на конференцию от СССР было заявлено 55 докладов (см.: Всемирная конференция по вопросам народонаселения, 1965 год. Т. I. Краткий отчет. ООН. Нью-Йорк, 1966, с. 468—470).

переориентацию в направлении изучения взаимосвязей между народонаселением и экономическими и социальными факторами.

Важный аспект изменений в демографических исследованиях выражается, по мнению составителей, и в том, что на эти исследования все большее влияние оказывают государственная политика в данной области, потребности правительств тех стран, которые осуществляют демографические мероприятия. Это подтверждает и другой документ ООН — один из докладов о демографической политике ее генерального секретаря в 1978 г. В нем отмечено, что «под давлением правительств область демографии значительно расширилась, и демография заняла то место, на котором она всегда должна была находиться — в центре процесса экономического и социального развития общества»¹.

Наконец, третья группа изменений, характеризующих современную западную демографию, относится к демографическому анализу. Составители указанного выше труда отмечают достижения в этой области и иллюстрируют их примерами создания новых и развития прежних методов и методик статистического изучения населения.

Определенные достижения в демографической статистике несомненны. Тем более рельефно выделяется теоретико-методологическая несостоятельность буржуазной демографии, ее неспособность дать адекватное объяснение процессам развития народонаселения, их взаимосвязей с другими процессами общественного развития. В этих условиях буржуазная наука, вне зависимости от субъективных устремлений тех или иных ее представителей, идет на значительные уступки своему самому реакционному порождению — мальтузианству, а нередко и прямо капитулирует перед ним, сползая на его антинаучные позиции.

Идейная борьба с неомальтузианством пронизывает всю международную деятельность в области народонаселения. Одним из ярких подтверждений этого явилось проведение в 1974 г. Всемирного года народонаселения и его центрального события — III Всемирной конференции ООН по народонаселению (Бухарест), впервые созванной на правительственном уровне. В хо-

¹ Док ООН. E/CN 9/338, 22. XII 1978, с. 9.

де подготовки и работы конференции неомальтузианцы потерпели крах, и их идеи были отвергнуты. Принятый ею Всемирный план действий в области народонаселения стал реальной программой мероприятий в данном направлении. «Всемирный план действий в области народонаселения, — указывается в этом документе, — четко направлен на оказание помощи в координации демографических тенденций и тенденций социально-экономического развития. Основой для действенного решения проблем народонаселения являются прежде всего социально-экономические преобразования»¹.

В настоящее время неомальтузианцы предпринимают все меры, чтобы ревизовать бухарестские решения, навязать свои взгляды развивающимся странам. Активно участвуя в международном сотрудничестве в области народонаселения, советская наука противостоит этим проискам. Марксистско-ленинская демография с партийных позиций оценивает современные буржуазные демографические исследования. Она внимательно изучает их состояние, критически использует имеющиеся достижения и вместе с тем последовательно разоблачает методологическую несостоятельность буржуазной науки, порождающей демографические концепции, которые скрыто и открыто служат империализму.

¹ Доклад Всемирной конференции ООН по народонаселению, 1974 год. ООН. Нью-Йорк, 1975, с. 3.

Глава четвертая ДЕМОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Подъем современных демографических исследований сопровождается резкой активизацией взаимодействия наук, интеграцией их усилий в междисциплинарной разработке данной области знаний. «Исследование проблем народонаселения на стыке экономики и демографии, демографии и экономической географии, социологии, социальной психологии, этнографии, права, социальной гигиены, геронтологии и многих других общественных и естественных наук стало в настоящее время делом обычным»¹.

В этом перечне историческая наука оказалась в числе «многих других». Между тем взаимодействие истории и демографии, возникшее, как указывалось, в последней трети XIX в., во второй половине нынешнего столетия выявилось как один из важных факторов научного изучения народонаселения. В условиях развития советской науки оно впервые стало утверждаться на основе диалектико-материалистической историографии и марксистско-ленинского изучения народонаселения. В буржуазной науке это взаимодействие, не изменяя свои методологические начала, приобрело новые черты за счет существенных проблемно-тематических изменений, выразившихся в переходе от несистематических попыток определения численности населения в прошлом и спорадического изучения ряда других вопросов к более планомерному освещению истории населения и стремлению выявить путем применения методов демографического анализа черты воспроизводства населения и его факторы в XVII—XVIII вв.

¹ Система знаний о народонаселении, с. 11.

Как на современном этапе формируется взаимодействие демографии и истории в буржуазной науке? Как развивается этот процесс в марксистско-ленинском изучении народонаселения? Каковы современные методологические проблемы указанного взаимодействия? Последовательное рассмотрение этих трех вопросов и составляет содержание настоящей главы.

Историко-демографические исследования в буржуазной науке

Если в целом история развития исторической демографии находится вне поля зрения буржуазных ученых и ее историография до середины XX в. совершенно не разработана, то иначе обстоит дело с историко-демографическими исследованиями последних десятилетий. Им посвящен ряд общих работ¹, имеющих отчасти историографический характер. Такое положение не случайно. Как уже отмечалось, некоторые западные авторы считают, что до середины XX в. велось расплывчато характеризуемое ими изучение «истории народонаселения», а собственно историческая демография возникла только в последние десятилетия.

Этот подход, если проанализировать его глубже, имеет методологическое значение. С ним, по существу, связана оценка современной буржуазной исторической демографии, рассмотрение ее либо в общем контексте исторических знаний о народонаселении, свойственных капиталистическому обществу, либо как некоей, едва ли не формирующейся вне зависимости от них, «новой, очень молодой науки», что вслед за западными учеными делают порой и некоторые советские авторы.

Их позиция представляется неверной, игнорирующей тот факт, что современные буржуазные историко-демографические исследования не возникли на принципиально новой методологической основе, а являются продолжением изучения демографической истории, которое ведется, как было показано во 2-й главе, еще

с XIX в. Никакого «рождения» исторической демографии в середине нынешнего столетия, таким образом, не произошло. В действительности в это время в развитии буржуазной исторической демографии начался новый период, неразрывно связанный (в том числе и методологически) с предшествующим.

Датировка его начала не вызывает больших трудностей. «Начиная с 1940-х гг. — пишет Д. Гласс, — в подходе к изучению демографической истории в странах Запада произошли большие изменения»¹. В общем это положение с небольшим хронологическим уточнением представляется приемлемым. С учетом времени второй мировой войны, а также принимая во внимание, что ряд принципиально новых исследований появился в 50-е годы, точнее говорить не о 40-х годах, а о их второй половине и первой половине 50-х годов. Такая датировка в принципе совпадает и с приведенной в предшествующей главе датировкой начала нового, современного периода буржуазной демографии в целом, что вполне закономерно, так как историческая демография является ее частью.

Новый период в развитии исторической демографии был вызван в основном теми же факторами, которые определили современный период буржуазной демографии в целом. Конкретизируя это общее положение, можно отметить три наиболее важных момента, оказавших воздействие на подъем историко-демографических исследований. Во-первых, этот подъем «поощряется, — по выражению Ж. Дюпакье, — интересом, который проявляют правительственные органы и общественное мнение к вопросам демографии»². Развитие изучения исторической демографии, пишет по этому поводу другой автор — Д. Гласс, «является выражением расгущего интереса к проблемам населения в связи со снижением его численности в западных странах и увеличением ее в слаборазвитых странах»³. Внимание к исторической демографии было вызвано, таким образом, стремлением найти в истории объяснение современным демографическим процессам в западных странах, а также на основе изучения демографии «доиндустриальных об-

¹ Hollingsworth T. H. Op. cit.; Guillaume P., Poussou J.-P. Op. cit.; Goubert P. Vingt-cinq ans de démographie historique. — In: Sur la population française au 18-e et au 19-e siècles. P., 1973; Granelli Benini L. Introduzione alle demografia storica. Firenze, 1974; Dupâquier J. Op. cit.; Imhof A. Einführung in die historische Demographie. München, 1977.

¹ Glass D. Introduction. — In: Population in History. L., 1965, p. 3.

² Dupâquier J. Op. cit., p. 86.

³ Glass D. Op. cit., p. 3.

шеств» обнаружить аналоги с демографической эволюцией развивающихся стран. Это был один из основных моментов, определивших интерес к демографическому прошлому. Но не единственный.

Другой из них был связан с уже отмеченным изменением с 50-х годов ориентации демографических исследований, растущим интересам к экономическим и социальным аспектам демографических изменений. Без опоры на конкретно-исторический материал, вне анализа исторической ретроспективы движения народонаселения эта задача не только не могла быть выполнена, но и научно поставлена.

И, в-третьих, подъем исторической демографии был обеспечен успехами в развитии демографического анализа, моделирования демографических процессов и их изучения по неполным или некачественным данным. В «Детерминантах...» справедливо отмечается, что «совершенствование методики восстановления демографических данных для ранних периодов способствовало развитию исторической демографии»¹.

Все это в совокупности и вместе с тем воздействуя по-разному, в сочетании с рядом других моментов, определило «взрыв» историко-демографической литературы в 50-е и особенно в 60—70-е годы. «Литература по исторической демографии, — писал в 1969 г. Т. Холлингсворт, — настолько обширна и настолько в небольшой степени до настоящего времени обобщена, что едва ли возможно охватить ее целиком»².

Здесь не стоит задача такого охвата. Напротив, чтобы обнаружить главные линии изучения историко-демографической проблематики, следует взять только самые основные работы. Значительную массу историко-демографических исследований составляют статьи и книги, подготовленные на основе применения так называемого метода восстановления истории семей (ВИС), получившего распространение со второй половины 50-х годов, о чем будет сказано ниже. Не касаясь сейчас этого направления исследований, остановимся на ряде трудов, характеризующих развертывание изучения историко-демографической тематики.

¹ Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I, ч. I, с. 5. См. также: Методы исчисления основных демографических показателей по неполным данным. ООН. Нью-Йорк, 1971.

² Hollingsworth T. H. Op. cit., p. 53.

Усиление внимания к изучению истории народонаселения обнаружилось уже во второй половине 40-х годов. В 1946 г. в журнале французского Национального института демографических исследований (НИДИ) «Population» была опубликована статья Л. Шевалье «К истории народонаселения», содержащая призыв активнее вести работу в данной области. Тогда же журнал напечатал статью М. Рейнара «Французская революция и проблемы народонаселения»¹, также привлекающую внимание к историко-демографической проблематике. Еще большее значение имело выступление этого ученого со статьей «История и демография», призывавшей развивать взаимодействие этих двух наук и произвести «омоложение истории с помощью демографии»².

Одновременно выходит ряд крупных конкретных исследований. Первым по времени среди них была капитальная книга Ф. Ариеса «История французского населения и его отношения к жизни в XVIII в.» (Париж, 1948 г.). В этом историко-демографическом труде, переизданном в 1971 и 1973 гг., в переработанном виде были намечены линии историко-психологического и ряда других подходов к изучению демографической тематики. Впоследствии ученый развил их, обратившись к изучению истории детства, а также отношения к смерти³.

Новое направление в исторической демографии открыл и фундаментальный труд бельгийца Р. Молса «Введение в историческую демографию городов Европы XIV—XVIII вв.» (Лувэн, 1954—1956 гг.). Выход этого издания дал толчок многочисленным исследованиям истории населения городов, главным образом Западной Европы. Причем если по крупным городам такие исследования, ввиду невозможности охватить их обширные статистико-демографические материалы, давали главным образом общие историко-демографические очерки, то изучение населения малых городов позволило

¹ Reinhard M. La révolution française et le problème de la population. — Population, 1(3), juin-sept. 1946.

² Reinhard M. Histoire et démographie. — Revue historique, 203, 1950, p. 194.

³ Перевод части его работы по истории детства см.: Философия и методология истории. М., 1977. См. также: Ariès P. Essais sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen Âge à nos jours. P., 1975

с достаточной глубиной охарактеризовать исторические аспекты демографической ситуации в них.

Среди других работ того времени нужно отметить обстоятельную книгу Ж. Анрипена «Канадское население в XVIII в.», вышедшую в Париже в 1954 г., в которой впервые широко использовался генеалогический материал для исследования населения французской части Канады. Примером удачного сочетания знания исторических и демографических источников, а также историографии явилась работа западногерманского ученого Г. Франца «Тридцатилетняя война и немецкий народ» (Штутгарт, 1961 г.). Эта работа представляет собой тщательное историко-демографическое исследование сокращения численности населения на территории Священной Римской империи в 1618—1648 гг. и анализ этого процесса, его непосредственных последствий.

Здесь же, в ФРГ, появилась одна из первых работ, содержащих очерк истории мирового населения, — книга Э. Кирстена, Э. Бухгольца и В. Кельмана «Территория и население в мировой истории» (Вюрцбург, 1955—1956 гг. и последующие издания). Как видно уже из ее названия, она не является, так сказать, чисто историко-демографической, скорее, это — историческая география населения (со 185 картами), рассчитанная на широкий круг читателей.

С историко-демографической точки зрения значительно больший интерес представляет коллективная работа по истории мирового населения трех французских демографов-историков — М. Рейнара, А. Арменго и Ж. Дюпакье. Еще в 1949 г., как отмечалось, первый из них опубликовал книгу о движении мирового населения с 1700 по 1948 г. Двенадцать лет спустя он совместно с А. Арменго подготовил новую работу, хронологические рамки которой были отодвинуты в глубь веков до «предыстории», т. е. первобытнообщинного строя. В 1961 г. она вышла в Париже под названием «Всеобщая история мирового населения».

Основная задача книги, как определили ее авторы, заключалась в том, чтобы привлечь общественное внимание к росту населения и связанным с ним проблемам. Большую роль в этом они отводят изучению демографической истории, использованию ее опыта. «Настоящее мира, — писал в предисловии к книге М. Рейнар, —

забота о его самом близком будущем, а также желание углубить знание прошлого заставляют подвести итог истории населения»¹.

Структура книги, которая состоит из четырех частей, отражает концепцию авторов. Первая часть хронологически самая большая, в ней рассматривается история населения с древнейших времен до XVIII в. включительно. Хотя главы этой части написаны не скороговоркой, а глубоко и емко, этот период для авторов книги — только предыстория. История для них начинается в XIX в. — «веке либерализма», которому отведены две следующие и, по существу, центральные части книги. В основе первой из них — рассмотрение «демографической революции» в Европе, второй — европейской эмиграции в 1815—1914 гг. и ее демографических последствий. Демографическое равновесие, которое, по мнению авторов, стало складываться в «век либерализма» нарушилось в XX в. — «веке масс и техники». Рассмотрению этого «нарушения» посвящена последняя, четвертая часть книги.

«История населения, — говорится в заключение, — не может больше сводиться к различиям статистической и достатистической эры, разделенным недавней и единственной демографической революцией. Этот взгляд был господствующим из-за недостатка демографического интереса у историков и недостатка исторического интереса у демографов»². Что же предлагают авторы? Это с трудом можно уловить в расплывчатых рассуждениях о «нарушении демографического равновесия», необходимости его устранения и т. д. Содержательная по фактическому материалу, обработке конкретных данных книга оказывается беспомощной, как только ее авторы начинают предпринимать попытки теоретически обобщить историю мирового населения.

В 1970 г. в Париже вышла книга «Историческая демография», принадлежащая перу также французских ученых — П. Гийома и Ж. Пуассу. Помещенный в ней очерк истории мирового населения написан под иным углом зрения, нежели рассмотренный выше. По существу, в нем освещен только период с XVII по XX в.

¹ Reinhard M., Armengaud A. Op. cit., p. 2. (В 1968 г. вышло новое издание этой книги, в нем принял участие Ж. Дюпакье.)

² Ibid, p. 580.

(«новейшее время»), так как предшествующая история народонаселения изложена в форме беглого обзора. Авторы подробно анализируют изменения в смертности, а также в рождаемости, брачности, возрастной структуре с 1650 по 1800 г. Обстоятельно рассматривается в работе и миграция населения.

XIX в. они характеризуют в историко-демографическом аспекте как «белый взрыв» (т. е. рост европейского населения). В отличие от авторов предшествующей книги, они не склонны оценивать этот «взрыв» как шаг на пути установления демографического равновесия, а «демографическую революцию» переносят в XX в. и рассматривают ее как «мировую демографическую революцию». Но и в данном случае обоснование выдвинутого положения сводится к общим отвлеченным рассуждениям.

Нет сколько-нибудь весомого теоретико-методологического обоснования проблем демографической истории и в таком фундаментальном сборнике историко-демографических работ, как «Народонаселение в истории» — издании, сохраняющем познавательное значение и в наше время, хотя оно вышло более полутора десятка лет назад (Лондон, 1965 г.). Сборник составлен из 27 различных по тематике работ, освещающих историю населения в XVI—XVII вв. и особенно в XVIII в. Почти все они написаны на материалах Англии и Франции (по одной статье отведено демографии Америки, Италии, Скандинавии и Финляндии). Его составители (Д. Гласс и Д. Эверсли), очевидно, учитывали необходимость придать сборнику целостный характер, поэтому каждый из них написал по вступительной главе.

Вступительная глава Д. Гласса была задумана как некоторое подведение итогов изучения истории народонаселения. В ней содержится немало серьезных конкретных наблюдений, но крупных теоретических обобщений нет. «Цель второй вступительной главы, — пишет ее автор Д. Эверсли, — заключается в показе связи, существующей между исследованиями по исторической демографии и некоторыми проблемами, касающимися работ современных специалистов в области экономической и социальной истории»¹. Однако дальше приз-

нания факта наличия связи между демографической, экономической и социальной историей Д. Эверсли не продвинулся, и поставленная им задача раскрыть место народонаселения в истории экономики и общества осталась не реализованной.

Между тем большинство конкретных работ, помещенных в сборнике, представляет несомненный интерес. Это относится к статье Д. Хаджнала о европейском типе брачности¹, которая вызвала отклики в историко-демографической литературе. Вошли в историографию и статья Д. Гласса о населении Англии и Уэльса в XVIII—XIX вв., демографическое исследование британских герцогских фамилий Т. Холлингсворта, работы Л. Анри, П. Губера, Ж. Буржуа-Пиша о французском населении XVI—XVIII вв. и ряд других материалов сборника. В целом же он явился еще одним свидетельством сильных и слабых сторон буржуазной исторической демографии, способной дать исследование конкретного явления, подчас тонко обработать источники и вместе с тем научно несостоятельной в попытках анализа и обобщения историко-демографических процессов, их действительных взаимосвязей с социально-экономическим развитием.

Естественно, что уже с первых шагов научного изучения истории народонаселения одной из самых основных проблем стала проблема источников. Собственно, она стихийно возникла еще на исходе XVII—XVIII вв., в частности в связи со спором о соотношении численности населения в древнем мире и в новое время, в ходе которого Д. Юм был вынужден оперировать даже поэтическими свидетельствами древних авторов. Но особенно остро и в практическом своем значении эта проблема встала, конечно, в конце XIX—XX вв., когда изучение истории народонаселения приобрело научный и все более нарастающий характер.

Очевидно, одна из первых попыток инвентаризировать данные об источниках демографической истории принадлежит французскому историку Л. Женико, который в начале 50-х годов обобщил предшествующую источниковедческую работу над материалами средневековой Европы и классифицировал ее демографичес-

¹ Eversley D.E. C. Population, economy and society. — In: Population in History, p. 23.

¹ Перевод этой статьи см.: Брачность, рождаемость, семья за три века.

кие источники по нескольким группам¹. Приняв эту классификацию за основу, Т. Холлингсворт расширил ее и дал следующий перечень видов демографических источников (расположенных «в примерной очередности их пригодности»): 1) учеты населения (цензы), в особенности если составлены по именам и возрастам; 2) бюллетени о смертности; 3) церковные документы (приходские метрические книги и др.); 4) налоговые документы; 5) военные документы; 6) описи владений; 7) генеалогические документы; 8) завещания; 9) брачные договоры; 10) свидетельства очевидцев; 11) цены за длительный период; 12) численность и размер городов; 13) археологические останки; 14) методы ведения сельского хозяйства; 15) административная и церковная география; 16) колонизация новых земель; 17) кладбищенские данные (как по количеству скелетов, так и по надгробным надписям)².

Классификация Л. Женико и Т. Холлингсворта имеет два существенных ограничения: во-первых, хронологическое, так как охватывает в основном источники позднего средневековья и начала нового времени (XVII—XVIII вв.), во-вторых, территориальное, ибо относится только к Европе (да и то далеко не ко всем ее странам). Но именно в этом хронологическом и территориальном диапазоне постепенно была выявлена категория документов, которая дала статистико-демографические сведения для разработки истории народонаселения. Внимание на нее было обращено еще в конце XIX—начале XX в. Во всяком случае, в 1907 г. немецкий историк О. Роллер указал на значение церковных книг как источника для изучения народонаселения. Он отмечал, что из них «можно непосредственно взять данные о естественном движении населения, ежегодном числе рождений, умерших и обвенченных»³.

О. Роллер же предпринял попытку систематизировать сведения, полученные из этих источников, создать на их основе картотеки, отражающие демографическую

историю семей. Работы в этом направлении в Германии продолжались и в последующем, но в 30-е годы они были использованы немецкими расистами и оказались вне науки. Независимо от этого подобные работы велись в ряде других стран. Так, в начале 40-х годов семейные карты по материалам приходских метрических записей стал составлять шведский демограф Х. Хирениус. Но все это до 50-х годов имело характер разрозненных попыток.

Систематическое изучение указанной группы документов развернулось во Франции. Толчок ему дала дискуссия, не имеющая прямого отношения к этим документам. В 1946 г. в журнале «Population» была напечатана статья историка-экономиста Ж. Мёвре «Продовольственные кризисы и демография Франции при старом порядке»¹. В этой статье, написанной на материалах одной из французских провинций, устанавливалась корреляционная связь между высокими ценами в начале XVIII в. на зерно и повышенной смертностью, а также уменьшающимся количеством рождений.

Гипотеза «кризисов существования», деятельным сторонником которой выступил ученик Ж. Мёвре — П. Губер, вызвала оживленный спор. «Теперь, — пишет Ж. Дюпакье, подводя ему итоги, — никто не отрицает реальности кризисов существования, но отдают отчет в том, что схема не так прямолинейна, какой ее представляли. Не было во Франции XVII—XVIII вв. голода в чистом виде, кризисов смертности без эпидемий; очень часто пик смертности предшествовал повышению цен, а не следовал за ним... Однако гипотеза, предложенная Ж. Мёвре, оказала большую услугу количественной истории, пригласив исследователей обработать целинные залежи документов — католические регистры»².

В 1952 г. П. Губер опубликовал статью «Бове: демографические проблемы XVII в.», в которой указал «на важнейший источник — приходские регистры Бове»³. Это не прошло незамеченным, и в следующем

¹ Gènicot L. A propos des preuves d'une augmentation de la population en Europe occidentale du XIe au XIIIe siècles. — In: Cahiers d'histoire mondiale, 1, 2 (Oct., 1953), p. 446—462. Перепечатано в: Change in Medieval Society: Europe north of the Alps, 1050—1500. N. Y., 1964.

² Hollingsworth T. H. Op. cit., p. 43—44.

³ Imhof A. E. Op. cit., p. 20.

¹ «Старый порядок» (ancien régime) — время до Великой Французской революции 1789—1794 гг., в основном XVII—XVIII вв.

² Dupâquier J. Op. cit., p. 80—81.

³ Annales: E. S. C., 1952, № 4. Бове — небольшой город между Парижем и Амьеном.

году сотрудник НИДИ Л. Анри печатает статью «За- лежи демографического богатства: приходские регист- ры»¹. Он же совместно с архивистом М. Флёрн предло- жил методику обработки и использования данных приходских общин на стандартизированных карточках. В 1956 г. выходит справочник Л. Анри и М. Флёрн², и с этого времени метод ВИС получает широкое рас- пространение³.

Вот как Ж. Дюпакье характеризует достигнутое: «Желая измерить «естественную» рождаемость пре- жнего населения, Л. Анри сознавал, что ничего не смо- жет извлечь из статистических данных XVIII—XIX вв. Зато он располагал «нетронутым богатством» — приход- скими регистрами, хранившимися чуть ли не во всех французских деревнях. Он разрабатывает метод ана- лиза данных на регистрационных карточках, который позволил перейти к воссозданию прежних семей⁴. Так как общая численность населения ему не известна (ин- дивиды появлялись лишь при крещении, заключении брака и погребении), он не может определить коэффи- циент рождаемости. Однако он может измерить времен- ной интервал между рождением первого и второго ре- бенка, проследить возраст матери при последней бере- менности, рассчитать рождаемость в зависимости от возраста женщин во время заключения брака и т. д. Таким образом, поперечный анализ (основанный на изучении населения по состоянию на данный момент) исследователь заменяет продольным анализом, когда каждое событие изучается в зависимости от предше- ствующего события. Этот метод полностью обновил наши взгляды на рождаемость даже на современном этапе.

¹ Population, 1953, № 2.

² Fleury M., Henry L. Des registres paroissiaux à l'histoire de la population. P., 1956. В 1965 г. вышла еще одна подобная их совместная работа. Кроме того, см.: Henry L. Manuel de démogra- phie historique. Genève — Paris, 1967. Попутно отметим, что значи- тельный интерес вызвала также работа Л. Анри о семьях женеvской буржуазии в XVI—XX вв.: Henry L. Anciennes familles genevoises. P., 1956.

³ Изложение метода ВИС в нашей литературе см.: Палли Х. Некоторые характеристики развития семьи в странах Западной Европы XVII—XIX веков. — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века.

⁴ Данный метод заключается в систематической выписке дан- ных из актов о крещении, браке и погребении и в их перегруппи- ровке на семейной карточке (примечание Ж. Дюпакье. — Д. Ш.).

В этой области Л. Анри способствовал перенесению де- мографии как бы из века фотографии в век кинемато- графа»¹.

Применение метода ВИС позволило не только ре- конструировать историю рождаемости, но и способство- вало постановке ряда других историко-демографичес- ких вопросов. Особенно обнадеживающим его приме- нение стало после публикации двух конкретных иссле- дований. В 1958 г. увидела свет работа Л. Анри и Е. Готье о Крюле. Вскоре наименование этого поселе- ния в Нормандии стало известно всем западным спе- циалистам в области демографической истории. Не меньший резонанс вызвала и книга П. Губера о Бове (1960 г.). Вместе с его следующей работой о демо- графической истории дореволюционной Франции² она подвела итог многолетним научным наблюдениям уче- ного.

Исследования населения Крюле и Бове открыли по- ток литературы, посвященной рассмотрению демогра- фической истории французских поселений на основе метода ВИС. Внимание к историко-демографической те- матике усилилось и за пределами Франции. Т. Хол- лингсворт считает, что толчок современному изучению исторической демографии в Англии был дан непосред- ственно выходом работы о Крюле.

В Кембридже была создана Группа по истории на- родонаселения и социальной структуры, которая орга- низовала, используя французский опыт, выборочное ис- следование приходских метрических книг Англии. В 1965 г. вышла книга руководителя Кембриджской группы П. Ласлетта «Мир, который ушел»³. Год спустя было осуществлено коллективное издание «Введение в историческую демографию Англии с XVI по XIX сто- летие», за которым последовал выход ряда других ра- бот⁴.

¹ Dupâquier J. Op. cit., p. 11.

² Goubert P. Ancien Régime. T. 1. P., 1969.

³ См. также: Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход. — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века.

⁴ «Введение в историческую демографию Англии» было издано под редакцией Е. Ригли, который затем опубликовал исследования по истории семьи и смертности в доиндустриальной Англии. Не- давно вышел фундаментальный труд: Wrigley E. A., Schofield R. S. The Population History of England. 1541—1871. Reconstrusion. L., 1981.

Между тем историко-демографические исследования, осуществленные по методу ВИС, накопили некоторые наблюдения. Отметим наиболее существенные из них. Так, изменилось представление о ранних браках в XVII—XVIII вв. о том, что все девушки выходили замуж с ранних лет. Исследования показали, что средний возраст при вступлении в первый брак составлял у женщин 25 лет, у мужчин — 27 лет. Неверным оказалось ранее распространенное мнение о значительном количестве незаконнорожденных детей; частота внебрачных рождений в XVII—XVIII вв. была намного ниже, чем в современной Франции.

Разрушилось представление, что все французские семьи XVII—XVIII вв. были патриархальными и в силу этого многочисленными. Выяснилось, что типичной являлась семья почти современного вида — родители и дети. Было сделано важное открытие и относительно брачной рождаемости. Вместо ежегодных рождений, которые считались правилами в семьях XVII—XVIII вв., был обнаружен интервал между двумя последовательными рождениями порядка 24—30 месяцев, что существенно изменило представления об интенсивности брачной рождаемости.

Таким образом, применение метода ВИС позволило сделать существенный шаг в конкретном изучении демографической истории. И, что особенно важно, этот шаг был сделан в направлении исследования демографических процессов и структур, репродуктивного поведения и ряда других вопросов, которыми до 50-х годов историческая демография почти не занималась. Вместе с тем стало ясно, что применение метода ВИС не может дать рассмотрение всех проблем, связанных с изучением истории воспроизводства населения.

Например, в ходе исследования истории населения Франции XVII—XVIII вв. остаются нерешенными, по крайней мере, четыре вопроса: 1) каким образом оно могло возрасти в XVIII в. на 6 млн. человек при отсутствии решающих успехов в экономике (т. е. в сельском хозяйстве); 2) почему после 1750 г. смертность снизилась; 3) каков механизм приливов населения, наблюдающихся в XVII и XVIII вв.; 4) было ли повсеместное сознательное ограничение рождаемости до 1789 г.; эти вопросы в современных исследованиях пока не нашли ответа.

Одностороннее увлечение применением метода ВИС неминуемо должно было привести к кризису исследований в этом направлении. Многочисленные работы, основанные на выборке населения отдельных деревень или городков, породили эмпиризм и мелкотемье, своеобразное вращение по замкнутому кругу. Появились и сомнения в репрезентативности результатов, получаемых на основе изучения таких микровыборочных совокупностей. «Как можно быть уверенным, как доказать, что скромная отобранная выборочная совокупность, единственная поддающаяся научному наблюдению, представляет всю генеральную совокупность?» — с тревогой писал в 1973 г. П. Губер¹, отражая кризис метода, у истоков создания которого он стоял.

Стало реально ощущаться и тормозящее воздействие ограничения исследований только хронологическими пределами XVII—XVIII вв. Постепенно эти пределы стали раздвигаться как в глубь веков, так и в XIX столетие, что в свою очередь повлекло за собой поиск и привлечение новых источников, а главное — выход тематики из узких рамок приходских монографий. «Исследователи, — пишет Ж. Дюпакье, — начинают осознавать, что историческая демография не может сводиться к приходским монографиям. Не отказываясь от них полностью, ученые стараются лучше привязать их к географической, социальной и исторической тематике, изучая, например, смежные приходы, продлевая восстановление семей до середины XIX в., особо сопоставляя данные приходских регистров с данными из классических источников социальной истории: податных списков, поименных списков, брачных контрактов, посмертных описей и т. д.»².

Метод ВИС, казавшийся вначале чуть ли не универсальным, становится тем, чем он в действительности и является: одним из важных приемов изучения демографической истории ряда европейских стран, дающим возможность раскрыть некоторые существенные стороны исторического течения демографических процессов, но сам по себе не обеспечивающий их глубокий теоретико-методологический анализ в контексте социально-экономической истории. Хотя этот метод в силу специфического характера источников, на которых он основывается, име-

¹ Goubert P. Vingt-cinq ans de démographie historique, p. 318.

² Dupâquier J. Op. cit., p. 86.

ет ограниченное территориальное и временное применение, разработка его оказала в 50—70-е годы значительное влияние на всю западную историческую демографию, стала одним из выражений ее подъема и консолидации научных усилий в данной области.

Не случайно, что такая консолидация началась во Франции. Здесь с конца 50-х годов были организованы историко-демографические исследования в национальном масштабе, которые осуществлялись НИДИ, а также рядом других парижских и провинциальных научных учреждений¹. Работы французских демографов-историков имели не только европейский, но и международный резонанс, шли одновременно с ростом историко-демографических исследований в ряде других стран.

XI Международный конгресс исторических наук, состоявшийся в 1960 г. в Стокгольме, признал необходимость создания международной комиссии по исторической демографии. В соответствии с этим в 1963 г. в Льеже был проведен историко-демографический colloquium. В том же году в Париже по инициативе М. Рейнара, которому активно помогал А. Арменго, было создано Общество исторической демографии. В короткое время оно (его первыми председателями последовательно были М. Рейнар, П. Губер, Л. Анри) получило международное признание. Во второй половине 70-х годов в него входило около четырехсот ученых из тридцати стран.

С 1964 г. в Париже стал издаваться ежегодник по исторической демографии, первый номер которого назывался «*Etudes et chronique de démographie historique*», а последующие номера (с 1965 г.) выходят под названием «*Annales de démographie historique*». Он формируется в основном из статей французских демографов-историков, но вместе с тем публикуются и зарубежные авторы². Тематика статей довольно разнообразна; стремясь упорядочить ее, издатели стали готовить тематические номера (по истории сельского населения, миграций, о методах и технике историко-демографических исследований и т. д.). В каждом номере помещается библиография — не-

сколько сот названий историко-демографических работ, вышедших в мире за очередной год (в том числе в социалистических странах, включая СССР).

Объединения демографов-историков сложились, помимо Франции, во многих странах. В Англии и США они концентрируются главным образом при университетах. В Италии в начале 70-х годов создан Комитет по изучению исторической демографии, объединяющий 11 региональных групп. Складывание таких исследовательских групп — одна из характерных черт современной деятельности в области демографической истории. «Обособленного исследователя, — пишет западногерманский демограф-историк А. Имхоф, — пожалуй, можно встретить очень редко»¹. Согласно данным, которые он приводит, только в Европе имеется 24 центра и группы, занимающихся исторической демографией. Кроме того, он дает перечень 15 таких центров, находящихся вне Европы.

Девять из них ведут деятельность в США, что свидетельствует о значительном интересе современных американских демографов и историков к исторической демографии, изучение которой имеет здесь некоторые особенности. Демографическая история США, если ее брать со времени европейской колонизации, относительно коротка, большая роль в ней принадлежит миграции. Это, а также своеобразие источников, во многом отличающихся от европейских, накладывает свой отпечаток на изучение истории населения США².

Проблематику этого изучения в известной мере отразил недавно изданный сборник исследований по исторической демографии США³. Он составлен из 25 статей, извлеченных из различных американских научных журналов последних лет. Хотя каждая из статей рассматривает, как правило, относительно небольшой период времени, хронологический диапазон сборника в целом включает почти четыре столетия — от XVII в. до 70-х годов XX в.

Что касается его содержания, то, за исключением нескольких общих статей (например, «Демографическая история колонии Новая Англия»), все остальные посвя-

¹ Dupâquier J. Bilan et Perspectives des Recherches Françaises en Démographie Historique. — In: International Union...

² См., в частности, две статьи советских ученых: Бескровный Л. Г., Кабузан В. М., Яцунский В. К. Итог демографического развития России за 1789—1815 гг. (1965 г.); Кахк Ю., Лиги Х., Палли Х. и др. Историческая демография Эстонии (1972 г.).

¹ Imhof A. Op. cit., p. 32—33.

² Krauze I. Some Comments on the Historical Demography of the U. S. — In: International Union...

³ Studies in American Historical Demography. Ed. by M. Vinovskis. Academy Press, 1979.

щены отдельным вопросам истории демографических процессов. Наибольшее количество из них рассматривает эволюцию рождаемости, брачности и семьи («Размеры семьи и контроль над рождаемостью в Америке XVIII в.: исследование семей квакеров», «Семья и рождаемость в Индиане, 1820 г.», «Социальноэкономические детерминанты перепадов рождаемости в США в 1850—1860 гг.»). В сборнике освещаются и некоторые аспекты эволюции смертности («Уровень смертности и его тенденции в Массачусетсе перед 1860 г.», «Продолжительность жизни негритянского населения США в XIX в.»). Нельзя не заметить, что если демографическая история негров США, хотя и скупо, но все же отражена в ряде статей, то аналогичная проблематика, связанная с коренным населением страны — индейцами, в сборнике полностью отсутствует.

Конечно, по одному сборнику нельзя судить о современном состоянии изучения демографической истории США. Но тем не менее он свидетельствует о том, что общая тенденция, свойственная буржуазной исторической демографии последних десятилетий, — сосредоточение внимания на изучении эволюции процессов воспроизводства населения, достаточно четко проявилась и в исторической демографии США.

Особо следует подчеркнуть, что такое изучение американские демографы ведут не только на материалах своей страны. В советской демографической литературе с достаточной полнотой раскрыта связь их активности в изучении зарубежной тематики с международной стратегией американского империализма¹. Эта стратегия, явно или опосредованно, оказывает воздействие и на то нарастающее внимание, которое американские демографы проявляют к истории народонаселения СССР.

Еще в годы второй мировой войны двое впоследствии известных американских ученых, работавших в Швейцарии формально под эгидой уже фактически не существовавшей Лиги наций, подготовили первые работы о населении СССР. В 1944 г. в Женеве была издана книга

¹ См.: Шаповалова Н. Н. Стратегия американского империализма в области регулирования демографических процессов в развивающихся странах. Автореф. канд. дис. М., 1976; Гузеватый Я. Н. Идеологические уроки Всемирного года народонаселения. — В кн.: Критика современных буржуазных демографических концепций (Народонаселение). М., 1976 и др.

Ф. Нотештейна «Будущее населения Европы и Советского Союза». В 1946 г. здесь же вышла книга Ф. Лориера «Население Советского Союза: история и перспективы». Появление этих работ было, очевидно, не случайно. Их авторы тщательно изучили опубликованные источники, и хотя никаких прямых политических выводов в их работах не делалось, не представляет сомнения, что они отвечали вполне определенной задаче — дать демографическую информацию о населении страны, которая не только разгромила фашизм, но и стала одной из могущественнейших держав мира.

В последующие десятилетия американские демографы продолжили изучение истории народонаселения России и СССР. С 60-х годов систематическая работа в этом направлении ведется, в частности, в Принстонском университете (Нью-Джерси), где имеется Центр (бюро) по изучению населения во главе с крупным американским демографом Э. Коулом¹. В 1963 г. здесь принят план долгосрочных исследований снижения рождаемости в ряде стран Европы, включая дореволюционную Россию и СССР. Здесь же в 1974 г. прошла специальная конференция по теме «Русская и советская демография».

Более или менее систематически публикуются работы по исторической демографии СССР, главным образом XIX—XX вв. Так, Д. Хир первым из буржуазных ученых рассмотрел основные вопросы «демографического перехода» в Российской империи и в СССР; в обширной статье Д. Берента характеризуются причины снижения рождаемости в Восточной Европе и в Советском Союзе². Во время посещения ЦН МГУ в 1977 г. сотрудница Э. Коула — Б. Андерсон сделала научный доклад, который показал, что изучение демографической истории СССР XIX—XX вв. ведется в США интенсивно с привлечением всех публикаций источников³.

¹ Он еще в 1944 г. участвовал в подготовке названной выше книги о населении Европы и СССР. Перевод одной из его работ см.: Брачность, рождаемость, семья за три века.

² Journal of Social History, 1968, vol. 1, № 3; Population Studies, 1970, vol. 24, № 1, 2.

³ См. также ее статью об источниках: Anderson B. Data Sources in Russian and Soviet Demography. — In: Demographic Developments in Eastern Europe. N. Y., 1977. В этом же сборнике опубликован обзор американских демографических исследований по России и СССР.

Об этом же свидетельствует книга Б. Андерсон «Внутренняя миграция в России во второй половине XIX века» и особенно коллективная работа Э. Коула, Б. Андерсон и Э. Харм «Рождаемость в России после XIX века» (обе — Принстон, 1979 г.). Авторы отмечают, что они не случайно избрали объектом изучения население России именно указанного периода. По их мнению, это дает возможность изучить «демографический переход» в уникальных условиях быстрого капиталистического развития страны и последовавших за ним коренных социально-экономических преобразований.

С несколько иных позиций пытаются интерпретировать демографическую историю нашей страны Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем, опубликовавшие в 1976 и 1979 гг. два объемистых тома, в которых рассматриваются изменения в национальном и количественном составе населения СССР, а также в его расселении¹. Суть их «концепции» наиболее обнаженно изложена во введении ко второй из этих работ. Определяя «принципы исследования», авторы пишут: «Мы принимаем универсальный, или общий подход при анализе изменений населения в России и в СССР, поскольку убеждены, что изменения населения... вовсе не связаны с политической или идеологической системой, или с культурными, или с историческими факторами, присущими какой-либо одной стране»².

Такой внесоциальный подход, детерминирование изменений в народонаселении некой всеобщей «модернизацией» общества, изобличает смысл и направленность подобных «разработок» демографической истории СССР. Эти «разработки» уже были подвергнуты аргументированной критике, отметившей, что их авторы дают «искаженное представление о процессах социальной политики Советского государства»³. Добавим, что в конечном итоге в основе указанных «разработок», хотя бы этого их авторы или нет, лежит антисоветизм.

¹ Lewis R., Rowland R., Clem R. Nationality and Population Change in Russia and the USSR. An Evaluation of Census Data. 1897—1970. N. Y., Washington, L., 1976; Lewis R., Rowland R. Population Redistribution in the USSR. It's Impact on Society. 1897—1977. N. Y., Washington, 1979.

² Lewis R., Rowland R. Op. cit., p. 2.

³ Багдасаров В. К., Дробижев В. З. Новые книги американских демографов о движении населения в СССР. — История СССР, 1981, № 2, с. 225.

Н. И. Журавлева, специально исследовавшая американскую демографическую литературу о населении СССР, справедливо отмечает: «Имеется целый ряд работ буржуазных исследователей, в которых авторы... стараются дать... обоснованную трактовку проблем населения в СССР. Однако ведущее направление представлено теми работами, которые либо открыто, либо по своему объективному содержанию солидаризуются с антисоветизмом»¹.

В принципе с таких же позиций буржуазные демографы и историки проявляют «интерес» к историко-демографическим проблемам других социалистических стран. В предшествующей главе отмечалось, что развитие демографии в этих странах — самостоятельная большая тема, которую невозможно раскрыть в настоящей работе. Поэтому ограничившись констатацией факта ведения в них активных историко-демографических исследований, подчеркнем, что эти исследования имеют особое значение, так как призваны не только раскрыть демографическую историю народов, идущих по пути социализма, но и содействовать решению задач социалистического строительства, а также вести действенную идейную борьбу с буржуазными фальсификациями исторического прошлого.

Может показаться, что сделанные замечания относительно обращения буржуазной науки к вопросам демографической истории СССР и других социалистических стран представляют собой отвлечение от основной темы рассмотрения современных буржуазных историко-демографических исследований. Но это не так. Именно

¹ Журавлева Н. И. Буржуазные авторы о демографических процессах в СССР. — В кн.: Международные проблемы народонаселения (Народонаселение; Вып. 34). М., 1981, с. 112—113.

² См.: Pascu S. Les sources et les recherches démographiques en Roumanie. — In: Actes du Colloque international de démographie historique. Liège, 1963; Horská P. La démographie historique en Europe Centrale. — In: International Union ..., Rosset E. Demografia Polska w służbie postępu społecznego. Warszawa, 1973, s. 222—238; Historisch-demographische mitteilungen. Red. J. Kovacsics. Budapest, 1978—1981, № 1—4 и др. В качестве примера конкретных исследований назовем два фундаментальных издания, вышедших в Будапеште под редакцией И. Ковачича. Первое из них (A történeti statisztika forrásai, 1957) представляет собой обширную публикацию документов по демографической истории Венгрии. Во втором (Magyarország történeti demográfiaja, 1963) дан очерк этой истории с XI в. до середины XX в. Оба издания имеют резюме на русском языке.

указанное обращение свидетельствует, во-первых, что эти исследования оперативно реагируют на актуальную для капиталистического общества тематику, стремясь не только «захватить», но и освоить ее. Во-вторых, такое «освоение» есть не что иное, как выполнение буржуазной исторической демографией своих идейно-политических функций в борьбе с революционным мировоззрением современности. Это является ее общей чертой, проявляющейся, еще раз повторим, **не** независимо от субъективных устремлений ее отдельных представителей.

Возвращаясь к характеристике современных буржуазных историко-демографических работ в целом, следует отметить, что, несмотря на имеющиеся попытки ограничить историческую демографию «достатистическим периодом» и даже только XVI—XVIII вв. исследования ведутся в широком временном диапазоне — от первобытнообщинного строя¹ до XIX—XX столетий². Другая особенность этой тематики заключается в многообразии рассматриваемых проблем и не только «чисто» демографических, но и социально-демографических, экономико-демографических и т. д.

В этой связи подчеркнем, что историко-демографическая тематика начинает выходить за рамки специально посвященных ей изданий вводится в качестве одного из основных компонентов в обобщающие труды. Наглядным примером этого является фундаментальная «Экономическая и социальная история Франции». В ее 2 и 3 томах (Париж, 1970 и 1976 гг.) содержатся обширные историко-демографические обзоры, составленные соответственно П. Губером и А. Арменго.

В отличие от этих авторов один из крупнейших современных буржуазных историков Ф. Бродель не явля-

¹ Howells W. W. Estimating Population Numbers through Archaeology and Skeletal Remains. — In: The Application of Quantitative Methodes in Archaeology (Viking Fund Publications in Anthropology: № 28), 1960; Deevy E. The Human Population. — Scientific American, 1960, sept.; Andegat I. L. The Bases of palodemography. — American Journal of Physical Anthropology, vol. 30, 1969, No 3; Petersen W. A demographers view of prehistoric demography. — Current Anthropology (Chicago), vol. 16, 1975, No 2.

² Примером тому является недавно изданный историко-демографический сборник, посвященный истории брачности и разводов. Его материалы охватывают период с XVII в. до 1970-х годов (Marriage and Remarriage in Populations of the Past. L.—N. Y. — Toronto — Sydney, 1981).

ется специалистом по исторической демографии. Тем не менее свой капитальный труд по всеобщей истории XV—XVIII вв. он открыл обстоятельной историко-демографической главой¹. Примечательно ее название — «Бремя количества», оно отражает попытку ученого уяснить фактор динамики численности мирового населения во всемирной истории.

Приведенные примеры свидетельствуют не только о постепенном внедрении исторической демографии в общеоисторические работы, но и о том, что получаемые в ней данные привлекаются для обобщений, подчас имеющих широкий характер. Но именно при переходе от выработки конкретных данных к выводам из них и обобщениям наиболее явно обнаруживается несостоятельность концептуальных установок буржуазной науки. Показательна в этом смысле позиция английского демографа П. Кокса, который использует историко-демографический материал, чтобы «обосновать» положение о том, что «различные факты подъема и падения цивилизации были связаны с демографическими изменениями». По его мнению, эпидемия чумы в XIV в. («черная смерть») и последовавшие за ней демографические события в конечном итоге привели к «демократии современной промышленной страны с ее многочисленным населением»².

Такое движение из глубокого средневековья или любого другого исторического периода к современности характерно не только для некоторых общих работ, но и для части историко-демографических исследований. Погружаясь в историю, скажем, приходских регистров XVII или XVIII вв., буржуазный демограф-историк в конечном счете ищет ответ на демографические проблемы современности. И это закономерно. Но нельзя забывать о глубокой противоречивости современного буржуазного общества, реакционности буржуазной методологии, служащей интересам капитализма и в силу этого не способной дать демографу-историку, как, впрочем, и представителю любой общественной науки, сколько-нибудь надежный методологический компас в его обобщении полученного материала.

¹ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV—XVIII siècle. T. I. P., 1979, p. 15—80.

² Cox P. R. Demography. Cambridge, 1950, p. 4.

Сделав важный шаг к изучению истории рождаемости, брачности и семьи, смертности, ряда других узловых вопросов демографического прошлого, буржуазная историческая демография, несмотря на многие частные достижения, тем не менее находится в тупике, точнее, в лабиринте антинаучных концепций исторического развития, свойственных современной буржуазной историографии и социологии. Это определяет и двойственность ее современных позиций.

С одной стороны, конкретные исследования буржуазных демографов-историков, особенно французских и английских, способствовали росту в 50—70-е годы научного значения исторической демографии, что, в частности, выразилось в обсуждении ее проблем на XI—XV Международных конгрессах исторических наук (1960—1980 гг.), создании Международной комиссии по исторической демографии. С другой стороны, выступления буржуазных ученых на тех же конгрессах еще раз продемонстрировали их неспособность теоретически обобщить полученные историко-демографические данные, раскрыть на основе действительно научной методологии процессы развития демографической истории.

Советская историческая демография

Современное развитие советской исторической демографии является непосредственным результатом сочетания усилий двух наук — исторической и демографической, одним из выражений подъема каждой из них, определенного потребностями социалистического и коммунистического строительства. Именно взаимодействие истории и демографии обеспечило с конца 50-х и особенно с середины 60-х годов развертывание марксистско-ленинского изучения историко-демографической проблематики, которое в 70-е годы приобрело нарастающий характер. Однако, говоря об этих основных вехах становления современной советской исторической демографии, нельзя не учитывать, что она возникла не на пустом месте. Ее подготовило предшествующее развитие марксистско-ленинской историографии и советской демографической науки, взаимодействие которых стало постепенно зарождаться еще в первые десятилетия Советской власти.

В демографической литературе того времени историко-демографические сюжеты поначалу, как правило, не

выделялись в самостоятельные исследования, а рассматривались внутри тех или иных работ в связи с их основной темой. С. А. Новосельский, Г. А. Баткис, С. Г. Струмилин, П. И. Куркин и многие другие ученые 20—30-х годов постоянно в ходе своих исследований анализировали отдельные вопросы демографической истории, правда, почти исключительно конца XIX — начала XX в. Вместе с тем стали появляться и отдельные работы историко-демографического типа. Так, в 1927 г. в Киеве вышла небольшая книга М. В. Птухи «Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века». Она представляла собой извлечение из более крупной работы того же автора («Смертность в России и на Украине»), изданной на украинском языке и также построенной в основном на материалах конца XIX в.

Значительно более широкий период — с 1850 по 1930 г. — исследовал Е. З. Волков (1883—1942). В его книге «Динамика народонаселения СССР за 80 лет», вышедшей в 1930 г. (М. — Л) под редакцией и с предисловием С. Г. Струмилина, рассмотрено движение населения России (в границах СССР) в пореформенный период и в первую треть XX в. Значительное внимание автор уделяет пертурбационным процессам 1914—1922 гг., а также исчислению сквозных динамических рядов сельского, городского и всего населения страны за 80 лет.

Пертурбационные процессы периода мировой и гражданской войн привлекали внимание исследователей и позже. В 1948 г. А. Я. Боярский опубликовал статью «К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915—1923 гг.»¹. В ней изложены результаты исчислений автором основных демографических показателей, произведенных по данным переписи 1926 г., а также по данным о движении населения, содержащимся в официальных публикациях. Затем была напечатана работа Б. Ц. Урланиса, автор которой проследил динамику населения России накануне Октября².

В 1950 г. появились первые статьи А. Г. Рашина по демографической истории России XIX — начала XX в.³,

¹ См.: Учен. записки МЭСИ, 1948, т. I. Статья включена в кн.: Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975.

² См.: Урланис Б. Ц. Динамика населения России накануне Октября. — Учен. записки кафедр ВЗЭИ, 1957, вып. 2.

³ См.: Исторические записки, 1950, т. 34; Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950.

а в 1956 г. вышла его монография «Население России за 100 лет (1811—1913 гг.)». В известной мере она была написана в том же русле, что и книга Е. З. Волкова, но вместе с тем в ней впервые значительный период отечественной истории был освещен в нескольких историко-демографических аспектах.

Во-первых, в монографии была дана картина динамики общей численности населения и сдвигов в его территориальном размещении и плотности. Во-вторых, А. Г. Рашин раскрыл динамику численности и процессы формирования городского населения. В-третьих, он с особым вниманием проследил изменения рождаемости, смертности и прироста населения за 1861—1913 гг. В-четвертых, в его книге были рассмотрены демографическая и образовательная структуры населения страны, а также охарактеризован социальный и профессиональный состав жителей крупных городов.

Как отметил в предисловии к книге С. Г. Струмилин, одно из основных достоинств ее заключалось в том, что автор уделил значительное внимание анализу зависимости демографических явлений (особенно смертности) от социальных и культурных условий жизни. Монография А. Г. Рашина¹ подвела итог тому, что было сделано к середине 50-х годов в области изучения демографической истории страны и вместе с тем стала предвестником подъема изучения этой проблематики.

Наряду с изучением истории населения России первые шаги еще в довоенные годы были сделаны в разработке зарубежной историко-демографической тематики. В предшествующей главе была названа книга П. И. Куркина о смертности и рождаемости в капиталистических странах Европы (М., 1938). Ее значительная часть основывалась на историко-демографических данных XIX — начала XX в. Одновременно с ней увидела свет книга Б. Ц. Урланиса «История американских цензов». Она до сих пор сохранила значение уникальной работы по истории демографической статистики США, а появление ее знаменовало приход в науку исследователя, который на протяжении всей своей деятельности активно занимался исторической демографией и внес в ее изучение существенный вклад.

Его книга «Рост населения в Европе (Опыт исчисления)» (М., 1941) явилась первым марксистско-ленинским исследованием европейской демографической истории, проведенным за большой период — с XI в. до 1940 г. Поставив задачу раскрыть динамику численности населения в эти столетия, Б. Ц. Урланис привлек многие статистические, экономические и исторические материалы, разработал методику их анализа, а также методику, производимых на их основе исчислений.

«Все материалы, которые были в нашем распоряжении,— писал он,— использованы, главным образом, под углом зрения *плотности населения*. Определяя среднюю плотность населения, мы получаем возможность осуществить своего рода *контроль в пространстве*. Плотность населения в условиях однородности социально-экономических форм и естественно-географических факторов известным образом связана с уровнем развития производительных сил. Это дает нам возможность производить некоторые расчеты, которые могут рассматриваться как приблизительно верные» (с. 15—16). Дополняя контроль в пространстве контролем во времени и сравнением получаемых темпов роста населения, Б. Ц. Урланис на протяжении всей работы проводит тонкие исчисления, получает данные, которые позволяют ему характеризовать демографические процессы на разных этапах их исторического развития.

Главное достоинство этой книги, благодаря которому она прочно вошла в историко-демографическую историографию, заключается в том, что в ней впервые «изучение темпов роста населения проводится в связи со сменой общественных формаций» (с. 7). Конечно, вопросы зависимости развития демографических процессов от изменений способа производства, смены социально-экономических формаций были поставлены значительно раньше — об этом писали, например, С. Г. Струмилин, Ю. А. Корчак-Чепурковский¹ и др.

В 30-е годы учение о социально-экономических формациях прочно утвердилось в советской исторической науке. Но именно Б. Ц. Урланис применил это учение к демографической истории, сделал глубоко обоснованную попытку установить связь между темпами роста насе-

¹ См. также: Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958 (1-е изд. М., 1940).

¹ См.: Струмилин С. Г. Избр. произведения. Т. 1. М., 1964, с. 123; Корчак-Чепурковский Ю. А. Указ. соч., с. 29.

ния, с одной стороны, и характером общественной формации — с другой.

Книга Б. Ц. Урланиса вызвала отклик, и прежде всего у историков. Ю. А. Корхов поддержал ее основные концептуальные установки; не вызвали они возражения и у М. А. Барга, который, однако, высказал «опасения в некоторой и почти неизбежной схематизации всей картины»¹, имея в виду схематичность данных о населении, определяемую состоянием источников. Сам он попытался дать оценку роста населения Англии XI—XIII вв., отличную от оценки Б. Ц. Урланиса.

Из других работ по зарубежной историко-демографической тематике нужно упомянуть о расчетах мирового населения Ф. Д. Маркузона, которые выше уже отмечались, а также о книге В. С. Козлова «Естественное движение населения капиталистических стран Европы» (М., 1959). Автор последовательно рассматривает изменения в рождаемости, смертности, приросте населения в рамках трех периодов: от последней четверти XIX в. до 1914 г., в межвоенные и послевоенные годы. Особое внимание он уделяет влиянию на население двух мировых войн.

Проблема войн и населения стала в тот период предметом ряда серьезных исследований. Начало им положила книга Л. С. Каминского и С. А. Новосельского «Потери в прошлых войнах» (М., 1947), в которой были рассмотрены данные с середины XVIII в. до первой мировой войны. Демографическим потерям посвятила свое исследование А. С. Семенова². Наконец, вышла обстоятельная книга Б. Ц. Урланиса «Войны и народонаселение Европы» (М., 1960), в которой на большом материале показаны людские потери в войнах XVII—XX вв.³

Таким образом, к исходу 50-х годов советская демографическая наука уже накопила некоторый опыт исследования проблем отечественной и зарубежной демографической истории. Не стояли в стороне от этого и совет-

ские историки. Те или иные стороны истории населения страны получили в 30—50-е годы освещение в трудах Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, П. П. Смирнова, С. Б. Веселовского, Б. А. Рыбакова, В. И. Шункова и целого ряда других ученых, в том числе работавших в области зарубежной истории. В 50-х годах начинают появляться специальные работы по истории народонаселения¹.

Однако потребности дальнейшего развития науки не удовлетворялись тем состоянием изучения истории народонаселения, которое сложилось к этому времени. Они властно выдвигали задачу коренного поворота в разработке данной области знаний, привлечения к ней научного внимания и исследовательских сил. Эту тенденцию развития науки одним из первых правильно подметил В. К. Яцунский (1893—1963), обративший еще в 1957 г. внимание на необходимость разработки истории народонаселения². На это указал и В. В. Покшишевский, писавший о создании особой вспомогательной дисциплины, которую можно было бы назвать «исторической демографией»³. Но особенное значение имела опубликованная в 1959 г. статья В. К. Яцуна «О некоторых отстающих участках нашей исторической науки». В ней ученый обосновал вопрос о необходимости ликвидации «отставания в области исторической демографии»⁴.

Это отставание он объяснял тем, что длительное время усилия советской исторической науки были направлены на разработку социально-экономической истории, классовой борьбы и ряда других первоочередных проблем. Нужно добавить, что немаловажную роль в недооценке проблематики истории народонаселения сыграли и охарактеризованные в предшествующей главе негативные моменты, которые оказали в 30—50-е годы отри-

¹ См.: Баранович А. И. Население предтепной Украины в XVI в.— Исторические записки, 1950, т. 32; Копанев А. И. Население Петербурга в первой половине XIX в. М.—Л., 1957; Белецкая В. А. Изменения численности и состава населения России в первой половине XIX в. по окладным книгам ревизий.— Труды Моск. госуд. ист.-арх. ин-та 1957, т. 10; Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в.— Исторические записки, 1959, т. 64.

² См.: История СССР, 1957, № 1, с. 192.

³ Там же, 1958, № 1, с. 190.

⁴ Там же, 1959, № 3, с. 26.

¹ Бург М. А. К вопросу о росте населения Англии XI—XIII вв.— Вопросы истории, 1947, № 11, с. 87; Корхов Ю. А. Опыт исчисления роста населения в Европе.— Там же, 1946, № 8—9.

² См.: Семенова А. С. Демографические потери в первой мировой войне.— Учен. записки МЭСИ, 1955, т. IV.

³ Чтобы не возвращаться к этой теме, отметим изданную позже книгу: Авербух А. С. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970.

цательное влияние на развитие советской демографической науки.

И здесь особо следует подчеркнуть, что высказывания В. К. Яцунского, В. В. Покшишевского и других ученых о развитии исторической демографии отразили не только тенденцию движения исторической науки, но и более широкую общественную потребность в изучении народонаселения. Это практически совпало с постепенно начинавшейся активизацией советской демографической науки, ее вступлением в свой новый, современный период развития, ознаменовавшийся с 60-х годов неуклонным подъемом демографических исследований. Таким образом, развертывание советской исторической демографии обеспечивалось не только со стороны исторической науки, но и демографической, которая по мере своего подъема все более активно обращалась к историко-демографической тематике.

Характеризуя 20—50-е годы как начальный период изучения истории народонаселения, когда взаимодействие истории и демографии в советской науке еще только зарождалось, а советская историческая демография делала самые первые шаги, можно выделить рубеж 50—60-х годов как время начала второго, современного периода в развитии марксистско-ленинских исследований историко-демографической проблематики. Он существенно отличается от первого не только резким увеличением количества исследований и расширением их тематики, но и все более тесным взаимодействием исторической и демографической наук на базе марксистско-ленинской методологии, диалектико-материалистического изучения демографической истории.

Внутри этого большого — теперь уже свыше чем двадцатилетнего периода — можно наметить три этапа. Первый из них приходится на время с конца 50-х — начала 60-х годов до второй половины 60-х годов. Это годы начавшегося становления современной советской исторической демографии, когда исследования в ее области велись в основном историками. Следующий этап хронологически охватывает вторую половину 60-х — первую половину 70-х годов. На этом этапе в исследования начинают включаться демографы, крепнет взаимодействие истории и демографии, а становление современной советской исторической демографии приобретает все более явный характер, одним из наглядных выражений

чего явилось проведение I Всесоюзного семинара по этой научной дисциплине (1974 г.). Третий этап начался примерно с середины 70-х годов и продолжается сейчас. Он характеризуется нарастанием и углублением историко-демографических исследований, постепенно развивающимся взаимодействием истории и демографии.

Разумеется, такая схема развития историко-демографических знаний в известной степени условна. Но вместе с тем она помогает лучше осмыслить развитие научных знаний в данной области.

Переходя к общей характеристике этапов, нужно прежде всего отметить, что В. К. Яцунский не ограничился общим указанием на необходимость изучения истории народонаселения, а вместе со своими учениками активно занялся разработкой данной проблематики. Его исследование¹ содержало важный вывод о том, что естественный прирост населения в районах Европейской России, заселение которых происходило со второй четверти XVIII в. по 1916 г., имел большее значение для увеличения здесь численности населения, чем иммиграция из старых районов. В этом же аспекте ученый выполнил ряд других работ².

Он сориентировал своих учеников на изучение в архивах материалов ревизий XVIII — первой половины XIX в. Так, в работах Н. М. Шепуковой были изучены динамика численности помещичьих крестьян в сравнении со всем населением Европейской России и изменения в их размещении в XVIII — первой половине XIX в.³ Глубокий анализ ревизий как исторического источника был дан в книге В. М. Кабузана «Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.» (М., 1963). Книга открывается обстоятельным историографическим очерком данной темы. Затем автор дает характеристику ре-

¹ См.: Яцунский В. К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1824—1916 гг. — История СССР, 1957, № 1.

² См.: Яцунский В. К. Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизованных районов России. — В кн.: Вопросы географии. Сб. 83. М., 1970; его же. Роль различий в уровне естественного прироста населения в географических сдвигах в размещении населения России в XIX—XX вв. — Там же.

³ См.: Шепукова Н. М. Изменение удельного веса помещичьих крестьян в составе населения Европейской России в XVIII — первой половине XIX в. — Вопросы истории, 1959, № 12. См. также: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1964.

визского, церковного и административно-полицейского учетов населения, а также их разновидностей. Проведя датировку ревизий и определяя их полноту и точность, автор стремится установить наиболее достоверную динамику численности населения страны. В книге затрагиваются также вопросы расселения населения, получившие освещение в более позднем исследовании автора¹.

Наряду с этими работами, посвященными истории населения Европейской России, публиковались статьи и книги по другим регионам страны. Особенно заметное место начинает занимать тематика восточных районов, прежде всего Сибири, которая и раньше привлекала внимание исследователей². Теперь, в условиях активного освоения этих районов, широкого развертывания здесь научной деятельности, их историко-демографическое изучение все более приобретает систематический характер. В первой половине 60-х годов выходят работы З. П. Бояршиновой, В. М. Кабузана и С. М. Троицкого, В. А. Александрова, М. М. Громыко³ и ряда других авторов.

Еще более примечателен развернувшийся с начала 60-х годов рост литературы по истории населения союзных и автономных республик⁴. Хотя эти работы в основном ограничивались характеристикой динамики численности народов, они дали толчок к последующему изучению демографических процессов.

¹ См.: *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971.

² См.: *Покишишевский В. В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951.

³ См.: *Бояршинова З. П.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960; *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Движение населения Сибири в XVIII в. — В кн.: *Сибирь в XVII—XVIII вв.* Новосибирск, 1962; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. М., 1964; *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965 и др.

⁴ См.: *Сидоров П. А.* Численность, состав и динамика населения Чувашии с конца XVIII в. — Учен. записки НИИ при СМ ЧАССР, 1962—1966, вып. 21, 23, 31; *Гарданов В. К.* О расселении и численности адыгейских народов в первой половине XIX в. — Советская этнография, 1963, № 4; *Машанова Л. В.* Некоторые сведения о демографии селенгинских бурят первой половины XIX в. — В кн.: *Культура и быт народов Бурятии.* Улан-Удэ, 1965, вып. 4; *Плоских В. М.* Динамика численности населения Киргизии за 100 лет. — Изв. АН Кирг. ССР, 1966, № 1; *Атабаев Б.* Рост населения Туркменской ССР за годы Советской власти. — Учен. записки Туркменского ун-та, 1969, вып. 52; *Тен К. П.* Русское население Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. — История СССР, 1970, № 4; *Алиакберова Н. М.* Народонаселение дореволюционного Узбекистана. — Научн. труды Ташкентского ун-та, 1971, вып. 400.

Небезынтересно, что и обращение демографов примерно с середины 60-х годов к историко-демографической тематике началось также с региональных исследований. Например, Т. С. Баталина исследовала возрастно-половой состав жителей Петербурга — Ленинграда, а Е. О. Кабо — движение пореформенного населения Москвы; Р. И. Сифман, тщательно обработав материалы проведенного еще в 1947 г. обследования в Закавказье, опубликовала историко-демографическое исследование о рождаемости в селах этого региона с начала века до 40-х годов; был выполнен и ряд других работ на региональные темы¹. Наряду с ними появились обобщающие историко-демографические очерки Б. Ц. Урланиса, А. Я. Кваши, о населении Москвы — Л. Л. Козловой². Несколько позже историко-демографические исследования о населении столицы опубликовали И. В. Дзарасова и В. Н. Горшкова (см.: О населении Москвы. М., 1980).

Постепенно историко-демографические исследования расширялись, рассматриваемые ими вопросы утверждались в тематике как исторической, так и демографической наук. Примечательно, что если в первом издании «Курса демографии» (1967 г.) историко-демографические проблемы не были выделены специально, то во втором издании (1974 г.) появилась обстоятельная глава «Демографическая история» (автор — А. Г. Вишневский). В ней на конкретном материале была раскрыта историческая эволюция смертности, брачности и рождаемости, а также изложена краткая история миграции населения.

¹ См.: *Хоцянов Л. К.* Опыт изучения демографических сдвигов в сельском населении Московской и Рязанской областей за истекшее столетие (1851—1960 гг.). М., 1963; *Баталина Т. С.* Динамика возрастно-полового состава населения Петербурга — Ленинграда. — Доклады по географии населения. Л., 1966, вып. 5; *Кабо Е. О.* К вопросу о естественном движении населения в пореформенной Москве. — Учен. записки по статистике, 1966, т. 10; *Сифман Р. И.* Рождаемость в селах Закавказья с начала XX в. до Великой Отечественной войны. — Там же.

² См.: *Урланис Б. Ц.* Динамика населения СССР за 50 лет. — В кн.: *Население и народное благосостояние.* М., 1968; *Кваша А. Я.* Динамика численности населения РСФСР за 50 лет. — Здравоохранение Российской Федерации, 1967, № 12; *Козлова Л. Л.* Закономерности естественного движения населения Москвы за 50 лет Советской власти. — В кн.: *К 50-летию советской статистики.* М., 1969.

Крупным обобщением изучения отечественной демографической истории стала изданная в 1973 г. книга Я. Е. Водарского «Население России за 400 лет (XVI—начало XX в.)». В отличие от названной выше главы учебного пособия, излагающей исторический ход демографических процессов, книга построена на раскрытии трех основных проблем: взаимосвязь территории и населения, его социальный состав и размещение. Эти проблемы последовательно рассматриваются применительно к населению России XVI—начала XVIII в., Российской империи (до 1861 г.) и капиталистической России. Книга, в значительной мере основанная на научных изысканиях автора, содержит богатые материалы, особенно она ценна изложением вопросов, связанных с раскрытием динамики численности населения России.

Хронологические рамки книги отразили тот временной диапазон, в котором развернулось изучение демографической истории. В основном оно сосредоточилось на исследовании ряда этапов дореволюционной истории, почти не затрагивая проблемы народонаселения эпохи социализма.

Этот серьезный недостаток историко-демографических исследований был убедительно раскрыт в опубликованной в 1974 г. статье В. З. Дробижева и Ю. А. Полякова «Народонаселение СССР и история советского общества»¹. В историографии современной советской исторической демографии она занимает особое место. В. З. Дробижев и Ю. А. Поляков впервые с исчерпывающей глубиной показали первостепенную важность обращения к изучению народонаселения советской эпохи. Они не только поставили эту проблему, но и выявили ее конкретные грани², указали основные направления исследований, а также охарактеризовали наиболее важные источники. Вместе с тем их статья имеет принципиальное методологическое значение, так как она раскрывает проблему взаимодействия истории и демографии на материалах самого актуального исторического периода.

Указывая на необходимость совместных усилий исторической и демографической наук в изучении истории советского общества, В. З. Дробижев и Ю. А. Поляков

отмечают: «Изучение демографических проблем, максимальное включение демографического материала в арсенал исторической науки обогащает его, расширяет фронт исторических исследований, помогает более глубоко и основательно решению ряда коренных задач, стоящих перед советскими историками. В свою очередь творческий контакт историков и демографов способствует успешному изучению собственно демографической проблематики, столь важной для практики коммунистического строительства»¹.

Определенную роль в налаживании таких контактов играют Всесоюзные семинары по исторической демографии, практика проведения которых не случайно возникла с середины 70-х годов: к этому времени начальный этап становления современных историко-демографических исследований был пройден, появилась потребность осознать, закрепить и развить достигнутое. Инициатива созыва первого семинара принадлежала эстонским ученым. Еще в конце 60-х годов при Институте истории АН СССР была образована проблемная комиссия по исторической демографии (Р. Н. Пуллат, Ю. Ю. Кахк, Х. Э. Палли, С. Х. Вахтре), которая осуществила подготовку и выпуск библиографии², установила контакты с учеными научных центров страны, провела ряд других работ.

На этой основе в ноябре 1974 г., являвшегося Всемирным годом народонаселения, в Таллине состоялся I Всесоюзный семинар по исторической демографии³, в котором участвовали историки и демографы Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Риги, Тарту и Таллина. Несмотря на то что были представлены не все научные центры, в которых ведется разработка данной проблематики, семинар убедительно продемонстрировал ее растущее изучение, а главное — показал, что историко-демографические исследования утвердились и получили признание как исторической, так и демографической наук, которые все более испытывают в них потребность.

Хотя вокруг общих теоретических вопросов исторической демографии, по которым выступили историк Р. Н.

¹ Вопросы истории, 1974, № 4, с. 38.

² См.: Библиография по исторической демографии Эстонии. Таллин, 1969. Книга издана на эстонском языке, но с подробными резюме на русском.

³ См.: Первый Всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы докладов. Таллин, 1974.

¹ Вопросы истории, 1974, № 4.

² См. также: Поляков Ю. А. Изменение социальной структуры в СССР. М., 1973; Дробижев В. З. Движение населения в СССР и социальный прогресс. М., 1974.

Пуллат и демографы Г. Е. Ананьева и А. П. Судоплатов, возникла дискуссия, мнение участников семинара относительно дальнейшего развития историко-демографических исследований совместными усилиями исторической и демографической наук было единым. В двух секциях семинара — досоветской истории и советского периода — были заслушаны свыше 20 докладов, но распределение их по периодам оказалось неадекватным соотношению значимости последних: по досоветской истории — 16 докладов, по советскому периоду — только пять¹. Не рассматривалась на семинаре и зарубежная тематика.

В общем это свойственно и для последующих семинаров. Второй из них состоялся в 1977 г. в Риге², третий — в 1979 г. в Омске. По результатам работы каждого из них изданы сборники научных статей: «Проблемы исторической демографии СССР» (Таллин, 1977) (I), «Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.)» (Таллин, 1979) (II), «Проблемы исторической демографии СССР» (Томск, 1980) (III)³. В общей сложности в них опубликовано почти 80 статей.

Четвертая часть статей сборников посвящена истории советского общества. Это, конечно, недостаточно, но нельзя не отметить, что от сборника к сборнику количество материалов по советской тематике нарастает. Некоторые из них представляют большой научный интерес. К их числу относится, например, статья И. Л. Корнаковского и В. Е. Полетаева (II), авторы которой на материалах социологических обследований 1936 и 1972 гг. глубоко анализируют социально-демографическую структуру советской рабочей молодежи.

Историко-демографические аспекты урбанизации Сибири в период строительства социализма содержательно раскрыты в статье А. С. Московского, В. И. Исаева, А. А. Николаева (III). Восточная часть этого региона — в центре внимания статьи И. И. Кузнецова (III),

¹ См.: Кивияма С. К., Пуллат Р. Н. Первый Всесоюзный семинар по исторической демографии. — История СССР, 1975, № 3, с. 212.

² См.: Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы докладов. Рига, 1977.

³ Далее отсылки на сборники обозначаются римскими цифрами в скобках.

на обширном материале характеризующей изменение здесь численности и состава населения в 1941—1945 гг.

Отметим две статьи по Прибалтике. Процесс старения населения ЭССР рассмотрел в историко-демографическом плане У. И. Мересте (I). В статье П. П. Звидриньша (II) основательно показан ряд особенностей демографического перехода к современному типу воспроизводства населения в Латвии. Тематика статей, таким образом, довольно разнообразна. Она, разумеется, далеко не исчерпывает даже части того обширного круга вопросов, которые еще предстоит исследовать. Но вместе с тем опубликованные статьи свидетельствуют о богатстве неиспользованных источников и широких возможностях в изучении самого актуального периода в демографической истории нашей страны.

Переходя к рассмотрению статей сборников по периодам феодализма и капитализма, отметим несколько неожиданное обстоятельство: ослабление интереса к исследованию проблем народонаселения второй половины XIX — начала XX в. В первом сборнике этот период вообще не упоминается, в двух последующих он рассматривается, как правило, только в обзорных статьях, охватывающих несколько столетий, в том числе и XIX — начало XX в.

Анализ литературы показывает, что указанный недостаток не является только особенностью этих сборников. Они беспристрастно отразили реальное положение — проблематика народонаселения периода капитализма изучается в настоящее время слабо. Известно, что в 20—30-е годы ей уделялось определенное внимание. «Открытие» в 50—60-е годы демографических источников российской истории XVII — первой половины XIX в., очевидно, сыграло свою роль в одностороннем развитии исследований. Ясно, что образовавшийся пробел должен быть ликвидирован. Важность изучения демографических процессов второй половины XIX — начала XX в. — несомненна, не говоря уже о том, что неизученность их образует провал в единой картине демографической истории и в общем-то превращает в самоцель исследование ее предшествующих периодов.

Основная масса статей освещает период феодализма, а если говорить точнее — чаще всего период XVII — первой половины XIX в. В сборниках только две обобщающие статьи — Я. Е. Водарского, В. М. Кабузана о насе-

лении городов в XVI—начале XIX в. (II) и этих же авторов совместно с Л. Г. Бескровным о миграциях в XVII—начале XX в. (III). Остальные статьи ограничены тематически и территориально. Тем не менее многие из них раскрывают важные проблемы. Так, исследование А. Л. Перковским (I) материалов Румянцевской описи и церковной статистики позволило ему установить людность украинского двора и величину семей во второй половине XVIII в.¹ Ю. Ю. Кахк и Х. Э. Уйбу (I) дали важную характеристику социальной структуры семьи и мобильности крестьянства Эстонии во второй четверти XIX в.

В последнем из рассматриваемых сборников нарушена традиция ограничиваться публикацией материалов не «ниже» XV—XVI вв. В сборнике помещена статья А. П. Окладникова (1908—1981) о миграционных процессах в Северной Азии (Сибири) в эпоху палеолита. Эта публикация выдающегося ученого еще раз подчеркнула единство всего процесса демографической истории с древнейших времен до наших дней, искусственность попыток выведения палеодемографии за рамки исторической демографии. Она тем более своевременна, что в последние годы среди советских археологов и палеантропологов стал проявляться интерес к проблемам демографии древнего населения².

Заканчивая характеристику сборников, нужно отметить, что хотя их авторские коллективы включают в себя не только историков, но и демографов (и в этом — особая важность сборников, способствующих взаимосвязям истории и демографии), ряд проблем демографической истории не получил в них достаточного осве-

щения. Прежде всего это относится к глубокому изучению процессов воспроизводства населения и непосредственно связанных с ним вопросов.

Серьезную заявку на раскрытие этой проблематики сделали авторы сборника «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР», вышедшего под редакцией А. Г. Вишневского в 1977 г. Он открывается тремя статьями, посвященными изучению демографической истории советского общества. Остальные статьи сборника написаны по дореволюционной тематике. При этом характерно, что только в одной статье (Х. Э. Палли о воспроизводстве населения Эстонии в XVII—XIX вв.) хронологические рамки исследования отодвинуты в глубь столетий, все другие статьи рассматривают проблемы XIX—начала XX в. Кроме того, они в основном базируются на общероссийских материалах. Такой хронологический и тематический подход закономерен. Авторами сборника являются демографы, хорошо знающие практику современных демографических исследований и ее историко-демографические запросы.

Исходя из этих запросов, авторы и определили тематику своих работ, хронологически максимально приблизив ее к рубежам современной истории. Не называя все статьи, укажем на актуальность исследования А. Г. Вишневским ранних этапов становления нового типа рождаемости в России. Интересные данные приводит и М. С. Тольц, рассмотревший брачность в конце XIX—начале XX в. Статья Б. Н. Миронова представляет собой еще редкий в нашей литературе тип исследования — в ней характеризуется традиционное демографическое поведение крестьян в XIX—начале XX в. Крестьянство — в центре внимания и статьи А. Л. Перковского, в которой прослеживается нарастание кризиса демографического воспроизводства крепостного населения в десятилетия, предшествовавшие 1861 г. Всем своим содержанием (включая и статьи по советскому периоду) сборник ориентирует на исследование актуальных проблем отечественной демографической истории, и в этом заключается его важное историографическое значение.

Разумеется, изучение этих проблем активно ведется и за пределами охарактеризованных изданий. Количество статей по историко-демографической тематике стало за последнее десятилетие настолько значительно, что в настоящее время назрела необходимость в специальном

¹ См. также: Перковский А. Л. Воспроизводство населения на Левобережной Украине в конце XVIII в. — В кн.: Материалы XV симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976, вып. 1; его же. Об изучении смертности и продолжительности жизни в России в XVIII в. (III).

² См.: Козинцев А. Г. Демография тагарских могильников. — Советская этнография, 1971, № 6; Алексеев В. П. Палеодемография СССР. — Советская археология, 1972, № 1; Круз С. И. Население территории Украины эпохи меди-бронзы. Киев, 1972; Кузьмина Е. Е. О некоторых вопросах андроновской демографии. — Известия СО АН СССР, 1974, № 6, сер. общ. наук, вып. 2; Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979; Яблонский Л. Т. К палеодемографии населения средневекового города Сарай Бату. — Советская этнография, 1980, № 1 и др.

библиографическом указателе по данной тематике. Не имея возможности рассмотреть эти статьи, укажем, что в основном их проблемная и тематическая характеристика исчерпывается тем, что было выше отмечено в связи с четырьмя наиболее крупными современными историко-демографическими сборниками.

В последние годы историко-демографическая тематика начинает выходить на страницы центральных исторических журналов, что является свидетельством зрелости осуществляемых в данной области исследований, а также выражением ее признания как одной из основных проблем науки. Из публикаций журнала «Вопросы истории» последних лет особо следует отметить материал о численности и национальном составе населения России в 1917 г., которая подвела один из первых итогов многолетней работы, ведущейся под руководством Ю. А. Полякова, по изучению населения России ко времени Октябрьской революции и явилась крупным событием в исторической демографии советского общества¹. Хронологически к этому периоду примыкает период, рассмотренный в статье В. И. Пронина, которую поместил журнал «История СССР» (1981, № 4). Можно назвать также ряд других журнальных статей².

Но как ни примечателен рост статейных материалов, все же рассматриваемый этап современной советской исторической демографии, возможно, войдет в ее историографию как время начала выпуска книжно-монографических изданий по отечественной истории народонаселения. Действительно, если до середины 70-х годов такие издания насчитывались единицами, то теперь появилось более десятка книг и выпуск их продолжается.

В основном это работы регионального характера.

¹ См.: Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 г. — Вопросы истории, 1980, № 6. См. также: Поляков Ю. А., Киселев И. Н., Устинов В. А. К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917—1926 годах. — История СССР, 1981, № 2.

² См.: Дробижев В. З. Организация учета естественного движения населения СССР в 1917—1926 гг. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. «История», 1978, № 3; его же. Становление политики Советского государства в области естественного движения населения. — Там же, 1981, № 1; Перковский А. Л. Новые данные о населении Киева в середине XVIII в. — Вопросы истории, 1982, № 6 и др.

Исключение составляет обстоятельная монография Я. Е. Водарского «Население России в конце XVII — начале XVIII века» (1977). Подзаголовок книги: численность, сословно-классовый состав, размещение — определяет три основные линии исследования. В работе они реализуются путем анализа достоверности данных источников, характеристики класса феодалов (дворянство, духовенство, бюрократия), а также феодально-зависимого населения. Заключительная глава книги подытоживает основные аспекты исследования.

Ученый впервые доказательно установил, что население России во время правления Петра I не только не сократилось, как было принято считать раньше, но последовательно возрастало. Как показал Я. Е. Водарский, в первой четверти XVIII в. шел массовый отлив населения из Нечерноземья в Черноземный центр и Среднее Поволжье. Районами заселения и массового прироста населения в тот период были Черноземный центр, северо и юго-восток, Слободская Украина, Сибирь. «В плане воздействия социально-экономического развития и политики правительства на население, — отмечает Я. Е. Водарский, подводя итоги, — можно считать доказанным: в изучаемый период потери населения и понижение вследствие них естественного прироста составили только относительно небольшую часть всего прироста населения; что миграции населения во второй половине XVII — начале XVIII в. носили массовый характер... что большинство мигрантов были беглыми крестьянами; что заселение новых пространств на юге и юго-востоке страны было народным» (с. 197).

Миграция населения в Сибирь в первой четверти XVIII в. является исходным пунктом исследования А. Д. Колесникова «Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в.» (Омск, 1973). В этой обстоятельной книге последовательно прослеживаются основные этапы формирования русского населения региона, источники и темпы его роста. Несмотря на высокую смертность, указывает А. Д. Колесников, естественный прирост населения изучаемого района в XVIII — первой половине XIX в. находился на достаточно высоком уровне. Высокий естественный прирост, приток ссыльных и переселенцев оказывали воздействие на темпы роста населения Сибири, которые были значительно выше, чем в целом по стране (с. 343). Книга А. Д. Колесникова —

приметное явление в историографии истории населения Сибири, которая начала развиваться еще в предшествующие десятилетия и пополняется новыми изданиями¹.

Территориально к теме этой работы примыкает выдержавшее два издания исследование В. М. Кабузана о заселении Дальнего Востока. Он же опубликовал фундаментальную работу о заселении Новороссии, а также книгу о народонаселении Бессарабии и Приднестровья². Этнические и социально-демографические процессы в этом регионе исследовал В. С. Зеленчук — автор монографии «Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в.» (Кишинев, 1979). Из работ по союзным республикам следует отметить книгу Н. Е. Бекмахановой «Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII — 60-е гг. XIX в.)» (М., 1980).

Этот же хронологический период освещен в серии исследований (1959—1981 гг.) Е. И. Дружининой, давших характеристику населения Южной Украины. Статистико-демографический очерк ее западных районов содержится в книге В. П. и С. И. Копчаков «Население Закарпатья за 100 лет. 1870—1970.» (Львов, 1977).

Кроме того, вышли две монографии, посвященные истории населения Эстонии. Первая из них — книга Р. Н. Пуллата «Городское население Эстонии с конца XVIII в. до 1940 г.» (Таллин, 1976) дает историко-демографический анализ развития городских поселений в этом районе Прибалтики. Раскрыв общую картину формирования городского населения в конце XVIII — начале XIX в., Р. Н. Пуллат затем исследует динамику и численность, естественное и миграционное движение, демографическую, национальную и социальную структуры населения буржуазной Эстонии. Важно, что автор в данной и предшествующей своей работе³ затрагивает проблемы демо-

графической политики, постоянно стремится раскрыть взаимосвязь социально-экономических и демографических процессов.

Другая монография — книга Х. Э. Палли «Естественное движение сельского населения Эстонии (1650—1799 гг.)» (Таллин, 1980). Эстония — один из районов нашей страны, в котором имеются приходские метрические книги XVII—XVIII вв., Х. Э. Палли обработал эти источники, творчески применив метод ВИС. На этой основе он прослеживает по ряду приходов изменения в процессах воспроизводства населения и связанных с ними явлениях, мобилизует обширный круг источников, стремясь реконструировать детали демографической ситуации рассматриваемых сельских приходов.

Здесь названы далеко не все книжные издания по отечественной историко-демографической проблематике⁴. Закономерно, что советские ученые уделяют ей первостепенное внимание. Вместе с тем важное значение имеет и изучение истории народонаселения других стран, а также проблем всеобщей демографической истории.

Работа в этом направлении была начата, как отмечалось, еще в период зарождения советской исторической демографии, продолжается она и на современных этапах. Зачинателями изучения истории народонаселения ряда стран выступили в конце 60-х — начале 70-х годов медиевисты. Работы о населении Франции опубликовали Н. В. Ревуненкова и А. А. Лозинский, исследование демографии шведского города было проведено А. А. Сванидзе⁵. Медиевистам принадлежат и историографические обзоры, выполненные на высоком уровне В. В. Самаркиным⁶. Кроме того, имеется ряд демографо-страноведчес-

¹ Отметим, что специального историко-демографического анализа требует одно из самых фундаментальных изданий, связанное с рассматриваемой проблематикой: История городов и сел Украинской ССР. В 26 т. Киев, 1967—1981. О характере и содержании этого издания см.: Тронько П. Т. Прошлое и настоящее Украины в истории ее городов и сел. — Вопросы истории, 1971, № 1.

² См.: Ревуненкова Н. В. Население Монпелье в XII в. — Средние века, 1967, т. 30; Сванидзе А. А. К исследованию демографии шведского города. — Там же, 1968, т. 31; 1969, т. 32; Лозинский А. А. О росте населения Парижа в XVI в. — Там же, 1973, т. 37.

³ См.: Самаркин В. В. «Черная смерть» по данным современной зарубежной литературы. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. «История», 1976, № 3; он же. Историческая демография западноевропейского средневековья. — Вопросы истории, 1977, № 2.

¹ См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972; Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975.

² См.: Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1971; 2-е изд., 1976; его же. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья в конце XVII — первой половине XIX в. Кишинев, 1974; его же. Заселение Новороссии (1719—1858 гг.). М., 1976.

³ См.: Пуллат Р. Н. Городское население буржуазной Эстонии. Таллин, 1973.

ких очерков, в которых затрагиваются историко-демографические вопросы¹.

Однако в целом изучение зарубежной тематики явно не соответствует уровню современных задач советской исторической демографии. Ликвидация отставания в данной области прямо связана с дальнейшим развитием марксистско-ленинских историко-демографических исследований и вытекает из потребностей как исторической, так и демографической наук.

Эта потребность демографической науки наглядно выявилась в последнее время в обращении демографов к проблемам всеобщей демографической истории. Начало этому было положено еще во второй половине 60-х годов и было связано с развернувшейся тогда разработкой законов народонаселения. В 1967 г. вышла книга М. С. Авербуха «Законы народонаселения докапиталистических формаций», автор которой собрал и обобщил большой фактический материал. Однако его попытка сформулировать демографические законы ранних формаций оказалась неудачной главным образом в силу прямолинейно-упрощенного подхода к пониманию взаимосвязи социально-экономических и демографических процессов. Несмотря на это, исследование М. С. Авербуха имело свое значение. Оно привлекло внимание к проблеме², способствовало усилению интереса к демографической истории, хотя ее последующее изучение развернулось в иных аспектах.

Выше уже была названа глава «Демографическая история» учебного пособия «Курс демографии». Еще более значительный по объему и содержанию очерк истории развития народонаселения с древнейших времен до наших дней приведен в другом учебном пособии — «Основы теории народонаселения». В его главах, посвященных докапиталистическим формациям, охарактеризован непрерывный процесс развития народонаселения

от первобытного общества до нового времени. Главы, рассматривающие демографические процессы при капитализме и закономерности развития народонаселения при социализме, доводят историю народонаселения до современности. Таким образом, впервые исторический процесс развития народонаселения получил единое освещение во всех его периодах.

Сегодня этот процесс, пожалуй, как никогда привлекает внимание демографов. Связано это главным образом с обсуждением гипотезы «демографической революции» («демографического перехода»), получившей в последние годы определенное распространение в советской демографической литературе. Как уже было сказано, сама эта гипотеза, рассматривающая демографическую историю как последовательную смену основных (чаще всего трех) типов воспроизводства населения, была сформулирована западными учеными (А. Ландри, Ф. Нотштейн и др.) и имеет хождение в современной зарубежной литературе, в том числе в значительной части историко-демографических работ.

Из ученых социалистических стран первый к ней обратился Э. Павлик (ЧССР). «Демографическая революция — всеобщий процесс, — писал он в середине 60-х годов, — при котором примитивные способы воспроизводства населения заменяются современным способом воспроизводства, существующим у нас или в большинстве европейских стран и в экономических развитых странах других континентов»¹.

Примерно в таком же понимании гипотезу «демографической революции» почти одновременно изложили А. Г. Вишневский и А. Я. Кваша². Идея, выдвинутая в свое время А. Ландри и интерпретируемая в западной литературе, была взята ими в качестве общей исходной посылки, используя которую, они стремятся с диалектико-материалистических позиций осмыслить историческую смену способов воспроизводства населения.

Серьезная попытка такого осмысления предпринята в историко-демографическом исследовании А. Г. Виш-

¹ См.: Петров В. В. Население Индии. М., 1978; Ананьева Г. Е. Из истории роста населения Японии. — В кн.: Вопросы демографии. М., 1970; Вяткин А. Р. Население Бирмы. М., 1979 и др.

² См.: Перковский А. Л. К вопросу о законе народонаселения докапиталистических формаций. — Демографические тетради. Киев, 1972, вып. IV—V; его же. О механизме действия экономических законов народонаселения и демографическом развитии России конца XVIII — первой половины XIX в. — (II). См. также: Урланис Е. Б. Демографическая политика в рабовладельческом и феодальном обществах. — В кн.: Вопросы демографии.

¹ Pavlík Z. Nástin populacního vývoje světa. Praha, 1964, p. 38; Павлик Э. Проблемы демографической революции. — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века.

² См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция. — Вопросы философии, 1973, № 2; Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974.

невского «Демографическая революция» (М., 1976). Он наиболее полно изложил положения, связанные с пониманием «демографической революции», а ряд его последующих работ¹ дополнил и расширил ее трактовку. Гипотеза «демографической революции» («демографического перехода») обрела сторонников, но, заметим, единства в подходе к ней и приложении ее к конкретным историко-демографическим процессам нет.

Вместе с тем целый ряд ученых активно выступает с критикой этой гипотезы. Специальную статью такой критике посвятил А. Я. Боярский. По его мнению, теория «демографического перехода», игнорирующая «самое главное содержание исторического развития — смену общественных формаций», смыкается «с теорией индустриального общества и другими нынешними конструкциями буржуазной общественной науки»².

Против сведения демографической истории к трем типам воспроизводства населения выступила и В. С. Стешенко, которая считает, что научная периодизация демографического процесса «не может быть оторванной от периодизации общего исторического процесса, она должна основываться на общей методологии периодизации развития общественных явлений, выработанной марксистско-ленинской философией»³. Заметим также, что Б. Ц. Урланис, в свое время положивший начало изучению демографической истории в соответствии со сменой социально-экономических формаций, сохранил эту позицию и в своей последней книге «Эволюция продолжительности жизни», вышедшей в 1978 г.

Как видно из изложенного, гипотеза «демографической революции» («демографического перехода») привлекла внимание демографов к историко-демографической проблематике; дискуссия вокруг нее породила различные, подчас, полярные точки зрения⁴. Не оценивая

¹ См.: Вишневский А. Г. Социальное управление рождаемостью. — Вопросы философии, 1978, № 6; *его же*. Демографические отношения и общество. — Там же, 1981, № 4; *он же*. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.

² Боярский А. Я. Население и методы его изучения, с. 66—67.

³ Стешенко В. С. Демография в современном мире, с. 113—114.

⁴ Разумеется, здесь были отмечены не все из них. Резко против указанной гипотезы выступил, например, и В. И. Козлов. См.: Козлов В. И. К вопросу о роли демографических факторов в истории (II), с. 10—11.

в данном случае те или иные позиции, важно подчеркнуть, что исход дискуссии в немалой степени зависит также от дальнейшего развития марксистско-ленинских историко-демографических исследований, что диктуется и всеми потребностями современного движения демографической науки.

Прочная предпосылка для такого развития создана. В прошедшее десятилетие в данной области знаний произошли значительные сдвиги, которые служат хорошей основой для еще более широкого развертывания исследований, расширения и упрочения взаимодействия исторической и демографической наук.

Теоретические вопросы изучения истории народонаселения

Дальнейшее развитие марксистско-ленинского изучения демографической истории в соответствии с теми задачами, которые выдвигаются современным поступательным движением демографической и исторической наук, определяет необходимость рассмотрения ряда теоретических вопросов, связанных со становлением и ростом исторической демографии, сегодня уже имеющей постепенно формирующиеся источниковедение и историографию.

Историко-демографическое источниковедение зародилось одновременно с начавшимся на рубеже 50—60-х годов подъемом в изучении истории народонаселения. Работы В. К. Яцунского, В. М. Кабузана, Я. Е. Водарского, Х. Э. Палли и ряда других авторов, исследовавших конкретные вопросы демографической истории, внесли значительный вклад и в становление источниковедения данной проблематики. Вместе с тем постепенно накапливаются специальные работы, характеризующие источники по отдельным темам и периодам¹.

¹ См., например: Кабузан В. М. Демографическая статистика России в XVIII — первой половине XIX в. — Труды Московского историко-архивного института, 1963, т. 17; Кабузан В. М., Пуллат Р. Н. Обзор статистических источников о численности и составе городского населения России XVIII — начала XX в. — Известия АН ЭССР, 1975, т. 24. Сер. общ. науки, № 2; Гусейнова А. М. Качество статистической информации о естественном движении населения Азербайджана на рубеже XIX—XX вв. — В кн.: Проблемы истории демографической мысли и критики буржуазных демографических концепций. Киев, 1979; Антадзе К. Д. Статистико-демографический материал о Грузии XIX в. (III) и др.

Такие исследования имеют важное значение, так как в последние десятилетия в научный оборот введены многие документальные материалы. Наглядный пример тому — разработка окладных книг ревизий XVIII—XIX вв., которые, как отмечает И. Д. Ковальченко, дают «наиболее точные сведения о народонаселении крепостной эпохи»¹. Теоретико-источниковедческое осмысление этих и других групп историко-демографических источников становится теперь одной из насущных задач развития данной научной дисциплины.

Особенно это относится к документам советской эпохи. Отметим в этой связи выступление В. З. Дробижеева², который глубоко охарактеризовал традиционные источники (переписи населения, его текущий учет) и вместе с тем показал возможности расширения источниковой базы историко-демографических исследований советского общества за счет вторичной обработки материалов переписей, а также использования данных социологических обследований. В. З. Дробижев не только привлек внимание к новым источникам, но и поставил вопрос о дальнейшем развитии историко-демографического источниковедения и особенно относящегося к демографической истории советского общества.

Обращаясь к становлению историографии изучения истории народонаселения, следует прежде всего еще раз отметить деятельность В. К. Яцунского. В 1960—1963 гг. он подготовил доклад «Историческая демография в СССР», в котором охарактеризовал состояние изучения данной проблемы к исходу 50-х годов. В 1966 г. В. И. Козлов впервые в нашей литературе дал общую характеристику исторической демографии как научной дисциплины, внес заметный вклад в изучение демографической истории³.

¹ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 30.

² Дробижев В. З. Некоторые вопросы источниковедения историко-демографических исследований советского общества (I). См. также: Гапоненко Л. С., Кабузан В. М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916—1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. — История СССР, 1961, № 6.

³ См.: Козлов В. И. Народонаселение. — СИЭ, т. 9. М., 1966; *его же*. Динамика численности народов. М., 1969; *его же*. Демография и система исторических наук. — В кн.: Место демографии в системе наук; *его же*. Этническая демография. М., 1977.

Из публикаций 70-х годов укажем работу С. С. Дмитриева, поставившего вопрос о взаимосвязи развития народонаселения России и ее истории¹. Появились также работы, ставящие задачу изучения демографической истории эпохи социализма. Примерно к этому же времени относится выступление Р. Н. Пуллата по основным теоретическим проблемам изучения истории народонаселения. Его статьи (I), (III) дали общую характеристику хода изучения данной проблематики. Появились и другие работы теоретического характера². Обстоятельное рассмотрение историографии изучения народонаселения Советской России провел Ю. А. Поляков, одновременно затронув ряд методологических вопросов³.

Все большее внимание к этим вопросам проявляют и демографы. В 1976 г. впервые в советской демографической литературе был опубликован специальный очерк об исторической демографии, авторы которого Г. Е. Ананьева и А. П. Судоплатов дали обобщенную характеристику этой научной дисциплины⁴. Ее место в системе изучения народонаселения явилось предметом рассмотрения статьи У. И. Мересте (I). С работой теоретического плана («Историческая демография и история населения») выступил А. Г. Вишневский (III). Методология исторического изучения развития народонаселения рассматривается в книге М. Б. Татимова⁵. Отметим также обстоятельный историографический очерк С. М. Навасардова и В. С. Мулина (III) историко-демографических исследований на северо-востоке страны.

¹ См.: Дмитриев С. С. Население страны и ее история. — В кн.: Водарский Я. Е. Население России за 400 лет.

² См.: Шелестов Д. К. История и современность (заметки об изучении исторической демографии). — В кн.: Население мира: вчера, сегодня, завтра (Народонаселение; Вып. 31). М., 1980; *его же*. История и демография. — Вопросы истории, 1981, № 5.

³ См.: Поляков Ю. А. Население Советской России в 1917—1920 гг. (Историография и источники). — В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.

⁴ См.: Ананьева Г. Е., Судоплатов А. П. Историческая демография. — В кн.: Система знаний о народонаселении.

⁵ См.: Татимов М. Б. Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата, 1978.

Приведенный краткий обзор не исчерпывает литературу по историографии и теоретическим вопросам исторической демографии, рассматриваемых также и в некоторых конкретных исследованиях. Но даже он свидетельствует, что эти вопросы начинают привлекать внимание ученых. Вместе с тем далеко не все теоретические проблемы изучения истории народонаселения в целом и исторической демографии в частности выяснены и даже поставлены. Многие из них либо пока еще не попали в поле зрения ученых, либо в силу их неразработанности освещаются совсем не бесспорно.

Отмечая это, нужно тем не менее подчеркнуть что названные выше работы создали первичную основу для изучения на новом, более высоком уровне взаимодействия истории и демографии, значения исторической науки во всей разработке проблем народонаселения. Именно благодаря сделанному, опираясь на него, стало возможным осмысление этих вопросов, их современная постановка.

Другая важная предпосылка их изучения заключается в неуклонном росте выхода конкретных исследований по истории народонаселения и особенно работ историко-демографического характера. Первые теоретико-историографические наблюдения в данной области формировались на основе анализа относительно небольшого количества работ, к тому же выполненных чаще всего лишь историками. Теперь их фонд значительно возрос и продолжает заметно увеличиваться. Происходит это не только за счет исторических исследований. Год от года увеличивается вклад и демографической науки, современный подъем которой сказался также на исторической демографии. Все это, как никогда раньше, создает предпосылки и одновременно вызывает потребность дальнейшей разработки теоретических проблем научного изучения истории народонаселения.

Круг этих проблем — широк, рассматривая его, останемся последовательно на двух группах вопросов: во-первых, на общей характеристике изучения истории народонаселения в целом и, во-вторых, на одном из важнейших разделов этого изучения — исторической демографии. Поставленные вопросы неразрывно связаны с исторической наукой, поэтому их анализ следует начать с выявления ее роли в исследовании проблем народонаселения.

Примечателен еще не отмеченный в литературе факт: современный подъем марксистско-ленинского изучения народонаселения начался с исторической науки. Именно она одна из первых отразила в новых исторических условиях объективную потребность социалистического общества в более глубоком изучении народонаселения и со второй половины 50-х годов развернула неуклонно нарастающие исследования его истории.

Активное обращение ее к данной проблематике — закономерно: изучение народонаселения было органически присуще марксистско-ленинской историографии с самого начала ее формирования. Когда четверть века назад был выдвинут вопрос о развитии изучения истории народонаселения, состояние этого изучения не случайно, на наш взгляд, было оценено только как «отстающий участок»¹ исторической науки. Действительно, речь шла не о разработке принципиально новой тематики, а тех проблем, которые уже были поставлены ходом предшествующего развития советской историографии. Их выдвижение еще в процессе формирования последней было закономерно, так как выражало диалектико-материалистический подход к изучению народонаселения и его истории, решающий вклад марксизма-ленинизма во все становление и развитие научного изучения народонаселения, имеющего комплексный характер.

Будучи «богатой совокупностью»², народонаселение уже в силу такой своей природы требует многостороннего изучения, которое не может быть осуществлено только одной какой-либо наукой. Выражение «наука о народонаселении», применяемое иногда к демографии, является не более чем образным обозначением последней, так как в действительности она изучает не народонаселение как таковое, а только одну (правда, очень существенную) сторону его жизнедеятельности — воспроизводство и связанные с этим проблемы. Несколько более оправданным является употребление указанного выражения, когда речь идет об изучении народонаселения в целом; в этом случае как бы подчеркивается единство объекта и целостность в конечном итоге его изучения, осуществляемого в различных науках.

¹ История СССР, 1959, № 3, с. 26.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 37.

Народонаселение является, таким образом, тем объектом, который требует изучения одновременно в разных ракурсах, с позиций различных наук, что сразу порождает комплексность такого изучения и вместе с тем (в силу «многочисленных определений и отношений», характеризующих этот объект) его широкий диапазон. Изучением народонаселения занимаются практически все общественные науки, разумеется, каждая из них исследует его с определенной стороны, в пределах своей предметной области. В своих аспектах рассматривает народонаселение и ряд естественных наук.

В силу многообразия процессов развития народонаселения, объективной необходимости его комплексного изучения, исследования истории народонаселения также осуществляются комплексно. Но у этой комплексности есть своя специфика, которая сразу порождает интегральные возможности. Эта специфика выражается в том, что хотя отдельные аспекты истории народонаселения и рассматриваются в различных науках, каждая из них при этом непременно взаимодействует с исторической наукой. Последняя, таким образом, участвует в разработке всех аспектов истории народонаселения. Но это только одна сторона дела. Другая заключается в том, что историческая наука не просто участвует в такой разработке, но и интегрирует все полученные при этом знания, является единственной наукой, которая исследует историю народонаселения не в отдельных ее аспектах, а во всей ее совокупности.

Нужно заметить, что понятие «история народонаселения» не всегда применяется адекватно его действительному содержанию. Иногда пишут, что, скажем, историческая география населения это — научная дисциплина, изучающая историю народонаселения. Но это неточно. Данная дисциплина изучает только часть истории народонаселения — развитие закономерных связей между народонаселением и географической средой. Можно привести другие аналогичные примеры, но вывод будет один: история народонаселения не сводится к какому-либо одному ее аспекту или разделу.

По нашему мнению, это — вся совокупность «историко-народонаселенческих» проблем, каждая из которых связана с определенным аспектом (историко-социальным, историко-экономическим, историко-демографическим, историко-географическим и др.), но в единстве

образующих историю народонаселения. Иначе говоря, это различные стороны всемирно-исторического процесса, связанные с развитием народонаселения. Поэтому изучение истории народонаселения как таковой — прерогатива только исторической науки, хотя разработку ее отдельно взятых проблем она ведет в тесном взаимодействии с целым рядом наук. Одна из важных сторон этого взаимодействия именно в том, что историческая наука интегрирует все исторические знания о народонаселении, полученные ею в ходе совместных исследований с другими науками, и обеспечивает их разработку в совокупности.

Данная постановка вопроса позволяет определить значимость изучения истории народонаселения как собственно для исторической науки, так и для разработки проблем народонаселения, всей системы знаний о нем.

Необходимость исследований истории народонаселения для исторической науки определяется прежде всего тем, что они неразрывно связаны с изучением социально-экономической истории, которая не может быть всесторонне раскрыта без анализа развития народонаселения как субъекта и объекта общественного производства и всех социальных отношений. При этом важное значение имеет правильное понимание соотношения таких категорий, как «общество» и «народонаселение». Представляется, что такое понимание дает системный подход, согласно которому народонаселение, будучи само системой, выступает как подсистема по отношению к системе «общество в целом». Этот подход позволяет выявить и место истории народонаселения во всем процессе изучения истории общества. Как ни важна разработка истории народонаселения, она не является самодовлеющей, а подчинена раскрытию социально-экономической истории, представляет собой часть исследований исторического процесса.

Выше было отмечено, что эту разработку историческая наука осуществляет во взаимодействии с целым рядом других наук, которые, таким образом, решая свои задачи и задачи изучения народонаселения, одновременно участвуют и в разработке его истории. В свою очередь и историческая наука «не остается в долгу». Она вносит свой вклад в изучение проблематики народонаселения, органически входит в комплекс исследований его наук, в систему научных знаний о нем.

Этот вклад реализуется по двум направлениям. Во-первых, в разработке конкретных проблем народонаселения, анализ ретроспективы которых невозможен без участия исторической науки, какой бы другой наукой он ни осуществлялся. Во-вторых, в интеграции всех данных о прошлом народонаселения, о всей ретроспективе его развития. На наш взгляд, эти интегративные возможности исторической науки не вполне учитываются при упоминавшейся выше разработке теоретических вопросов системы знаний о народонаселении.

Из всего изложенного следует, что исследование народонаселения в его истории — один из важнейших, больше того — необходимых компонентов всего его изучения, а советская историческая наука относится к числу ведущих «народонаселенческих» наук. Она по праву выступила четверть века назад инициатором более глубокого изучения народонаселения, выдвинула на передний план его историческую проблематику. В ходе ее разработки окрепло и развилось взаимодействие исторической науки с целым рядом наук, прежде всего с демографией.

История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений¹. Это лаконичное определение, сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом, не только указывает на одну из важнейших сторон многогранного общественно-исторического процесса, но и раскрывает объективную закономерность необходимости сотрудничества двух наук — истории и демографии, а последнюю характеризует как науку историческую.

Уже первые научные знания о процессах воспроизводства населения убедительно показали историческую обусловленность этих процессов, а также невозможность их изучения вне исторического развития. Английские «политические арифметики» конца XVII в., соприкоснувшись с изучением тех явлений, которые впоследствии получили название демографических процессов, совершили свои открытия на базе именно исторических сведений о народонаселении. В поле их зрения попали бюллетени смертности за большие отрезки времени, что позволило провести первичные наблюдения над процессами смертности и рождаемости в длительной ретро-

спективе их движения. Наличие и разработка таких данных являются неременным условием демографических исследований.

Но, разумеется, не только это определяет обращение демографии к истории. Не сводится оно и к тому, что «все демографические процессы изучаются на фоне исторических событий», как можно прочесть в одной из современных энциклопедий¹. В том-то и дело, что они изучаются не «на фоне», а в контексте исторического развития. Марксистско-ленинская демографическая наука ставит своей основной задачей раскрытие закономерностей воспроизводства населения в его социальной обусловленности, что возможно лишь на основе рассмотрения этого воспроизводства как исторического процесса, органически вплетенного в ткань всего общественно-исторического развития. В силу этого советская демография по мере своего утверждения все более выступает как наука, опирающаяся в своих исследованиях на историко-демографический материал, ведущая эти исследования на основе диалектико-материалистического принципа историзма.

Закономерно усиление внимания к историко-демографической тематике в советской исторической науке. Ее взаимодействие в сфере исторической демографии с демографической наукой обогащает и углубляет исследования социально-экономической истории, всего исторического процесса, значительно повышает их актуальность, связь с современностью.

Именно это должно быть подчеркнуто как главное при характеристике значения взаимодействия истории и демографии. На первый взгляд может показаться, что это касается только двух наук и взаимообогащает лишь эти две науки, «замыкаясь» на них. Но это не так. Его действительное проявление намного шире. Без глубоких и всесторонних историко-демографических исследований невозможно и изучение истории народонаселения в целом, а следовательно, и всей народонаселенческой проблематики. Это в свою очередь накладывает особую ответственность на проведение историко-демографических исследований. Проблемы, разрабатываемые

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 40.

¹ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. I. М., 1972, с. 375.

на стыке истории и демографии, должны иметь «выход» в современность, быть взаимосвязаны с изучением актуальных проблем народонаселения как глобальных, так и особенно тех, которые решает общество развитого социализма. В этом — первостепенное значение развития взаимодействия исторической и демографической наук в сфере их совместного изучения демографической истории.

Подчеркнув это, отметим далее, что есть еще одна сфера, точнее, область их соприкосновения. Такой областью является изучение истории демографической науки. Роль исторической науки в разработке этой области (как, впрочем, и всей истории изучения народонаселения) никогда не рассматривалась. Это объясняется, по крайней мере, двумя причинами. Первая из них — явно недостаточное внимание к истории демографической науки. Вторая — более общая: слабая исследованность теоретических вопросов изучения истории общественных наук, соотношения истории этих наук с исторической наукой и значения ее в раскрытии их прошлого.

Впервые эти вопросы были затронуты около двух десятилетий назад. Тогда Б. М. Кедров в общей форме попытался обосновать отнесение истории общественных наук к так называемым «стыковым наукам», сочетающим структурный и исторический методы исследований¹. Позже А. М. Сахаров (1923—1978) сделал следующий важный шаг в определении места истории наук в системе исторических знаний. Рассматривая эту проблему, он пришел к выводу, с которым трудно не согласиться: «без исторической науки история любой науки не может быть сколько-нибудь полноценной»². По мнению ученого, история отдельных наук входит одновременно в историческую науку (будучи частью истории науки в целом) и в соответствующие науки³.

¹ История и социология. М., 1964, с. 111—112, 116.

² Сахаров А. М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований. — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки/Под ред. Ю. С. Кукушкина. М., 1977, с. 38.

³ В СИЭ история наук отнесена к группе «смежных наук». «Являясь историческим введением в науки, вызвавшие их обособление, смежные науки одной своей стороной входят в историю» (СИЭ, т. 6. М., 1965, стб. 588). Таким образом, и здесь история наук относится одновременно к исторической науке и к соответствующим наукам.

Нет никаких оснований, чтобы рассматривать историю демографической науки как исключение в таком подходе. Напротив, она имеет важную особенность, усиливающую значение исторической науки в ее разработке. Демографическая наука — единственная «народонаселенческая» наука, история которой полностью входит в историю изучения народонаселения в целом, и, больше того, является ее стержнем. Это обеспечивает, так сказать, двойную взаимосвязь исторической науки и демографии в данной области: осуществляемую одновременно в разработке непосредственно истории демографической науки и вместе с тем всей истории изучения народонаселения.

История и демография взаимосвязаны, таким образом, не только историко-демографической проблематикой, но и вступают в контакт в процессе разработки истории демографической науки, всего изучения народонаселения. Исследование этих двух сфер соприкосновения истории и демографии находится сегодня на переднем крае науки.

Переходя к более подробной характеристике исторической демографии, рассмотрим прежде всего три взаимосвязанных вопроса. Первый из них касается определения объекта изучения исторической демографии (в частности, соотношения понятий «демографическая история» и «историческая демография»). Второй — роли демографической и исторической наук в формировании предметной области исторической демографии. Наконец, третий связан с более четким определением хронологических рамок исторической демографии в целом.

Постановка первого из этих вопросов не случайно связана с понятиями «демографическая история» и «историческая демография». Каждый, кто знакомился с историко-демографической литературой последних лет не мог не обратить внимание на встречающееся в некоторых работах своеобразное толкование этих понятий, ведущее к искажению представления об объекте исторической демографии. Наиболее наглядно оно проявилось в названных исследованиях В. И. Козлова. Вначале (в книге «Динамика численности народов») он писал об «особой научной дисциплине — исторической демографии (или демографической истории)» (с. 7). Позже (в статье «Демография и система исторических

наук»), отказавшись от отождествления названных понятий, указывал, что «эта дисциплина может быть с некоторой условностью подразделена на собственно историческую демографию и демографическую историю» (с. 234—235).

Наконец, в книге «Этническая демография» уже без каких-либо оговорок утверждается, что «вырисовываются контуры двух научных дисциплин: исторической демографии и демографической истории; первая по своей сущности и задачам ближе примыкает к демографии, вторая — к истории» (с. 8). Впрочем, через несколько десятков страниц эта категоричность зачеркивается констатацией: «Между этими дисциплинами нет четкой границы — обе они имеют широкие полосы «перекрытия» и часто объединяются под названием «историческая демография»» (с. 52). Так все, по существу, вернулось на «круги своя» — к отождествлению демографической истории и исторической демографии.

Но не надолго. В статье «К вопросу о роли демографических факторов в истории» (II) В. И. Козлов вновь вернулся к этому вопросу. Теперь о тождестве демографической истории и исторической демографии не говорится. Зато автор с новой силой подчеркивает, что вторая из них ближе к демографии и научность ее «повышается там, где она переходит от констатации демографических фактов к выявлению обусловивших их причин на данном историческом этапе развития общества». Демографическая история, по мнению В. И. Козлова, ближе к исторической науке, она анализирует влияние демографических явлений «на те или иные стороны процесса исторического развития общества» (с. 7—8).

На наш взгляд, ученый правильно подметил двудетную задачу, которая решается историко-демографическими исследованиями в целом: изучение демографических факторов в истории и вместе с тем их исторической обусловленности. Но необходимость «размежевания» и особенно выделения двух специальных дисциплин он так и не обосновал. Да вряд ли это и можно сделать, так как объективно такое выделение ведет не просто к «размежеванию», а к нарушению взаимодействия исторической и демографической наук.

Нельзя не отметить, что данная постановка вопроса порождает и терминологическую путаницу. В современ-

ной литературе, включая учебники¹, под «демографической историей» понимается не какая-либо научная дисциплина, а историческая эволюция демографических процессов (включая миграционные) с древнейших времен до наших дней, т. е. демографическая история человечества, являющаяся (вместе с экономической, социальной, культурной, этнической и т. д.) органической частью всего общественно-исторического развития.

При такой трактовке проблема соотношения понятий «демографическая история» и «историческая демография» выходит за ограниченные пределы дискуссии о «двух научных дисциплинах», а также терминологического спора и приобретает принципиальное методологическое значение. Как мы полагаем, отношение исторической демографии и демографической истории определяется как отношение субъекта (научной дисциплины — исторической демографии) и объекта (демографической истории, т. е. того, на что направлена познавательная деятельность этой дисциплины). Не история народонаселения вообще, а народонаселение в его демографической истории — таков объект изучения исторической демографии. Его четкое определение, очерчивающее область непосредственного взаимодействия исторической и демографической наук, является первым неперенным условием правильного понимания этого взаимодействия.

Второе, не менее важное условие, связано с выявлением предмета изучения исторической демографии. Нам представляется своевременной и насущной постановка Ю. В. Бромлеем и О. И. Шкартаном вопроса о том, что определение предмета соответствующей области знания, раскрытие ее взаимодействия со смежными научными областями имеет существенное значение². В полной мере это относится и к исторической демографии. Из-за нечеткого понимания предметной области этой научной дисциплины ее сначала «записали» за исторической географией³ (точнее, исторической географией

¹ См.: Курс демографии. М., 1974, гл. XXII. Демографическая история.

² Бромлей Ю. В., Шкартан О. И. О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии. — Социологические исследования, 1978, № 4.

³ При таком подходе сама демография превращалась, по замечанию Ю. В. Бромлея, в субдисциплину географии (см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 256).

населения), сейчас пытаются причислить в качестве «составной части» к исторической социологии¹, но все же наибольшая путаница происходит при отнесении к исторической демографии любого исследования по истории народонаселения.

Традиция отнесения всех исторических исследований по истории народонаселения к числу историко-демографических имеет четвертьвековую давность, и возникновение ее было в известной мере оправдано. Когда на рубеже 50—60-х годов был поставлен вопрос о необходимости ликвидации отставания в области исторической демографии, исследования по истории народонаселения насчитывались единицами, их предметная область была слабо дифференцирована, и естественно, что все они подчас объединялись под единой «демографической» рубрикой. В последующие десятилетия появились многочисленные исследования по истории народонаселения, выполненные в историко-экономическом, историко-социологическом, историко-демографическом, историко-географическом и других аспектах.

Могут ли все они быть «записаны» по «разряду» исторической демографии? Это попытался сделать Р. Н. Пуллат². В результате предметная область исторической демографии оказалась в его изложении прямо-таки необъятной и настолько расширилась, что демографическая проблематика полностью растворилась в многообразном изучении истории народонаселения, осуществляемом исторической наукой совместно с целым комплексом наук, о чем уже говорилось выше. Историческая демография, пишет Р. Н. Пуллат, «относится как к системе исторических, так и демографических наук»³. Однако это положение в части, касающейся демографической науки, осталось в его статье на уровне простой констатации: современное развитие советской демографической науки, обширная исследовательская литература (в том числе и историко-демографическая) выпали из поля зрения автора. Тем самым был допущен серьезный просчет.

Методологический анализ исследований по истории народонаселения убеждает, что приоритет в определении

предметной области исторической демографии принадлежит советской демографической науке. Являясь ее разделом, историческая демография исследует те же процессы и явления, что и демографическая наука в целом, но в их исторической ретроспективе, и полностью подчинена тем задачам, которые решает последняя в изучении ее современной проблематики¹.

В этой неразрывной связи с современными задачами демографической науки раскрывается с подлинной полнотой практическое значение исследований по исторической демографии. И в этом же раскрывается важнейшее значение взаимодействия исторической и демографической наук. Советская историческая наука с полным правом включает в себя историческую демографию. Но не механически, а с учетом предмета демографической науки, обогащая последнюю, способствуя утверждению в ней диалектико-материалистического принципа историзма и, в свою очередь, получая через нее один из важнейших выходов в современность.

Если конкретизировать изложенное выше в общем виде положение о предметной области исторической демографии, то станет видным, что и при указанном ограничении в нее входит широкий круг проблем, подлежащих совместному изучению историков и демографов. Эти проблемы настолько многообразны, что перечень их требует некоторой систематизации, разумеется, чисто условной, так как в действительности они тесно переплетаются и взаимосвязаны, что, конечно, должно постоянно учитываться при их изучении.

Можно наметить три группы таких проблем. В первую из них входят проблемы, изучение которых связано с историческими процессами динамики численности населения, изменениями его состава, расселения и плот-

¹ В. К. Яцунский, разрабатывая в свое время методологические вопросы исторической географии, указывал: «География современности и историческая география имеют один и тот же объект изучения, но с тем лишь весьма существенным различием, что современная география изучает этот объект в его современном состоянии, а историческая география изучает его изменения в историческом прошлом». Далее он подчеркивал, что «между предметом исторической географии и географии современности нет принципиального различия в содержании» (Яцунский В. К. Историческая география. М., 1965, с. 3, 9—10).

¹ См.: Брачность, рождаемость, семья за три века, с. 5.

² См.: Пуллат Р. Н. Историческая демография в СССР (I).

³ Там же, с. 10.

ности, а также миграции. Последние являются предметом совместного рассмотрения с исторической географией населения. Но при этом историческая демография сохраняет к ним самостоятельный интерес в силу того, что они в определенной мере влияют на процессы воспроизводства населения и динамику его численности.

Эта динамика до недавнего времени почти не привлекала внимания историков. Советские историки, пишет в связи с этим В. И. Козлов, «отмечая ведущую роль народных масс в истории, уже тем самым по существу признают значение количественного фактора. Но дальше этого дело зачастую не идет. Приводимые в исторических работах данные, например, сведения о численности населения отдельных стран или численности народов, обычно привязываются лишь к какой-то определенной дате, берутся в статике, а не в динамике, и поэтому имеют лишь иллюстративное значение»¹.

Эта оценка вполне справедлива. Как показали работы Б. Ц. Урланиса о Европе, А. Г. Рашина и других ученых о России, источники дают наибольшие возможности именно для исследования динамики численности населения, темпов ее изменения, а также для рассмотрения других названных выше проблем данной группы.

Намного сложнее, особенно по мере удаления в глубь веков, обстоит дело с источниками изучения следующей группы проблем — исторических процессов воспроизводства населения (его «естественного движения»). Между тем они являются как бы сердцевиной исторической демографии, и исследование, скажем, эволюции рождаемости или смертности имеет наиболее важное и непосредственное практическое значение для анализа современных демографических процессов.

Высокую степень актуальности имеет также история брачности, семьи, демографического поведения и связанных с ними вопросов, при разработке которых историческая демография соприкасается с исторической психологией, а также с исторической социологией, с которой она изучает (со своих позиций) и социальные изменения в населении. Наконец, историческая демография призвана участвовать и в изучении медико-биологических аспектов эволюции воспроизводства населе-

ния. Таким образом вся группа проблем изучения воспроизводства населения не только ставит перед исторической демографией ряд первоочередных задач, но и требует их междисциплинарного изучения, что пока осуществляется явно недостаточно.

Неудовлетворительно обстоит дело с исследованием третьей группы проблем, подлежащих «ведению» исторической демографии. Эта группа по перечислению названа последней, но по значимости ее проблем она — в числе первоочередных, так как к ним относится изучение исторических законов демографического развития и истории демографической политики. Если разработка демографических законов, пусть очень робко, но все же начата, то о истории демографической политики даже и этого сказать нельзя. Одна из основных причин такого положения заключается в том, что сотрудничество демографов и историков остается явно недостаточным. Известно, какое большое значение придается в документах XXV и особенно XXVI съездов КПСС эффективной демографической политике. Между тем нет ни одного историка или демографа, который с необходимой научной обоснованностью ответил бы на вопрос: проводилась ли такая политика на предшествующих этапах общественно-исторического развития? И это не случайно: исследований, специально посвященных истории демографической политики и политики народонаселения в целом, практически нет.

Этот пример — не только свидетельство необходимости усиления содружества историков и демографов. Он является еще одним подтверждением того, что предметная область исторической демографии должна соответствовать проблематике, изучаемой современной демографической наукой. На этой основе историко-демографические исследования должны выходить за пределы «традиционных» тем, смело обращаться к изучению исторических аспектов актуальных вопросов нашего времени.

Таковы основные проблемы, образующие предмет исследований исторической демографии. Само собой разумеется, что они очерчены лишь в самом общем виде и их дальнейшая расшифровка раскроет широту историко-демографической тематики как отечественной, так и зарубежной истории. Здесь не случайно сказано о последней. Полноценное изучение перечисленных проб-

¹ Козлов В. И. К вопросу о роли демографических факторов в истории (II), с. 12.

лем не может осуществляться только на материалах отечественной демографической истории, хотя она безусловно, имеет первостепенное значение. Поэтому одна из безотлагательных задач современной советской демографической науки — ликвидация отставания в изучении зарубежной историко-демографической тематики, всей всеобщей демографической истории.

В связи с этой задачей возникает необходимость остановиться на вопросе о хронологических рамках исторической демографии — третьем, из поставленных выше вопросов. Если предметная область исторической демографии уже, чем предметная область изучения развития народонаселения исторической наукой, то хронологически она полностью совпадает с последней, т. е. изучает свой объект на протяжении всего общественно-исторического процесса — с древнейших времен до наших дней. Говоря об этом, необходимо еще раз подчеркнуть важность и первоочередность задач изучения народонаселения советской эпохи. Именно им, по нашему мнению, должно быть подчинено каждое исследование по истории народонаселения, какого бы периода оно ни касалось.

Определение объекта изучения исторической демографии, ее предметной области и хронологических рамок являются основными вопросами в разработке теоретических проблем историко-демографических исследований. Их выяснение позволяет глубже понять механизм взаимодействия исторической и демографической наук. В общем виде об этом уже говорилось. Но как соотносятся в исторической демографии история и демография?

Вопрос не праздный, особенно если учесть суждения на этот счет, имеющие довольно широкие хождения в буржуазной науке. Например, Т. Холлингсворт считает (как и в приведенном выше случае), что историю народонаселения изучают две дисциплины — историческая демография и демографическая история. Первую из них он причисляет к исторической науке, вторую — к демографической. Причем возможности исторической демографии (т. е. истории), по Т. Холлингсворту, очень ограниченные: она всего лишь получает оценки общей численности населения, является «демографией на уровне самых приблизительных данных»¹. На этом, полагает

английский ученый, участие исторической науки в изучении истории народонаселения исчерпывается. Она дает «первую зарисовку», а полную «картину» — только демография («демографическая история», по классификации Т. Холлингсворта). Налицо, таким образом, явное исключение исторической науки из историко-демографических исследований.

Еще дальше Т. Холлингсворта идет его французский коллега Ж. Дюпакье. В общем он, как отмечалось, придерживается встречающегося в буржуазной науке мнения о существовании двух дисциплин — истории народонаселения и исторической демографии. Но не это главное для Ж. Дюпакье. Как ученый он сформировался на гребне успехов во Франции применения метода ВИС, и это определяет его оценку исторической демографии, которая «завоевала полное право на самостоятельное существование». «Закрепив за собой объект наблюдения»¹, — пишет он далее, — опробовав методы и добившись существенных результатов, историческая демография освободилась от традиционного покровительства истории и современной демографии и может претендовать на ту же роль в области социальных наук, какую играет астрономия в точных науках. Более того, она является прочной основой в деле обновления демографического анализа и даже исторического ведения»². Удивительное суждение: Ж. Дюпакье «освободил» историческую демографию не только от исторической науки, но и от демографической и попытался возвести ее в ранг чуть ли ни некой метанауки.

Позиции Т. Холлингсворта и Ж. Дюпакье (а количество таких примеров можно увеличить) отражают вполне реальное положение в буржуазной науке и прежде всего ее идейно-теоретическую несостоятельность в разработке истории народонаселения. В этих условиях оценки взаимодействия истории и демографии приобретают своеобразный характер. Так, П. Губер, подводя первые итоги историко-демографических исследований во Франции в 50—60-е годы, писал: «За последние четверть века демография помогла истории стать социальной наукой»³. Конечно, взаимодействие истории и

¹ Т. е. изучение демографических процессов XVII—XVIII вв. на основе метода ВИС.

² Dupâquier J. Op. cit., p. 9.

³ Goubert P. Op. cit., p. 316.

демографии в изучении историко-демографической тематики в буржуазной науке тем не менее осуществляется. Однако оно имеет ограниченный, противоречивый характер.

В советской науке, где у истории и демографии единая диалектико-материалистическая основа, положение принципиально иное. Но это не значит, что их взаимодействие реализуется автоматически, не требует глубокого анализа и осмысления. Именно в силу недооценки проблем этого взаимодействия появились односторонние суждения о принадлежности исторической демографии только к исторической науке или только к демографии. История науки свидетельствует, что при формировании научных дисциплин, лежащих в пограничных областях наук, нередко возникали дискуссии, к какой из них отнести данную дисциплину. Так было, например, с исторической географией. В. К. Яцунский считал, что она относится к истории и географии, С. С. Дмитриев относил ее только к истории¹.

Сегодня исторической географией занимаются преимущественно историки, но разве кто-нибудь станет отрывать ее от географической науки? Такой же представляется судьба и изучения демографической истории, его, несомненно, будут осуществлять преимущественно историки (на то они и специалисты «по прошлому»), но только они не должны забывать, что занимаются исторической демографией².

Акцентирование внимания на «двойном подчинении» исторической демографии, разумеется, ни в коей мере не означает попытку отсечь ее от других наук и дисциплин, изучающих историю народонаселения. В том-то и состоит важное положительное значение современной историографии этой тематики, что она начинает изучаться широким фронтом: в историко-экономическом, историко-социологическом, историко-демографическом, историко-географическом и других аспектах³.

¹ Известия АН СССР. Сер. «История и философия», 1951, т. VIII, № 4, с. 371.

² Впрочем, и демографы должны постоянно помнить, что раздел их науки не случайно называется исторической демографией.

³ Наряду с этими традиционными аспектами формируются новые. Так, возникновение исторической экологии ставит вопрос об историко-экологическом аспекте изучения прошлого народонаселения (см.: Ким М. П., Данилова Л. В. Природное и социальное в историческом процессе. — В кн.: Общество и природа. Исторические этапы формирования взаимодействия. М., 1981).

Как было показано на примере исторической демографии, каждое из этих направлений «должно знать свой маневр», т. е. ту предметную область, которая является сферой его исследования. Однако не менее важное значение имеет и интеграция этих исследований. Таким интегрирующим фактором для них является историческая наука, в свою очередь, взаимодействующая в изучении народонаселения с широким кругом наук.

Современное марксистско-ленинское изучение исторического прошлого народонаселения набирает силы. Его дальнейшее развитие требует всемерной разработки социально-экономических аспектов историко-народонаселенческой проблематики, расширения исследований исторической демографии, исторической географии населения и ряда других исторических дисциплин, которые входят в соответствующие области знаний и вместе с тем в совокупности образуют целую отрасль исторической науки — изучение истории народонаселения.

История и современность (вместо заключения)

В начале работы была обоснована исходя из современных задач развития изучения народонаселения необходимость обращения к прошлому этого изучения, его истории. В последующем изложении был проделан обратный путь — от истории (главы 1—2) к современности (главы 3—4). Теперь подведем его общие итоги.

Рассмотрение основных периодов становления современного изучения народонаселения на всем его протяжении от XVI в. до наших дней показывает, что возникновение и развитие демографической науки является неотъемлемой частью этого процесса. Ее возникновению в XIX в. предшествовал длительный период первоначального накопления научных знаний о народонаселении, которое не сводилось к зачаткам изучения какой-либо только одной, пусть и чрезвычайно важной, стороны жизнедеятельности народонаселения. Понимание этого проявляется и в современной буржуазной науке, представители которой начиная осознавать, что концепция «чистой демографии» является «просто иллюзией»¹, отказываются, как это было показано на примере очерка Ф. Лоримера, от антиисторической трактовки возникновения демографии «от Граунта».

Американский демограф не одинок в этом; вот, что пишет его английский коллега Д. Гласс: «Демография, как область исследования, ведет начало с 1662 г., когда была опубликована работа Д. Граунта «Наблюдения», однако как наука она определилась лишь в середине XIX в., тогда же получив свое наименование»².

¹ Lorimer F. Op. cit., p. 165.

² Glass D. V. Op. cit., p. 1.

Заметим, что между 1662 г. и серединой XIX в. лежит целая эпоха, в течение которой «область исследования» народонаселения неуклонно развивалась, и если, скажем, «политические арифметики» положили начало первым научным подходам к изучению воспроизводства населения, то столетие спустя французские просветители сделали не меньшее — они увидели само народонаселение.

Представление о возникновении демографии «из статистики», сыграло свою роль в длительном причислении ее к последней, что отрицательно сказалось на всем изучении народонаселения, сводило его в значительной мере только к количественным исследованиям (статистике населения). Но этот существенный методологический изъян объясняется, конечно, не исторической общностью возникновения демографии и статистики, а порожден самой природой буржуазной демографической науки, в которой сразу обнаружился разрыв между количественным изучением народонаселения и общими теоретическими концепциями его развития. Демография США, писал в этой связи Р. Венс, «слишком долго находилась на стадии, когда ее работы носили чисто описательный характер, причем никогда не были подкреплены точными наблюдениями».

В этой науке, по словам Ф. М. Хаузера, возникло слишком большое неравенство в соотношении методов, объема фактических данных и идей. Она справедливо отмечает важность точности в исследованиях, но несправедливо игнорирует значение идей... Теоретическая основа демографии все еще остается ее слабым местом, главным образом потому, что целью анализа слишком часто является чистое описание»¹. Характеристика Р. Венса может быть распространена с небольшими коррективами и на оценку буржуазных демографических исследований в других капиталистических странах. Она по существу является свидетельством неспособности капиталистического общества обеспечить подлинно научную разработку проблем народонаселения.

Весь опыт истории демографической науки подтверждает, что ее действительное развитие возможно лишь на путях диалектико-материалистического изучения проблем народонаселения. Великий революционный пе-

¹ Vans R. Op. cit., p. 296.

реворот, осуществленный в общественной науке К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным, имеет прямое отношение и к демографии. Его воздействие так или иначе испытывает и буржуазная наука. На основе марксистско-ленинской методологии ширятся исследования народонаселения в СССР и социалистических странах.

Прослеженное в основных моментах становление и развитие советской демографической науки в 20-х — начале 80-х годов показывает, что формирование марксистско-ленинского изучения народонаселения не отмечает прошлые научные достижения и современный положительный опыт буржуазной демографии, а творчески использует их и вместе с тем на основе диалектико-материалистической методологии обеспечивает развертывание качественно новой научной разработки проблем народонаселения, что отвечает потребностям строительства социализма и коммунизма.

Масштабность этой разработки объективно ведет к складыванию целой системы марксистско-ленинских знаний о народонаселении. Формирование ее свидетельствует о многообразии изучения народонаселения и вместе с тем решающей роли в нем советской демографической науки. Эта роль с особой силой была подчеркнута в последние годы в документах КПСС, ее XXV и особенно XXVI съездов. Указания партии являются решающим залогом современного успешного развития советской демографии как самостоятельной общественной науки.

При этом советская демография выполняет социальный заказ общества развитого социализма. Но нельзя забывать, что свой социальный заказ имеет и буржуазная демография, он определяется и диктуется интересами капиталистического общества. Вот почему нет «мировой демографии», а есть противостоящие друг другу марксистско-ленинская демографическая наука и буржуазная демография, идейная борьба между которыми в конечном итоге отражает противоборство сил социализма и капитализма.

В этих условиях принцип партийности призван пронизывать все исследования советской демографической науки, быть одним из основополагающих в каждом из ее разделов, в том числе и в рассматриваемых в настоящей работе — истории демографии и исторической де-

мографии. Завершая рассмотрение первого из них, следует подчеркнуть, что разработка истории демографической науки это — поле острой идейной борьбы, и марксистско-ленинская демография не может уступить своему идейному противнику ни единого клочка этого поля.

Сказанное в полной мере относится и к другому раздлу — исторической демографии. Это тем более необходимо подчеркнуть, что в последние годы имеют место случаи объективистского подхода к современным историко-демографическим работам в буржуазной науке, которые либо перечисляются без критической оценки, либо даже характеризуются как «престижные», якобы открывшие новую область в знаниях о прошлом народонаселения, и т. д.

Как было показано в данной работе, изучение истории народонаселения имеет давние научные традиции, а возникновение исторической демографии относится к последней трети XIX в. Начавшееся тогда взаимодействие истории и демографии приобрело, однако, ограниченный характер в силу субъективистско-идеалистической трактовки исторического процесса буржуазной наукой, а также неспособности ее научно раскрыть роль демографических факторов в общественно-историческом развитии.

Значит ли это, что ее исследования не имеют никакого научного значения? Нет, такой подход мог бы нанести только вред советской исторической демографии. Буржуазная наука накопила немалый опыт в изучении демографической истории, многое было сделано в 50—70-е годы и делается сейчас. Критически осмысливая достигнутое в буржуазной науке, ведя идейную борьбу с ее антинаучными концептуальными установками, советская историческая демография осуществляет исследования на собственной базе, опирающейся на взаимодействие двух наук, которые имеют единую диалектико-материалистическую основу.

Марксистско-ленинские исследования истории народонаселения переживают с 60—70-х годов подъем. Его дальнейшее развитие требует разработки теоретических вопросов изучения истории народонаселения, уяснения особенностей и характера историко-демографических исследований, проблем взаимодействия исторической и демографической наук. Все это невозможно без глубо-

кого выявления значения исторической науки в изучении народонаселения. Когда четверть века назад был поставлен вопрос о необходимости резкого усиления внимания к изучению истории народонаселения, это связывалось с конкретными задачами исторических исследований, и прежде всего исследований социально-экономической истории СССР.

Теперь, в ретроспективе лет, ясно, что изучение народонаселения исторической наукой не ограничивается только ее пределами, а имеет важнейшее значение для всей разработки проблем народонаселения, всей системы знаний о нем. Иначе говоря, советская историческая наука, исследуя прошлое народонаселения, решает свои задачи и одновременно вносит существенный вклад в изучение народонаселения в целом.

Такое двуединое понимание значения изучения народонаселения советской исторической наукой позволяет глубже уяснить необходимость комплексных разработок в данной области, научных контактов, и прежде всего между историей и демографией.

В данной работе предпосылки и формирование их взаимодействия были прослежены в историческом плане. В заключение следует еще раз подчеркнуть, что при этом ставились строго ограниченные задачи дать только общие контуры концепции истории возникновения и развития демографической науки, раскрыть основные моменты историографии исторической демографии и ряд теоретических вопросов изучения истории народонаселения. Вся совокупность проблем как истории демографии, так и исторической демографии может быть раскрыта лишь в ходе совместных систематических исследований демографов и историков, определяемых современными потребностями изучения народонаселения, задачами реализации решений КПСС.

Оглавление

Современность и история (вместо предисловия)	3
Глава первая. У истоков научного изучения народонаселения	13
К какому времени относится возникновение демографической науки?	13
Зачатки первых знаний	17
На пути к демографии	23
Новое понятие — «народонаселение»	32
Обращение к истории	47
Глава вторая. СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ	55
Непосредственные предпосылки	55
Возникновение демографии	66
Первые десятилетия	86
Демография и история: начало взаимодействия	95
Глава третья. РУБЕЖИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИИ	108
Переворот в изучении народонаселения	108
Формирование советской демографии	121
Самостоятельная общественная наука	152
Международное демографическое сотрудничество и некоторые черты современной буржуазной демографии	182
Глава четвертая. ДЕМОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	199
Историко-демографические исследования в буржуазной науке	200
Советская историческая демография	222
Теоретические вопросы изучения истории народонаселения	245
История и современность (вместо заключения)	266